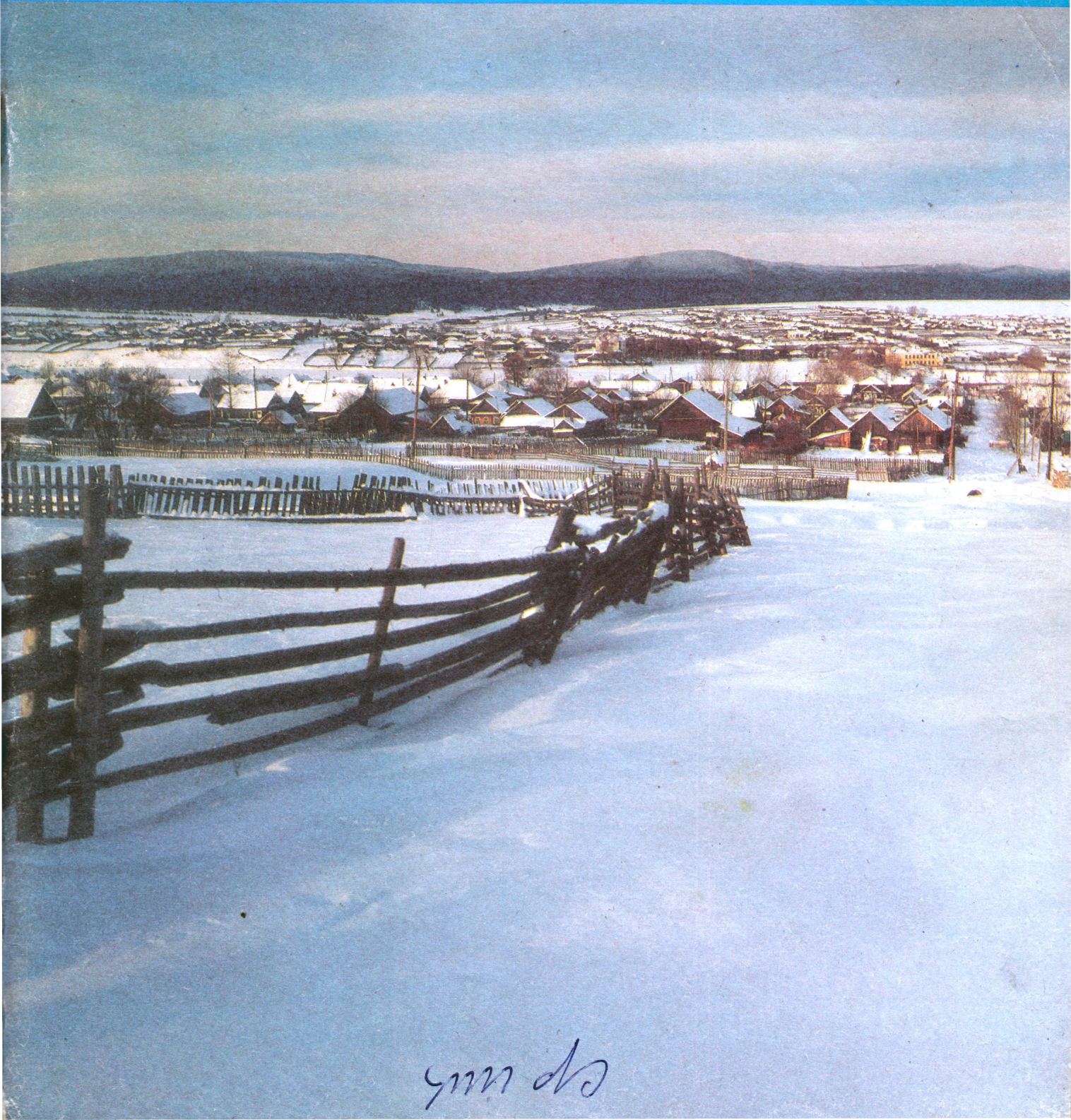

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕГОНЬИМ
ISSN 0134 - 241X URAL STALKER 2'1994

С. М. С.

УЧРЕДИТЕЛИ —

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ,
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей ГРИГОРЬКИН
(главный художник),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА,
Леонид ШУНЯЕВ.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Станислав МЕШЛАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, г. ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Росвязьинформа»

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комбинат.

Подписано к печати 16. 01. 1994.
Формат бумаги 84×108/16.
Бумага типографская № 2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,96.
Уч.-изд. л. 13,2.
Усл. кр.-отт. 7,8.
Тираж 50 000 экз.
Заказ № 2246
С.-3

Отпечатано на Чеховском полиграфическом
комбинате

142300, г. Чехов Московской обл.

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ:

2/1994

Полигон

Игорь ЕЛКОВ, Юрий АБРАМОВ 2

Челюскинец Факидов

Лидия ШИРИНОВСКАЯ 6

Спутник планеты "Галилей"

Юрий СЕНТЯБРЕВ 7

И падало солнце на землю... Стихи

Михаил НАЙДИЧ 8

Журнал в журнале "Аэлита"

Приговоренный. Фантастическая повесть. Окончание

Геннадий ПРАШКЕВИЧ 9 (27)

Нарботка на отказ. Фантастическая повесть

Александр ГРОМОВ 19 (36)

Заочный КЛФ

37

Замечательны тем, что жили...

Юний ГОРБУНОВ 39

Святочные "страшные" вечера

Ирина БЕЛОБОРОВОДА 42

Спас — Ярое Око. Приключенческая повесть. Окончание

Юрий КОРОТКОВ 47

Правдивое жизнеописание короля Уго II-го

Сергей ГЕОРГИЕВ 70

Третий русский паровоз

Александр КОЛЕСОВ 72

Матэ— парагвайский чай

Владимир ХОХЛАЧЕВ 74

Клуб собирателей

76

Игры народов мира. Ют-нори и другие

78

Игорь ЕЛКОВ
Юрий АБРАМОВ

Полигон

...Все Зона! И сразу такой озноб по коже... Каждый раз у меня этот озноб и до сих пор я не знаю, то ли это так Зона меня встречает, то ли нервышки у сталкера шалят. Каждый раз думаю: вернусь и спрошу, у других бывает то же самое или нет, и каждый раз забываю.

*Братья Стругацкие
"Пикник на обочине"*

...Вертолет нехотя отрывается от площадки и на брющем берет курс в сторону губы Черная. В иллюминаторе "мертвый" пейзаж — снег да камень. Глаз радуют лишь спасающиеся от шума двигателя большой странной птицы стайки гусей. Ничего сверхъестественного, ничего особенного. И уже впору разочароваться, как вдруг какое-то неуловимое чувство заставляет насторожиться и пристально посмотреть вниз.

А там уже Зона.

...Хилая в один ряд колючка. Небольшой пустынный и замерзший поселок с неухоженными домиками. Ни людей, ни собак. Какие-то брошенные механизмы и детали. Огромная воронка, говорят — наследство наземного взрыва в 57-м. Еще нечто похожее на заполненные водой чаши. Впереди свободный ото льда залив. На берегу несколько сооружений в виде выступающих из зем-

ли железобетонных цилиндров. Вертолет пролетает прямо над военным кораблем. Даже с высоты видно — его команда давно не проводила авралов, отчего корабль поржавел и вот-вот затонет. Да и нет, честно говоря, на нем команды. "Летучий голландец" ядерного века — трофейный эсминец "Карл Либкнехт".

...Снова под нами земля. Какие-то вышки и арматура, разрушенные до фундамента строения, разбросанные на сотни метров бревна. Вертолет делает поворот и покидает Зону. Курс на аэродром Рогачево. В иллюминаторе снова "мертвый" пейзаж — снег да камни...

Это не очередной отрывок из романа братьев Стругацких, эта Зона — реальность. Ее адрес — Новая Земля, губа Черная, она так и названа "зона А": полигон и поселок ядерщиков. Туда, правда, не доходят письма. Никому в

голову не пришло писать. А если бы пришло — то они просто вернулись бы с пометкой — адресат выбыл...

Люди и бомбы

Вы все уже не раз читали или слышали о том, что происходит на Новой Земле. Взрывают, точнее, взрывали до введения одностороннего моратория. И, вероятно, будут еще — после его окончания.

Сегодня мы не будем лишней раз убеждать вас, что безъядерный мир лучше ракетно-ядерной гонки вооружений, как и не станем пытаться обосновывать преимущества термоядерного равновесия. Зачем воспитывать взрослых людей? Наша задача проще: рассказать не о том, что происходит на Новоземельском полигоне, теперь уже единственном

полигоне России, где довелось побывать, а как это происходит. И внимательно послушать участника событий со стажем. Не лишние знания. Ведь страсти вокруг архипелага не утихают. А, согласитесь, несколько странно, когда человек стремится определить свое отношение к чему-либо, не очень четко представляя предмет своих эмоций.

Итак, начнем с самого банального. Подводные, надводные, наземные, воздушные и космические взрывы в настоящее время у нас не производятся (космические, слава Богу никогда и не проводились). В США и Франции — тоже. Игнорирует международные договоры только Китай и, может быть, еще ЮАР. Насчет обладания последней ядерным оружием есть сомнения, но американский спутник как-то зафиксировал подозрительную вспышку на ее территории, которую квалифицировали как ядерный взрыв. Оказать помощь

ЮАР мог Израиль, который — опять-таки предположительно — обладает наибольшим арсеналом ядерных бомб и боеголовок (существование ракет-носителей в его арсеналах не скрывается), но испытывать их негде: территория не позволяет.

Мы, то есть Советский Союз, а теперь Россия, подписали соответствующие соглашения и можем проводить испытания только под землей: в шахте или в штольне. В шахтах взрывали на ранних стадиях испытаний, теперь штольная эра.

Что это значит? Выбирается гора 900, 1000, 1200 метров высотой. Гору долго и тщательно исследуют геологи, затем в ней пробивают штольню, километра полтора в длину; Штольню замыкает КБ, то есть кольцевой бокс, в котором устанавливается ядерный заряд.

Взрыв обязательно должен быть камуфлетным, то есть без выхода продуктов распада на поверхность. Для этого все многократно пересчитывается, перепроверяется, все стараются сделать с запасом. Бывают ли ошибки? Нечасто, но случаются.

Итак, заряд в штольне, на поверхность выведены металлические трубы с кабелями контрольно-измерительной аппаратуры. В момент взрыва по ним со скоростью света, опережая волну разрушения, пройдут сигналы, ради которых, все и затевается. Сигналы будут приняты аппаратурой, размещенной в кунгах. Судами кунги доставляют в пролив Ма-

точкин Шар и устанавливают у самой штольни, на специальной площадке.

Испытания всегда проводятся только при определенных ветрах. Погода вообще очень многое определяет при испытаниях, иногда, бывает, по месяцу "связывая" по рукам и ногам испытателей.

С начала подготовительных работ к месту будущего взрыва начинают присматриваться все государства, у которых есть космические, авиационные, морские "уши" и "глаза". На зарубежных спутниковых снимках (впрочем, и на наших контрольных — тоже) все как на ладони. Особенно на заключительной стадии подготовки к испытаниям, когда начинается забивка штольни. Снуют "Уралы"-бетоновозы... В отношении бетона ядерная штольня особенно прожорлива: только для того, чтобы ее замуровать, нужно сделать бетонную пробку длиной 50—100 метров. Кроме того, замуровывается сам кольцевой бокс... Да легче перечислить то, что там не бетонируется.

Наконец фотообъективы спутников фиксируют установку фургонов в районе входа в штольню. По отвалу приблизительно определяется ее длина... Методика, по большому счету, во всем мире одна и та же. Тритиловый эквивалент вычисляется с погрешностью плюс минус 20 процентов. За рубежом, правда, предпочтение отдается погрешности со знаком "плюс".

Затем — ожидание: для проведения взрыва нужны, как отмечалось выше, особые метеоусловия, а именно — анти-

циклон над Кольским полуостровом и циклон над Исландией. Причем желательно, чтобы последний перемещался с минимальной скоростью. Как только такая погода устанавливается, все приходит в повышенную готовность. Сразу же усиленный радиоперехват: режим режимом, а интенсивность переговоров полигон — Москва объективно возрастает — надо получить разрешение. Полностью засекретить переговоры невозможно. Начинается боевая служба: корабли охранения выходят в море, поднимаются истребители ПВО, начинают барражировать. Появляется американский разведывательный самолет PC-135. К проливу Маточкин Шар подходит норвежское судно "Мариэтта", оснащенное специальной аппаратурой.

Затем приходят лайнеры "Буковина" и "Байкал", принимают на борт и вывозят в море весь поселок Северный, становится ясно: в эту ночь, под утро, русские будут взрывать. Секрет Полишинеля.

Время «Ч»

Огромные, весом 40—60 тонн, контейнеры в кунгах стоят на площадке перед штольной. Из-под земли к ним тянутся кабели — да, да, те самые, по которым пронесутся сигналы от обреченных на уничтожение подземных датчиков.

В 2—5 километрах от штольни — люди. Члены государственной комиссии,

группа съема информации (у этих самая "горячая" работа, они сразу после взрыва отправляются к штольне), группа руководства, группа автоматики, ОЗК, противогазы, вертолеты с прогреваемыми двигателями — на тот случай, если геологи просмотрели тектонический разлом в горе, где пробили штольню.

Как происходит подрыв заряда? Извините, но выполняем поставленное нам условие: технологию не расписывать. Можем лишь сообщить, что происходит это без кнопки или "ключа — на старт". Сигнал подает не человек, а автоматика. Человек лишь ее запускает и — пошел обратный отсчет времени.

...Время "Ч". Человек в радиусе нескольких километров от эпицентра ощущает (дословно) "как тебя сначала приподнимает, а затем резко бросает". Гора вздыбилась, земля под ногами ходит ходуном, стонные фургоны, как игрушечные, подлетают вверх. В земной толще творится запредельное. Ядерная энергия выжигает бетон, металл, камни, грунт, образует котловую полость. По форме эта полость — шар, идеальный остекленный шар.

Через сорок секунд после взрыва происходит выход так называемых короткоживущих газов. Они всегда просачиваются через земную твердь из-за колоссального давления, но все четыре периода их полураспада измеряются секундами или минутами, режет — часами. Собственно, из-за них и такие жесткие требования к погоде. Нежелателен разнос даже этих "быстроумирающих" продуктов взрыва.

Удачное испытание, по утверждению бывшего начальника научно-испытательного отдела полигона Владимира Андреевича Цабулина, никак не влияет на экологическую ситуацию ни в районе взрыва, ни где бы то ни было вообще. Газы распадаются, а радиация на века консервируется в остекленном состоянии в забитой бетонной пробкой штольне. Чтобы она вышла наружу, требуется почти невероятное: земная твердь должна разверзнуться. Что может разверзнуть землю? Еще один ядерный взрыв?

Как это ни странно, не может. Трудно поверить, но иногда в старой штольне проводят повторный взрыв. Делается лишь отвод в сторону от основного ствола. Нам ни за что не понять логику матери-природы, но такие вещи она почему-то прощает человеку.

Впрочем, постучим по дереву.

...Через сорок минут у входа в шахту появляются люди — группа съема информации. С 1977 по 1983 год эту группу возглавлял Владимир Андреевич. От того места, где они работают, до эпицентра взрыва 600—1000 метров — совсем немного для тех колоссальных сил, которые закупорены в этот момент в земной толще, чуть ли не под их ногами. Ядерный джин в бутылке. По всем расчетам, выйти он не может. Но

вопреки им иногда прорывается. Начиная с 1963 года делал это 3 или 4 раза.

Визуально аварийная ситуация — это прежде всего прорыв из-под земли черных газов. Вытекающий джин. Срабатывают автоматические датчики, завышает сирена. Группа должна все бросить, запрыгнуть в машины, на которых только что подъехали к площадке (автоколонна в составе вездехода, бульдозера, фургонов сразу же по прибытии разворачивается в обратную сторону), и на максимальной скорости покинуть аварийную штольню.

Есть такая авария и в биографии Цабулина...

Гибли ли на испытаниях люди? Владимир Андреевич в этом вопросе категоричен: нет, все разговоры о том, что кто-то мог специально экспериментировать над людьми — бред. Да, о здоровье тогда мало кто заботился, все были заняты и даже увлечены работой. Были аварии, но ведь все делалось впервые, не было опыта. Чтобы людей специально кто-то использовал в качестве подопытных кроликов — такого не случалось.

Был случай...

Черная

Когда лейтенантом в 1957 году Цабулин впервые попал на Новую Землю, поразила всеобщая одержимость, общий патриотический порыв. Работали все вместе: академики, генералы, солдаты, адмиралы в телогрейках. Со временем не считались, день, ночь — это имело относительное значение, все определяла работа, сроки. Никто никогда ни на что не жаловался. И дело было не в страхе (хотя "режим" свирепствовал). Страх как раз не было. Было другое: ощущение причастности к важнейшему государственному делу.

Цабулина назначили начальником приборного пункта на эсминце "Гремящий". Пункт устроили вместо первого котельного отделения. Жили испытатели в плав-казарме финской постройки, потому на берегу: армейская палатка, двухъярусные кровати, под ногами хлопает вода. Холодно. Спать на втором ярусе вопреки армейским представлениям о почетном месте считалось удачей. Конец июля, а кое-где еще лежал снег...

Позже, когда начали обустриваться, все стало проще и легче. Деньг государство в целом не жалело. Но все-таки на первом месте стояла Бомба, а уже за ней человек. Со всеми вытекающими.

Месяц готовились к взрыву. Испытание в своем роде было уникальным. Заряд установили на мачте, у самого уреза воды. Со стороны моря полукругом стояли корабли, гидросамолеты. На берегу — сухопутная техника; танки, артиллерия, самолеты. Людей накануне

вывезли километров за восемнадцать от эпицентра.

Находилось это место в районе губы Черной. Официально: "зона А" Новоземельского полигона для наземных и подводных испытаний. Ввиду запрещения и тех и других сегодня Черная — просто санитарная зона. Или, говоря простым языком, место с повышенными уровнями радиации. Таких мест на островах, если не ошибаемся, всегда два: губа Черная и мыс Сухой Нос. В 1983 году фон на Черной составлял около 30 микроренген в час.

Печально знаменита губа Черная еще и тем, что именно здесь в сентябре 1955 года провели первый подводный ядерный взрыв. Был и еще один, но несколько позже. Подводная лодка вошла по створу в бухту и выпустила ядерную торпеду по кораблю-мишени.

Сегодня о тех испытаниях почти ничего не напоминает. Разве что ржавый полузатопленный эсминец "Карл Либкнехт", который в те годы использовался в качестве причала. Да и что может напоминать? Корабль-мишень, разумеется, испарился сразу...

А впрочем, одно своеобразное напоминание все же имело место. Правда, давно. В Черную вдруг пришла мойва, вспоминает Владимир Андреевич. Много мойвы. Ведрами черпали. Когда собрались жарить, химик взял одну рыбину, завернул в фотобумагу в темноте, проясил. На бумаге — рыбный скелет. "Светится" рыба.

Других примеров из серии "про ядерных мутантов" Владимир Андреевич не знает. В байки о рыбах без чешуи и с двумя головами не верит. Ученый. Привык иметь дело и оперировать только фактами.

...А все же от ухи они в тот день, разумеется, отказались.

«Поработавшие за дьявола»

Сегодня Владимир Андреевич работает в лесотехнической академии С. М. Кирова в Санкт-Петербурге, он кандидат технических наук, доцент. Профессионально занимается разработкой теории безопасности жизнедеятельности. Что это за теория? Вот вкратце ее содержание. Развиваясь, человечество создало техногенную среду, которая представляет огромную опасность для людей. Возможность выжить заключена в осознании системы опасностей, осмысления причин последственных связей их возникновения и развития, принятия эффективных решений, направленных на повышение безопасности жизнедеятельности человека...

За словами следуют формулы, схемы, диаграммы. А еще примеры. Скажем, из всех техногенных катастроф, имев-

ших место в XX веке, половина произошла за последние 20 лет, из них 33 процента — в 80-е годы. На последние 10 лет приходится 50 процентов всех погибших и примерно столько же раненых при катастрофах в текущем столетии. Улавливаете тенденцию?

Разумеется, это не сама концепция теории бывшего испытателя, а скорее надерганные нами из этой теории места. Но и они дают некоторое представление о направлении и объеме работы доцента Цабулина. Основной же его постулат в признании того, что человек самоценен и актуален. А не идеи.

Кстати, постулат идет против правил нашего государства. Испокон века человек был средством, им затыкали дыры. И не только для государства после 1917 года. До — тоже. Всегда так было. И не только в России.

Мы не готовы ответить на вопрос, почему те, кто вплотную соприкасался с разработкой ядерного оружия, или, говоря языком Роберта Оппенгеймера (один из создателей американской атомной бомбы), "поработавшие за дьявола", рано или поздно начинают задумываться над вопросами морали. Наверное, человек, своими глазами видевший ядерный заряд и последствия его взрыва, более остро и болезненно осознает хрупкость человеческой жизни.

Академик Сахаров тоже далеко не сразу стал тем Сахаровым, которого мы знаем и помним. Разумеется, сам Владимир Андреевич Цабулин не ставит себя в один ряд с мировыми "атомными" светилами. Но для осмысления своей работы и жизни совсем не обязательно быть академиком.

К тому же у рядового испытателя, наверное, больше моральных прав представлять приоритеты в общечеловеческих ценностях. Начальник научно-испытательного отдела арктического полигона — из той категории людей, которые не посылали кого-то затыкать ядерные прорехи, а шли в них сами и в буквальном, и в переносном смысле. И в конце концов "холодную войну" разжигали не они, а политики. Но именно они, а не политики через 40 минут после взрыва появлялись у входа в штольню. Этим все сказано.

Кстати, доцент Цабулин не знает свою личную дозу, полученную на Новой Земле. Мало того — не хочет знать. Ученые обычно в состоянии оценить степень риска и поэтому почти не боятся того, с чем работают. А самое главное, человеческий организм ужасно сложная система. 4 июля 1961 года в Норвежском море на советской атомной подводной лодке произошла авария реактора, облучились и погибли люди. Один из подводников получил дозу более 500 рентген. Выжил, женился через 9 лет после катастрофы, дети появились на свет здоровыми. Но есть и другие примеры, когда люди умирали от мень-

шего числа рентген (сегодня дозы измеряют в бэрах, но в принципе, это одно и то же).

Так что у Владимира Андреевича есть резон не мучить себя подсчетом дозы. Здоров — и слава создателю. А вот из его товарищей по полигону только за последнее время четверо умерли от рака желудка или легких. Эхо полигона? В.Цабулин не склонен к столь однозначным выводам. Считает, что годы ядерных испытаний — серьезный фактор риска. Но все-таки не единственный.

Спорить бессмысленно. Нужны не споры, а скрупулезные медицинские исследования, лучше — специалистов независимого от государства научно-исследовательского центра. Только нет нигде этого независимого центра, в природе не существует. Как, впрочем, нет и зависящего, который бы занимался хотя бы проблемой воздействия длительного проживания в Арктике на здоровье детей испытателей, жен, а также их обследованием и лечением.

Ничего этого нет. И остается гадать, кто на самом деле отнял жизни у четырех новоземельцев: оппенгеймерский "дьявол" ли, на которого государство их заставило (попросило, предложило) поработать, или все-таки Бог...

Мечта

Архипелаг пережил настоящую ядерную войну. Его недра и бухты рвали ядерными зарядами, атомные "грибы" выростали на фоне девственно-прекрасных скал, в атмосфере над островами вспыхивал адский огонь тысяч "солнц". Мы не преувеличиваем. В октябре 1961 года архипелаг содрогнулся от самого страшного в истории человечества взрыва: сброшенная с самолета супербомба мощностью почти 60 мегатонн отколола и сбросила в море часть ледника в районе губы Митюшиха...

У берегов Новой Земли топили фрагменты атомной энергоустановки ледокола "Ленин", перезатапливали радиоактивные эсминцы, и, дай Бог, если не догадались еще спустить на шельф старые химические боеприпасы.

Получается, что архипелаг — это большой ядерный могильник? Не укладывается в голову, но Новая Земля сегодня — это по-прежнему красивейшее место севера планеты. Птичьи базары в Кармакулах, ледники в Русской Гавани, остров Междушарский... Вот мы листаем цветной фотоальбом. Потрясающие виды, олени на ослепительно чистом снеге. Снимок сделан с вертолета, впечатление, будто животные парят в облаках. Медведи, ледники, заливы, бухты — и все это в красках непередаваемой словами цветовой гаммы...

Может, и не стоило бы об этом писать, но автор снимков недавно умер от

рака легких. Мы думаем, что тому виной полигон. В.Цабулин хотел бы верить, что из-за никотина: фотограф много курил. Он там был, ему виднее. А может, и не виднее. Может, просто не хотелось бы ему верить, что этот страшный и одновременно прекрасный остров убивает людей.

Владимир Андреевич не хотел бы, чтобы его архипелаг вообще кого-то убивал. Он мечтает, чтобы по островам проложили туристские тропы и Новую Землю смогли бы посетить тысячи людей, увидев все своими глазами и полюбить так, как любит ее он.

Ничего страшного с нашей обороноспособностью не случится, если туристы придут с приборами и произведут замеры. На архипелаге от 14 до 16 микро-рентген, это не больше фона Москвы, Санкт-Петербурга. Исключение — радиационный фон в Черной, в Сухом Носе. Но в санитарных зонах о туризме, само собой, не может идти и речи.

Есть и другие планы. Создание акционерной российско-американской арктической компании, открытие пролива Маточкин Шар для судоходства (кстати, весьма перспективная в коммерческом плане идея), постоянный яхт-маршрут вокруг Новой Земли.

Часть доходов от этих проектов можно было бы израсходовать на конверсию и экологическую реабилитацию Новой Земли. Загажена она не только стронцием, но и бесчисленным количеством ржавых бочек, старыми металлоконструкциями, механизмами и машинами, просто бытовым мусором.

Однако, повторим, это пока лишь отдаленные перспективы и, к сожалению, без реальной материальной базы. Но есть у Владимира Андреевича уже и одна реализованная мечта: создана общественная организация "Союз новоземельцев. Ленинград". Появятся аналогичные организации в России и на Украине. В принципе питерский "Союз" В. Цабулина не претендует на роль какого-либо центра, но в силу обстоятельности таковым является. Душа движения сегодня в Санкт-Петербурге.

От "зеленых" "Союз новоземельцев" отличается менее радикальное отношение к ядерным и испытаниям: новоземельцы не ставят цели добиться их немедленно прекращению. С национал-патриотами "Союзу" В. Цабулина не по пути из-за того, что "поработавшие на дьявола" все же верят в безъядерное будущее Новой Земли. Но считают, что произойти это может лишь на основе международных соглашений: все полигоны планеты должны замолчать одновременно. Взвешенный подход. Арктика вообще учит очень трезво смотреть на вещи...

Фото Ю. АБРАМОВА

Челюскинец Факидов

"В этот день, 13 февраля 1934 года, мы были начеку с утра, так как на льду появились трещины, и вот около 1 часу дня на левый борт двинулись льды. Мы начали эвакуацию. Заранее было распределено, кто что сможет вынести. Я помогал радисту Кренкелю нести аккумуляторы. Как сейчас помню, кинооператора А. Шафрана, который снимал недалеко от агонизирующего "Челюскина". Лед трещал и он повторял: "Мама, мама, мамочка!" — боялся, но снимал эти исторические кадры. Героем является тот, кто боится, но делает..." — так рассказывает сегодня Ибрагим Гафурович Факидов, вновь переживая тот трагический день, положивший начало челюскинской эпопее.

60 лет назад экспедиция Отто Юльевича Шмидта на пароходе "Челюскин" предприняла попытку за одну навигацию пройти по Северному морскому пути из Мурманска во Владивосток. Попытка ученых и романтиков не удалась: пароход был раздавлен льдами Чукотского моря, а "челюскинцы" спасены летчиками — первыми героями Советского Союза.

В числе 104 обитателей корабля был и Ибрагим Гафурович Факидов. Я благодарю судьбу, что она свела меня с этим человеком в моем родном городе Верхнем Тагиле, в библиотеке имени Ф. Ф. Павленкова на одной из встреч в нашем клубе "Факел". Ведь это был тот самый Ибрагим Факидов, 27-летний физик-"челюскинец", чья палатка стала первым убежищем для людей, оказавшихся на льду после гибели парохода.

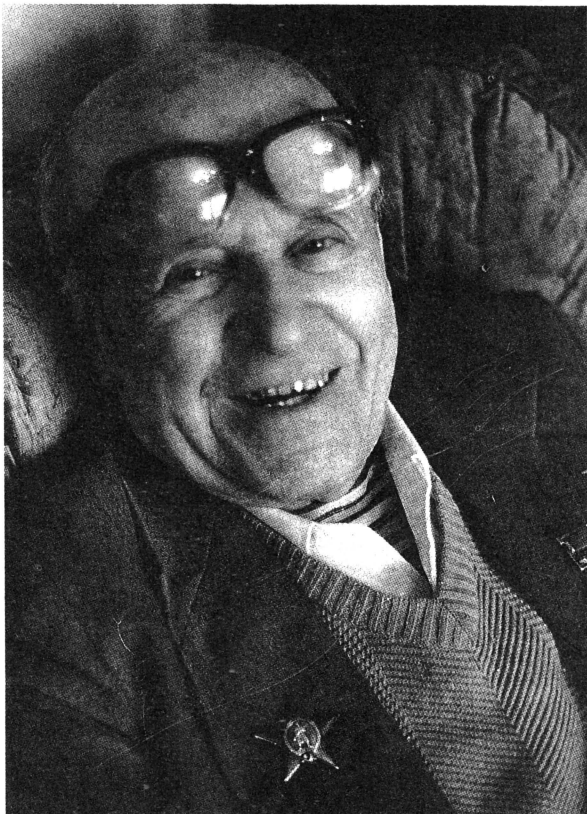
Тогда в нашем клубе к наградам и сувенирам профессора физики И. Г. Факидова прибавилась алая памятная лента с надписью "Видевшему 1000 новолуний"

и пакет лечебных трав, любовно собранных тагильчанами.

Ибрагим Гафурович родился и вырос в крымской деревне, только к 16 годам узнал грамоту, но уже к 24-м не только прекрасно освоил русский язык, но и закончил физико-механический факультет Петроградского политехнического института.

Молодого ученого направили работать в магнитную лабораторию физико-технического института Академии наук. Здесь обрел он возможность и счастье пройти физическую школу замечательного ученого, академика А. Ф. Иоффе.

До челюскинской эпопеи Факидов уже успел побывать в двух полярных экспедициях, в том числе с академиком А. Е. Ферсманом — в поисках железных руд и марганца. Готов был к любым неожиданностям.

На "Челюскине" молодому физика поручили измерять магнитное поле земли, что было необходимо для вновь осваиваемого Северного морского пути. И одновременно наблюдать деформацию корпуса судна под действием давления и ударов льда. Такие измерения, необходимые инженерам-кораблестроителям, проводились впервые. Приходилось minutно следить за большим количеством приборов, расставленных в разных частях корабля.

В тот трагический день бушевала пурга, лицо обжигал тридцатиградусный мороз. В палатке Факидова нашли приют все женщины и две девочки-полярницы Алла и Карина, родившиеся на борту "Челюскина" в Карском море. Ныне обе живут в Санкт-Петербурге.

После челюскинской эпопеи Ибрагим Гафурович вернулся в лабораторию физики магнетизма Уральского физико-технического института, выделенного из института А. Ф. Иоффе еще в 1932 году. Поначалу институт находился в Ленинграде, так что Факидов, еще не живя в Свердловске, уже стал уральцем.

В годы Великой Отечественной И. В. Курчатова привлек его к решению проблемы защиты кораблей от магнитных мин. За добросовестную и творческую работу в техническом отделе Военно-Морского флота Факидов получал благодарности от наркома адмирала Н. Г. Кузнецова и адмирала Л. М. Галлера.

Потом вернулся в лабораторию электрических явлений института физики металлов, заведовал этой лабораторией, был ученым секретарем президиума УФАНа. Под его руководством создавалась установка сверхсильных импульсных магнитных полей, удостоенная Большой золотой медали ВДНХ.

Установка применялась в важнейших технологических операциях в электротехнической промышленности Урала и других областей страны. В 1961 году Факидов сделал открытие — впервые при помощи сверхсильных импульсных полей превратил аустенитную сталь в мартенситную. Это открытие нашло широкое применение в технологии производства стали.

Вспоминая молодость и свое участие в челюскинском походе, Ибрагим Гафурович считает, что роль экспедиции для науки, для создания Северного морского пути была велика. Ведь этот путь соединяет европейские и дальневосточные порты, а также устья судоходных сибирских рек в единую транспортную систему, которая в два раза короче других морских путей из Европы на Дальний Восток.

История Северного морского пути началась с первых плаваний поморов в 11—13 веках. Потом сибирские казаки и промышленные люди ходили вдоль морского побережья на парусных судах (кочах). Экспедиция на ледокольном пароходе "А. Сибиряков" во главе с О. Ю. Шмидтом в 1932 году впервые прошла из Архангельска до Берингова пролива без зимовки, доказав тем самым реальную возможность эксплуатации Северного морского пути. Плавание "Челюскина" и "Литке" укрепили эту уверенность.

Фото из архива
И. Г. Факидова

Спутник планеты "Галилей"

С самого отрочества, едва ли не от первой школьной парты сопровождает нас имя — Галилео Галилей. Имя великого итальянца, положившего фундамент новой науки — науки опыта и здравого смысла.

Это он, Галилей, своими открытиями обращал в бесспорную истину смелую гипотезу Коперника о вращении Земли. Это он устроил первый телескоп и с его помощью открыл спутники Юпитера, фазы Венеры, разглядел пятна на Солнце и обнаружил, что оно тоже вращается. Это он, Галилей, вообще начал науку о движении — динамику, сделал еще массу открытий в разных областях знаний и был подвергнут унижительному суду инквизиции. В феврале исполняется 430 лет со времени его рождения.

У нас в России о личности великого астронома даже в конце прошлого века широкому читателю было мало что известно. Вообще о жизни незаурядных представителей рода человеческого можно было прочесть или в ученых трудах, или в случайных журнальных публикациях.

Пробел взялся ликвидировать в 90-х годах петербургский издатель — просветитель Ф.Ф. Павленков — выпуском первой биографической библиотеки "Жизнь замечательных людей". В числе других жизнеописаний в 1891 году вышла в свет и 78-страничная книжечка об итальянском ученом. Появилась, разошлась и шесть лет спустя явилась вторым изданием. Кто же был первый русский популяризатор Галилея?

Его имя Евгений Александрович Предтеченский. Сын священника из Казанской губернии, но сам по стезе религии не пошел, а закончил физико-математический факультет Казанского университета и принялся учительствовать.

Однако в начале 80-х годов он почему-то оставил преподавание и подался в журналистику. Редактировал "Самарский справочный листок", сотрудничал в "Волжском вестнике" и в "Одесских новостях".

Переехавшись на постоянное жительство в Санкт-Петербург Предтеченский тем не менее считал себя сыном Волги и даже написал небольшую книжку "На память о Волге" (СПб., 1892) — лирический рассказ о великой русской реке, ее городах, селениях и малых реках, ее питающих.

Как некогда молодой Галилей, Евгений тоже в молодости заключил союз с прекрасной богиней Уранией, покровительницей астрономии, и увлекся тайнами звездного неба. Если Галилея можно

Г а л и л е й.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ГАЛИЛЕЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Предтеченского.

Об портрете Галилея, гравированном за границей.

ЦЕНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография Ю. И. Эрляхъ, Садовая, № 9.
1897.

назвать в науке планетой первой величины, то Евгения Предтеченского — малым ее спутником, едва ли даже различимым невооруженным глазом.

Кстати сказать и Предтеченский был автором одного научного исследования — "Церковное времяисчисление и критический обзор существующих правил определения пасхи", изданного в Петербурге в 1892 году. Правда, труд этот мне не удалось найти и подержать в руках.

Однако ученым Евгений Александрович не стал, а вот популяризатором астрономических знаний оказался незаурядным. Для издательства Павленкова он написал две книги: "Звездный мир", "Ко-

меты и падающие звезды", а на свои средства издал общедоступное иллюстрированное руководство под названием "Астроном-любитель". Книжки эти написаны пером увлеченным и пытливым. В одной из рецензий сказано так: "Совершая, вслед за автором, полет по небесным пространствам, вы чувствуете настоящую победу пытливого духа, дерзнувшего покинуть былинку, к которой приковано наше тело, и постигнуть бесконечное".

Кроме биографии Галилея, для той же павленковской "ЖЗЛ" Предтеченский составил жизнеописание другого великого астронома Иоганна Кеплера, которое, кстати сказать, в 1921 году было переиздано З. И. Гржебиним.

Е. А. Предтеченский был едва ли не самым заметным у нас в России до революции переводчиком и популяризатором увлекательных научно-фантастических произведений французского астронома и писателя Камилла Фламмарiona. Он познакомил русскую публику с его книгами: "Уrania", "Конец мира", "При свете звезд", "Рассказы о небе", "Живописная астрономия", "Звездное небо и его чудеса". Почти все они увидели свет в издательстве Павленкова.

Переложил он и другие книги, например, "Предсказание погоды" Г. Даллэ, "Научные забавы" Ф. Фэдо...

За свой неустанный популяризаторский труд Евгений Александрович был удостоен членства в астрономических обществах — русском, французском, бельгийском. Какое-то время он писал ежемесячные астрономические бюллетени в газете "Новости", популярные очерки в журнале "Природа и люди".

Жизнь Е. А. Предтеченского была недолгой. Но и тот земной срок, что отвела ему судьба, был временами окутан мраком. Тяжелый душевный недуг рано завладел им, то вспыхивая, то затихая. В светлые периоды своего бытия Евгений Александрович торопился жить и много работал. Работал до тех пор, пока неумолимая болезнь в 1904 году не свела его в раннюю могилу.

На снимке:
портрет и титульный лист
2-го издания книги Предтеченского
о Галилее.

Фотопрепродукция
Станислава СТАНКЕВИЧА.

Михаил НАЙДИЧ

И падало солнце на землю не решкой — орлом

ТАЕЖНЫЙ ПОСЕЛОК

Да здравствует задумчивый снежок! —
он душу изумлением прожег,
он попросил, он приказал мне даже:
"Ну, погружай поглубже сапожок!"

Я мир глотнул открытыми дверьми,
увидев, что поселок наш не в саже,
не в дыме нынче... Чистый, черт возьми!..
А снег лежал, как девушка на пляже,
приехавшая утром из Перми.

* * *

Короткий день январский
ни в чем не преуспел, —
мир, потерявший краски,
гляди-ка, черно-бел.
И ни просвета — баста! —
гляди на всем пути:
разительней контраста,
пожалуй, не найти.
И снег ничуть не розов:
попрятались лучи,
и выглядит береза,
как медсестра в ночи.

* * *

Березы высокие, радуги и облака —
вот первое, что на рассвете я нынче увидел,
и не обошел, невниманием их не обидел:
сквозь прерванный сон

потянулся к ним издалека.

А полдень июльский шептал мне:
скорее отведай
пахучий степной ветерок, что гудит за бугром.
И падало солнце на землю блестящей монетой,
и это судьба —
что не решкой, а только орлом.

Не знаю, на краешке
сердцебиенья и мысли
успею ли вымолвить:
"Степи, прощайте! Пока!.."

Но трудно поверить, что есть
и последние в жизни
березы высокие, радуги и облака.

* * *

Ничего-то я не перепутал,
лишь ночные гудят поезда, —
здесь рассчитано все по минутам:
листопад, тихий дождь и звезда.

Звезды гаснут... И все же послами
входят в утро на тропах прямых,
а рассвет — он тем более славен,
что застал нас покуда в живых.

ПТИЦЫ

Вялые взмахи. Осенний бред.
Изморозь на рассвете раннем.
Бабка сказала птицам вослед:
"Тоже, видать, неважно с питаньем".

Раньше, бывало, летят журавли, —
держат равненье — крепкие в теле.
...Вот и глядим с грешной земли, —
хоть бы до Африки долетели!

* * *

Вдоль озера тихо вьется, сужаясь, дорога,
и, скомкав косынку, девчонка бредет по росе.
Ну кто виноват, что с рожденья она недотрога,
а парень ее, друг любезный — такой же, как все.
А звезды мерцают —
все небо в серебряной власти;
уже соловьи пробудились. Поют, Боже мой!..
Но в озере месяц двурогий
разбил на части —
как сердце девчонки, бредущей под утро домой.

Приговоренный

Шпион против алхимиков — III

Повесть

Иллюстрации Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Конечно, это был не тот скучный городишко. А если тот, значит, его здорово почистили от пыли и скуки, а жителям хорошо поддали под зад — все они с утра бегали, как заведенные.

Да и сам городок выглядел, я бы сказал, самоуверенно.

Почти сразу я набрел на парк; он оказался, конечно, Баттери-парком, ни больше, ни меньше, хотя украшали его всего лишь гипсовые скульптуры, зато под Родена; прогулялся я и по Ярмарочному парку, где не нашел ни одной торговой палатки; увидел "Библиотеку и картинную галерею" — здание столь мощной постройки, что в нем спокойно можно было хранить весь национальный запас золота; наконец, я набрел на "Музей нашей естественной истории", такой большой, что в нем можно было выставить скелет кашалота в натуральную величину.

Отели в центре городка оказались, конечно, "Паркер-хаусом" и "Карильоном". В первом я выпил чашку кофе с фирменными круглыми булочками, второй меня удивил малыми размерами — в отличие от настоящего "Корильона", в нем не заблудился бы и карлик.

Зато магазинчики меня вполне устроили.

"Разумно быть экономным", "Никто не продает дешевле Гимбелса", "Стерн доставит ку-

да угодно"... Может, это и звучало несколько хвастливо, зато отвечало истине. Я нашел в магазинчиках все, что необходимо человеку в моем положении. Сменил брюки и башмаки, сменил рубашку. Правда, курточку Л. У. Смита не выбросил — привык к ней. Как ни странно, после стольких обысков и переодеваний, я сохранил все свои наличные деньги; на них не покусились даже ирландцы.

Я не побывал лишь в отделениях "Тиффани" и "Корветт", зато "Рекод Хантер" сразу меня привлек — не новыми музыкальными альбомами и не выставкой музыкальных инструментов, а уютным кафе; я проголодался.

Бифштекс с печеным картофелем, хлеб, сдобренный чесноком; я заказал и стаканчик виски — хватит с меня вынужденных постов, тем более, что добрая половина посетителей, невзирая на раннее время, была уже навеселе.

— Ты один? Угостишь?

Я вздрогнул.

Женщине было под тридцать, но выглядела она неплохо и держалась самоуверенно.

Я покачал головой:

— Здесь рядом, в кемпинге, моя жена, служанка, собака и куча детей, я даже не знаю, сколько. Каждые два года жена приносит мне не меньше троих, такой у нее характер.

— Сколько же тебе лет? — удивилась женщина, растягивая в недоверчивой улыбке губы то покрашенные губы.

— Много. Я вроде фараона, свалившегося с небес.

Окончание. Начало в № 1, 1994

— Ты фараон? — еще больше удивилась она.

— В некотором смысле. Но не в том, который тебя тревожит.

Она ничего не поняла, но недовольно дрейфовала в сторону стойки.

Я принялся за бифштекс и вновь услышал:

— Знаешь, кто мы?

Я обернулся.

Ребята хорошо выпили. Но искали они не драки, скорее, им хотелось помолоть языком.

Я хмыкнул:

— Что тут знать, сразу видно — один лысый, другому жарко. Ну и денек!

Лысый обиделся:

— Ты не очень любезен.

— Зато не вру и не навязываюсь! — отрезал я. — Назови я тебя волосатым, ты бы больше обиделся. Правда?

И предупредил:

— Я здорово сегодня устал. Давайте без этих штучек — стулья, бутылки. Мне не до драк.

У них хватило ума рассмеяться:

— Похоже, ты с запада? По выговору слышно.

Я кивнул.

— Не против, мы присядем?

— Валяйте.

Они устроились за столиком и уставились на меня. Лысый улыбался на всю катушку, второй неумоимо менял платки — пот с него так и лил. Я дожевал остатки бифштекса и насухо протер тарелку корочкой хлеба. Это им понравилось.

— Знаешь, почему сегодня так весело?

— Весело? — Я удивился. — Разве?

— Это потому, что ты с запада, — сказал лысый. — Все вы там, как эти... — Он поискал сравнения, но не нашел. Он даже взглянул на своего потного приятеля, но и тот ему не помог. — Ну да ладно... Просто сегодня вернулся Гинсли.

— Вот как? Поздравляю. Кто это?

Они переглянулись.

— Тебе ничего не говорит имя Гинсли?

— Абсолютно. — Я помахал рукой бармену: — Кофе! Двойной.

— Зря, — сказал лысый.

— Почему зря? Я всегда в это время пью кофе.

— Я о Гинсли, — пояснил он. — За здоровье Гинсли ты можешь пропустить стаканчик бесплатно. Так сам Гинсли захотел, ему тут принадлежит полгорода, а он сегодня вернулся.

Бармен принес кофе и, действительно, три стаканчика:

— Оплачено.

— Гинсли оплатил? — спросил я.

— Конечно.

— Он путешествовал?

Все трое переглянулись и с любопытством уставились на меня:

— Ну да, это вроде путешествия. Он большой путешественник, наш Гинсли. Хорошо, в этот раз он попал не в Синг-Синг, а в тюрьму Виберна. Там вокруг химические заводы, долго не просидишь. Вот он и вернулся.

— Всякое бывает, — неопределенно заметил я. — Но если вы так отмечаете возвращение Гинсли, значит, он это заслужил.

И спросил бармена:

— Где у вас телефон?

— У входа.

Я оглянулся.

У входа стояло пять столиков, и все были заняты.

— А если с удобством? Чтобы никому не мешать.

— Пройдите вон в тот коридорчик, там будет дверь. Это как бы мой кабинет, — сказал бармен не без гордости. — Но это за отдельную плату.

— Разумеется.

Кабинет оказался крошечной комнаткой, без окон. Я включил свет и поднял трубку.

Почему Юлай ни разу не назвал имени доктора Хэссопа?

"Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными..."

Долгие гудки.

Я этого не ожидал.

Я заново набрал знакомый номер и вновь услышал долгие гудки. Даже автоответчик не включился.

Странно.

Закурив, я вернулся за столик.

— Быстро ты, — сказал потный. Это были его первые слова.

Я кивнул.

— Где ты остановился? — Они явно уже считали меня другом, Гинсли умел объединять людей.

Я пожал плечами:

— Пока нигде. Надеюсь, вы посоветуете. Что-нибудь такое, без роскоши, но с удобствами.

— "Паркер-хаус"! "Карильон"! — в один голос сказали лысый и его приятель.

Бармен покачал головой:

— Дешевле в кемпинге. Их тут много, и они полупустые. Хорошо сэкономите.

— Кемпинги, небось, принадлежат Гинсли?

— Конечно.

— Тогда я так и сделаю. А теперь по стаканчику, за мой счет. — Я взглянул на бармена: — Себе налейте тоже. Через час я попробую перезвонить.

— Эл?!

И после короткого молчания:

— Я знал, что ты всплывешь.

— Не все утопленники всплывают.

— Это так. Но и ты не всякий. Откуда ты звонишь?

— Зачем вам это? — нахмурился я. — Через минуту техники выдадут вам мои координаты.

— Тебе нужна помощь?

Я не ответил. Меня интересовало другое. Я спросил:

— Этот список... Он изменился за полтора месяца?

Доктор Хэссоп лаконично ответил:

— Крейг.

— И это тоже попало в газеты?

— Да. Но не на первые полосы.

— Неужели ни один кретин еще не связал все эти случаи воедино?

— Этому мешают.

— Кто?

Он не ответил.

Я спросил:

— Кто он, этот Крейг?

— Инженер-электронщик. Крупный специалист. Несколько очень любопытных патентов.

— Похоже на историю с нашим стариком? — конечно, я имел в виду Беллингера.

— Даже очень.

Доктор Хэссоп вздохнул:

— Когда тебя ждать?

— Не знаю. Кажется, я еще не отдохнул по-настоящему.

Он все понял.

Теперь он знал: ему я тоже не верю.

3

А устроился я все же в кемпинге.

Он был разбит милях в трех от кладбища кораблей, но вовсе не это повлияло на мой выбор. Никаких дел с Юлаем я иметь больше не хотел, к лодке возвращаться тоже не собирался, а кемпинг удачно вписывался в осенний, выбегающий на берег лес. Желтая листва, уютные, посыпанные песком дорожки. Да и домики оказались удобными; в каждом просторная комната, душ, коридорчик, даже крохотная кухонька. Если люди Юлая начнут искать меня...

Думать об этом не хотелось.

Назвался я Юргисом Стейном, документов у меня не спросили. Наверное потому, что я разговаривал с самим хозяином. Нервный, худой, он чрезвычайно обрадовался тому, что я выбрал именно его заведение. Сколько времени предполагаете здесь пробыть? Примерно неделю? Разумно. Он смешно шепелявил. Разумно, разумно. Погода у нас меняется каждый день, все оттенки увидите.

Конечно. Конечно. Конечно.

Я взял у него несколько банок пива, минеральную воду и пару кокосов, украшавших маленький бар.

Умеете вскрывать орехи? — зашепелявил хозяин. Будьте осторожнее, нож тяжелый и острый, можно пораниться. Ему и в голову не приходило, что я беру нож не ради кокосов. А от себя хозяин добавил зелени и кусок копченого лосося. Он сам любит коротать вечера в одиночестве. Разумно, разумно. А если что-то понадобится, в домике есть телефон.

Я кивнул.

Скрип песка под ногами...

Коридорчик оказался теснее, чем я думал, но это меня даже порадовало: я не хотел, чтобы в нем толкались сразу пять человек; окна закрывались плотными жалюзи — снаружи вряд ли что разглядишь; дверь в кухоньку открывалась прямо из коридора — тоже удобно, если кто-то попытается войти без приглашения. Если оставить на кухоньке свет, а самому оставаться в неосвещенной комнате, позиция хоть куда, дает несомненные преимущества. Я был уверен, если люди Юлая захотят меня разыскать, они не станут тянуть, они явятся сегодняшней ночью.

"Мы не убиваем..."

Я бросился на диван, лицом к открытой двери.

Сварить кофе?

Почему нет?

День прошел в суете, скоро зазвучат охотничьи роги; мое дело — добыть оружие. Большие надежды я возлагал именно на тесноту коридорчика. С теми, кто там окажется, я справлюсь, для того мне и потребовался тяжелый нож, а когда в руках окажется настоящее оружие...

А потом? Что потом?

Опять это *потом*. Для того я и явился сюда, чтобы обдумать свои действия.

Я вскрыл банку с пивом и сделал глоток.

Доктор Хэссоп ждет меня. Он хотел бы меня увидеть. Зачем? Я не верил доктору Хэссопу.

Звонок?

Я вздрогнул.

Телефон, стоявший на низком столике, легонько тренькнул.

Красивый печальный звук, обжегший меня смертельным холодком. "Кто-то ошибся, — сказал я себе. — Или звонит хозяин. И то и другое неинтересно. Не стоит поднимать трубку. Расслабься, Эл".

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Но расслабиться было сложно.

Телефон не утихал.

Это не хозяин, понял я, раскуривая сигаре-

ту. Хозяин не повел бы себя столь бесцеремонно, он обязан уважать покой своих гостей. Скорее всего, кто-то ошибся номером и не хочет отступать. Возвращение Гинсли сегодня многих настроило на боевой лад.

Не снимая трубку, прижав ее рукой, я перевернул аппарат, отыскивая регулятор звука. Но искать было нечего — звук регулировался автоматически. К тому же он ничуть не мешал мне — я хотел просто занять руки.

Я выкурил сигарету, проверил окна и дверь, заглянул на освещенную кухню, прошелся по комнате, а телефон не смолкал.

Ошибка.

Скорее всего, ошибка.

Наконец, я поднял трубку.

— Какого черта? — Я сразу узнал мощный и ровный голос киклопа. — Я же знаю, что ты у себя. Не человека же посылать, ты там его по глупости изувечишь. Напился?

Я промолчал.

— Надеюсь, ты не утопил лодку? У меня там сверток валялся, он мне нужен, его обязательно надо вернуть, Эл.

Я не ответил.

Как он вычислил меня? Как узнал, что я именно здесь? — я ведь мог уплыть совсем в другую сторону... Он начинил мою одежду электронными "клопами"?

Чувствуя чуть ли не тошноту, я с омерзением раскурил еще одну сигарету.

Отпуск не получился.

Я усмехнулся.

Опекуны в самолете, потом Пан, потом ирландцы, потом Юлай... С Паном все ясно, с опекунами и ирландцами тоже, но Юлай... Он не походил на человека, которого, по определению доктора Хэссопа, можно назвать алхимиком, но он не походил и на тех людей, с которыми я постоянно имел дело. Он заявил, что с некоторых пор я начал путаться у них под ногами, но так и не сказал, кто такие эти *они*. Я провел с ним почти полтора месяца, но мои знания о *них* практически ничем не пополнились. "Мы не убиваем". "Тебе придется сменить профессию". "Все, чем занят сегодня мир, это шизофрения. Коллективная шизофрения". Последнее я и без Юлая знал. Похоже, моя возня с алхимиками — сизифов труд; чем выше я поднимаю камень, тем с большей силой он рушится вниз.

— Надеюсь, ты не лазил в мой сверток.

— А ты поверишь? — наконец отозвался я.

— А почему нет? Мы ведь не в игрушки играем.

— Я не заглядывал в твой сверток.

— Это радует меня, Эл.

Я слушал ровный голос киклопа и прикидывал — сколько я могу здесь продержаться и есть ли в этом смысл? С ножом ведь не пойдешь против автоматического оружия. И

еще вопрос: войдут они в дом или расстреляют меня, не входя?

Вслух я сказал:

— Ты хочешь, чтобы я вернулся, Юлай?

— Ты с ума сошел! Я еле от тебя избавился! — Он даже хохотнул там, как отдаленный гром. — Мне нужны лодка и мой сверток!

— Хочешь сказать, я волен убираться куда угодно?

— Вот именно. Хоть к черту. Ты мне не нужен. Разве тебя кто-нибудь держит?

— Пока нет. Но я не знаю, что будет через час.

— Ничего особенного не будет, если ты, конечно, не впутаешься там в пьяную драку.

— С кем? — быстро спросил я.

— Не знаю. Ты придурок. Тебя не всегда поймешь. Где моя лодка?

— Я припрятал ее надежно, Юлай. Если со мной что-нибудь случится, ты не увидишь ни своего свертка, ни лодки.

— Ты что, правда, еще ничего не понял? — издаലെка удивился Юлай, уже проявляя признаки нетерпения. — Ты что, думаешь, что ушел сам? Ты что, правда, не понимаешь, что уйти тебе позволили мы? Я, конечно, опасался, как ты пройдешь рифы, но проход там, в сущности, не опасный, ты справился. Так что кончай болтовню. Я хочу получить лодку, твоя судьба меня не интересует.

Я молча переваривал слова Юлая.

Собственно, ничего нового я не услышал. То, о чем он сказал, уже приходило мне в голову. Но насколько это отвечало истине?

— Если ты сам подстроил побег, почему не забрал груз?

— Чтобы ты не заподозрил игру.

— Но зачем тебе это понадобилось?

— Ты стал мне не нужен, Эл. С какой стати мне тебя кормить? Вот я от тебя и избавился. Я ведь говорил уже: мы не убиваем.

Я возразил:

— А Беллингер?

— Ты можешь назвать имя убийцы? Можешь доказать факт убийства? Даже доктор Хэссоп подтвердит, что никто не поднимал на Беллингера руку.

Он впервые произнес вслух имя доктора Хэссопа...

— А Крейг? А Штайгер? Левин? Керксгоф? Лаути?

— То же самое, Эл. Никто их не убивал, они сами сделали выбор. И думаю, правильный.

— А Сол Бертъе? Голо Хан? Памела Фитц? Скирли Дайсен и кто там еще?

— Это другая игра, Эл. Ты умеешь связывать разнородные факты, но эту задачу тебе не потянуть. Слишком мало информации, сам знаешь. Теперь тебе вообще лучше забыть обо всем этом, зачем забивать голову именами

покойников? Твое дело сейчас — подыскать работку. Где-нибудь в бюро патентов, в хорошеньком тихом месте. Сбережения у тебя есть, перебежешь. А там, смотришь, подойдет старость.

— А если я не стану менять работу?

— Ты придурок, но не такой ведь, — укорил меня Юлай.

— Где гарантия, что к утру меня не застрелят?

— Пошел ты! — рассердился киклоп. — Обойдешься без гарантий. Возьми в прокате машину и кати отсюда. Или улетай. Никто к тебе приставать не будет. Вокруг тебя всегда одни неприятности. Один Л. У. Смит будет вспоминать тебя до самой смерти. Поэтому исчезай, нечего тебе тут болтаться. Чем быстрее ты исчезнешь, тем лучше.

— Для кого? — быстро спросил я.

— Для тебя, конечно, — киклоп опять рокотал ровно и мощно.

— Ладно, — сказал я. — Предположим, я тебе верю. И лодку, конечно, верну. Но почему я должен менять работу?

— Смерть, Эл, — проникновенно протянул киклоп. — Помни о смерти. Если ты пристрелишь еще кого-нибудь, в тебе самом кое-что изменится. И достаточно кардинально, можешь мне поверить. Если ты и дальше продолжишь попытки копать под людей, которых называешь алхимиками, в тебе, опять же, кое-что изменится.

— Вы же не убиваете, — усмехнулся я.

— Конечно. Но нам и не придется этого делать. Ты все сделаешь сам. Ты что, забыл? Ты внесен в список. Если ты снова начнешь искать некие связи между Паном и Л. У. Смитом, между президентом страны и бродягой, выигравшим часы в благотворительной лотерее, ты, конечно, получишь профессиональное удовлетворение, это так, но суть тут не в этом. Для тебя, Эл, опасно в процессе случайного поиска наткнуться на какие-то настоящие связи. Это будет твоим концом. Понимаешь? И все, что нам понадобится, ты сделаешь сам. Нам не нравятся люди, сующие нос то в рукопись Беллингера, то в сейф Крейга. Понял? Ты слишком близко подошел к тайне.

— А если я ее разгадаю?

Я говорил негромко и ни на секунду не отводил глаз от освещенных дверей; жалюзи сразу не сорвешь, а вот дверь можно вышибить с ходу, она тут устанавливалась не для защиты.

— А вот если ты разгадаешь тайну, Эл, — засмеялся киклоп, — тогда у тебя вовсе не будет выхода.

— Но вы же не убиваете, — повторил я. — Чего мне бояться?

— Не чего, а кого, Эл.

— Кого же, Юлай?

— Себя.

— Что это значит?

— Это значит, Эл, ты ошибаешься, утверждая, что будущего не существует. Оно существует, Эл. А корни его кроются даже не в сегодняшнем дне, а глубоко в прошлом. Ты крупный хищник, Эл, мы слишком долго не обращали на тебя внимания. Ты не имеешь права входить в будущее, твоё время, считай, закончилось. И убрать себя ты обязан будешь сам. Если, конечно, послушаешься нас. Никто не уберет тебя так легко и просто, как ты сам. Я ведь не зря возился с тобой чуть ли не полтора месяца. Я был терпелив, зато теперь ты приговорен, Эл. Мы тебя зарядили. В твоём подсознании лежит бомба, настоящая информационная бомба, и она способна уничтожить тебя в любой момент. Именно поэтому ты должен молчать, спрятаться, забыть о своём поганом ремесле. Я вложил в твоё подсознание слова-детонаторы, слова-ключи; они связаны с алхимиками и, конечно, с твоим ремеслом, Эл.

2

Свет на кухне и в коридорчике. Голос в трубке.

Ночь.

Глубокая ночь.

Отвратительный холодок мурашками жег спину.

Приговорен...

О какой бомбе он говорит?

Ну как о какой! — сказал я себе. Акция с Беллингером все объясняет. Беллингер десять лет провел в уединении, он не подходил к телефону, не смотрел телевизионных программ, даже не слушал радио, но однажды взбунтовался или совершил промах. Никто не знает, что он услышал там, в телефонной трубке, зато все знают — подняв ее, он убил себя.

И так далее.

Человек влюбляется, человек строит карьеру, он полон сил, он путешествует, его планы распространяются на все ближайшие полвека, он неутомим, несокрушим, готов перестроить весь мир, у него вполне хватит сил на это, но вот однажды, в течение какой-то минуты, да что там минуты, в течение какого-то мгновения что-то в нем ломается, гаснет, он берет в руки пистолет или лезет на подоконник, неловко прилаживая к трубе петлю.

Беспомощность.

Беспомощность и беззащитность.

Унизительное, убивающее чувство беспомощности и беззащитности.

Какой жгучей, какой невыразимой должна быть мука, чтобы заставить крепкого, счастливого, уверенного в себе человека нажать на спуск или сунуть голову в петлю; какой чу-

довишной должна быть мука, чтобы заставить крепкого, уверенного в себе человека в одно мгновение отказаться от всего, чем он жил, что его окружало — от листы за окном, от писка птиц, от детских голосов, женщин, знаний, поиска, путешествий; так не бывает, чтобы человек в одно мгновение отказывался от всего того, что строил целую жизнь.

Но с Беллингером так случилось.

Я слушал голос киклопа, и мне становилось понятно — дверь никто взламывать не будет. Нужда в этом просто отпала.

Мой побег был предусмотрен. Он так же входил в планы Юлая, как перед тем — мое похищение. Я стал ему не нужен. Он сделал все, что ему следовало сделать. Похоже, алхимики поняли, что я начал мешать по-настоящему. Я вышел на Шеббса, вышел на Беллингера; моя деятельность перестала укладываться в рамки, определенные какими-то их критериями. То, что я заглянул в роман Беллингера, их насторожило, то, что я угнал машину Парка, заставило действовать. Уступая мощному давлению, доктор Хэссоп сдал меня — за обещание встречи с одним из *посвященных*. Что это означало, Юлай не объяснил. Он просто сказал: сдал тебя, понятно, не шеф, тут я тебя дезинформировал, сдал тебя доктор Хэссоп. Встреча с *посвященным* не разочарует доктора Хэссоба, а вот ты, Эл, влип. Если бы ты, скажем, заглянул в то местечко, которое я называю пунктом связи, — в голосе Юлая проскользнула насмешка, — ты бы понял, наверное, в чем там дело, почему я позволил тебе жить в комнатенке с аппаратурой. Именно потому и позволил, что комнатенка была набита аппаратурой. Те лампочки, что так красиво помигивали ночью на стеллажах, были лампочками контроля. И ты вовсе не кричал в своих смутных снах, Эл, это я вколачивал в твое подсознание слова-ключи, слова-детонаторы. Ты представить себе не можешь, какое это интересное место — пункт связи. Он, Юлай, в принципе, может держать прямую связь с человеческой душой, если, конечно, хохотнул он, тело тоже находится в его власти. То, что ты, Эл, добровольно полез в комнату с аппаратурой, психологически легко объяснимо: человек в подобных условиях всегда выбирает уединение. Ему, Юлаю, было интересно работать со мной, он отдал мне много ночей. Слова из снов, которые, проснувшись, я так тщетно пытался вспомнить, подобраны им, Юлаем. Это большое искусство — так подобрать слова-ключи, чтобы в нужный момент они могли сработать как настоящие детонаторы. Ты прав, мы действительно не убиваем, мы просто лишаем своих подопытных волевой защиты. Если кто-то выходит за рамки установленных нами правил, достаточно позвонить

ему и произнести слова-ключи. Этого достаточно, чтобы сломать самого сильного человека, естественно, прошедшего нашу обработку. Ты понимаешь?

Я понимал.

Когда-то я слышал о чем-то таком, чуть ли не от доктора Хэссоба. Правда, считал это больше вымыслом. Некая программа, вводимая в подсознание человека, вводимая против его воли... Будь ты хоть семи пядей во лбу, твоя жизнь теперь зависит от вложенной в тебя программы. Ее легко разбудить, это делается с помощью нескольких слов-ключей. Их можно услышать по телефону, их может произнести диктор с экрана, они могут настичуть тебя в кафе или на автобусной остановке, ты можешь, наконец, прочесть их на обрывке газеты.

Если такое случается, ты забываешь обо всем.

Если такое случается, ты откладываешь в сторону деловые бумаги, ты обрываешь поцелуй, ты отворачиваешься от плачущего, тянущего к тебе руки ребенка, и берешь в руки пистолет или просто на полном ходу поворачиваешь свой автомобиль на полосу встречного движения.

3

"Господи, господа, господа, господа..."

4

— Ты ведь теперь знаешь мой голос, Эл? — Я не слышал злорадства в словах Юлая, он просто старался как можно доходчивее растолковать свою мысль. — Теперь ты ведь легко будешь узнавать мой голос?

— Наверное.

— Ну, так вот, Эл. Стоит тебе вернуться к твоему ремеслу, стоит тебе вновь заинтересоваться чем-то похожим на дело Беллингера, — *я тут же позвоню*.

Он хохотнул, как эхо близкого грома:

— Где лодка?

— На морской свалке, — не было смысла скрывать это. — Метрах в трехстах к северу от центра. Легко найти, если знать. Там торчит пустой ржавый танкер, лодка спрятана под его бортом.

— Сверток на месте?

— Конечно.

— Хорошо, Эл. Я заберу лодку. А ты уезжай. Нечего тебе тут делать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Нелегко привыкнуть к мысли о смерти, если она загнана в тебя не тобой и насильно.

В общем-то смерть входит в нас, поселяется в нас уже в самые первые минуты зачатия,

но там она от неба, от судьбы, от Бога; я не хотел, чтобы моя смерть, а соответственно, конечно, и жизнь, зависела от киклопа. На кого бы он ни работал, это вызывало во мне протест. Я хотел выбросить киклопа из памяти, меня приводела в бешенство сама мысль о том, что именно киклоп может позвонить мне в любой момент.

Я почти не спал.

Ночь тянулась медленно, шум наката подчеркивал ее странную неторопливость. "Все, чем занят сегодня мир, это шизофрения, коллективная шизофрения". Я не хуже Юлая знал: шизофрения не лечится временем.

Приговоренный...

Смерть может ожидать нас за любым углом, но где бы она нас ни настигала, в этом всегда просматривается элемент некой неопределенности, а где неопределенность, там и надежда. Сейчас никакой надежды я не ощущал; моя смерть была кем-то определена, она не зависела ни от меня, ни даже от стечения обстоятельств, она зависела лишь от того, как завтра взглянет на мое ремесло киклоп Юлай.

Я проморгал главное, сейчас это было ясно. Те красиво помаргивающие лампочки помаргивали не зря. Стоило мне уснуть, стоило мне смежить веки, успокоить дыхание, как автоматически включалась вся система от пункта связи до моей комнатухи; сонный, я впитывал яд, сочиненный киклопом. Он сдирал с меня волевою защитой, проникал в самые дальние уголки подсознания...

Белая пелена... Ледяные отсветы...

Почему я вспомнил о недочитанном романе Беллингера?

Он чего-то коснулся там важного... Он нашел что-то там такое, что заставило героев пересмотреть свои взгляды... Он вычитал что-то в белесом полярном небе, что-то такое, что повлияло даже на его собственную душу...

Эта загадка могла и не быть загадкой, подумал я. Но мне не повезло, я не дочитал рукопись.

Я впадал в сон, снова просыпался...

Не могу сказать, что ночь оказалась мучительной; мне помогло то, что я впал в какой-то столбняк. Тем не менее, часов в шесть утра я уже торчал за стойкой портового бара, весьма затрапезного, кстати.

Дым клубами, грязь, в углу орал пьяный матрос, возмнивший себя морским чудищем, — никто ни на кого не обращал внимания. Не тот костюм, наверное, но, помаргивая зло и сонно, я выглядел здесь своим. По крайней мере, заглянув мне в глаза, бармен хмыкнул и сразу налил полстакана какой-то гадости.

Я хлебнул, но самую малость.

Бармен недоброжелательно изучал меня. Скользкий, быстрый, как ни странно, хорошо

выбритый, он заходил справа и слева, но никак не мог понять, что мне надо.

Я не стал его мучить.

У тебя, наверное, всякие есть игрушки, наклонился я к нему, и его пронзительные плоские глазки дрогнули. Иногда, сам знаешь, завалится такая игрушка — хранить опасно, хвост за ней, а выбросить жалко. Так вот, могу предложить... Я выгреб из кармана различные, не все, конечно, но большую часть: это все будет твоим. А мне нужно что-нибудь стреляющее. И не громоздкое. Я знаю, в таких местах всегда болтаются ничейные игрушки с плохими хвостами. Зачем это тебе? Выгоднее сбить такую игрушку, правда?

Кажется, я попал в точку.

Бармен быстро взглянул на меня. Не пойму, о чем это ты? Его ухмылка мне не понравилась, но я видел, он все прекрасно понял. Теперь надо было, чтобы он поверил.

Ладно, ладно, сказал я. Тут у тебя ребята постоянно таскают друг друга за волосы. Зачем матросам длинные волосы? Спасать друг друга?..

Бармен даже не улыбнулся.

Что-то я тебя не припомню, — неохотно выдал он.

Вот и хорошо, обрадовался я. Я не кинозвезда. Я вообще не люблю известности. Эти газеты, радио... По мне, чем быстрее мы выкинем друг друга из памяти, тем лучше для нас обоих. Я заберу игрушку и исчезну, а ты получишь денежки. Все тихо, мирно. Я в этом отношении вообще человек идеальный. Увидели меня и тут же забыли, я только рад этому.

Если и так, раньше я тебя тут не видел, упрямо стоял на своем бармен.

Я глянул ему в глаза, и он осекся.

Не знаю, что он прочитал в моих глазах, но его это, наконец, убедило. Он сгреб со стойки купюры, жадность победила в нем осторожность.

Минут через сорок я буду проезжать мимо, сказал я, допив стаканчик. Сунешь мне игрушку в машину, я для этого приостановлюсь. И пусть обойма будет набита. Терпеть не могу, когда меня обманывают.

Бармен кивнул. В его пронзительных плоских глазках читался испуг.

Я вышел.

Взять машину в прокате не составило никаких проблем, а плеер с наушниками я купил в "Рекод Хантер". Кафетерий был еще закрыт, правда, и в карманах у меня ничего практически не оставалось; зато я имел все, что могло мне понадобиться в ближайшие три-четыре часа. На обратном пути, возле портового бара, мне сунули в окно пистолет — бельгийскую штучку, аккуратно перевязанную широким морским платком. След за этой

штучкой тянулся, наверное, очень грязный, иначе хозяин не отдал бы ее, в сущности, за пустяк.

2

Хочешь выиграть, не прыгай в болото сразу, сам черт не знает, кого можно разбудить в болоте.

Но у меня выбора не было.

Рано или поздно Юлай позвонит мне. Он не из тех, кто будет ахать заранее. Не знаю, какие слова он для меня приготовил, но то, что он *знает* эти слова, доказывать мне не надо. Он не станет стрелять в меня, он не унижится до слезки, до наемных убийц, он просто произнесет в трубку несколько слов. Остальное я сделаю сам.

Именно *сам*. Это меня бесило.

Уже рассвело.

Я заторопился.

Машину я оставил на съезде с шоссе, под деревьями. Даже дверцу не запер — не был уверен, что вернусь. Пистолет холодил живот, я сунул его за пояс; надев наушники, проверил плеер.

"Мое имя смрадно более, чем птичий помет днем, когда знойно небо!.."

Черт побери! Ничего лучшего, чем Гарри Шледер, подсунуть мне не могли!

"Мое имя смрадно более, чем рыбная корзина днем, когда солнце палит во всю силу!.. — вопил Гарри Шледер. — Мое имя смрадно более, чем имя жены, сказавшей неправду мужу!.."

Я сорвал наушники.

Сердце колотилось. Гарри Шледер умел оглушать. Но, в конце концов, это я сам выбрал для меня что-нибудь погромче. Этот Шледер, он ведь просто поет, старается петь. Он не отнимает молоко у грудных детей и не убивает птиц бога...

Я усмехнулся.

Не каждый перекричит Гарри Шледера. Именно это меня устраивало. Мы с ним сейчас шли в паре, и я болел за его луженую глотку.

Берег выглядел совсем пустым.

Я перелез металлический забор, отделявший морскую свалку, и увидел ржавые остовы, обломанные мачты. Разбитые черные корпуса парили, но тумана не было. Океан проматривался до самого горизонта, черный и тихий, слабо отсвечивающий под мостками, под бортами давно отживших судов, и совсем темнел вдали под черной горой туч, сносимых ветром к востоку.

Надежное место.

Допрыгать бы только до танкера, ржавая громада которого торчала довольно далеко от берега.

Широкая длинная волна...

Я перебирался с одной руины на другую, внизу хлопала вода. Жалобно вопили чайки, то стон, то скрип перебивал неясные, даже загадочные шорохи. Кривые обломанные мачты, нежилые надстройки, запах смерти, запах одиночества...

Я наклонился над пустым иллюминатором танкера и увидел под собой лодку.

Что в этом парусиновом пакете? — без всякого интереса подумал я.

Спускаться в лодку мне не хотелось.

Я проверил пистолет и плеер.

Я не хотел, чтобы то или другое заклинило в деле. Те слова, которые знал Юлай, не должны дойти до моих ушей. Теперь я был рад, что мне выдали именно запись Гарри Шледера, а не кого-нибудь из этих ребят с высокими бархатистыми голосами...

Когда все кончится, я уйду.

Когда все кончится, я навсегда покину эти края.

Я лягу на дно, сказал я себе. Я найду тихое местечко и откажусь от всех встреч, вечеринок, поездок. Если слова-ключи известны кому-то, кроме Юлая, я сделаю все, чтобы обо мне забыли. Протянул же Беллингер одиннадцать лет! Главное, не дать им повод для раздумий.

Совсем рассвело.

Ночью тут делать нечего. Юлай, несомненно, появится сейчас, в темноте тут ничего не найдешь, а днем можно наткнуться на какого-нибудь бродягу.

А потом мне надо будет увидеть шефа...

Я никому не верил.

В конце концов, сдал меня самый близкий человек — доктор Хэссоп. Но шефа я должен увидеть. Должен.

Пискнула чайка. Шлепнула о борт волна. Подняв голову, я услышал вдали стук мотора.

Удобно устроившись прямо над пустым иллюминатором, я вынул пистолет, нацепил наушники и включил плеер на полную мощность. Никто услышать меня не мог, и я ничего больше не слышал. "Я чист, чист! — вопил Гарри Шледер. — Я чист чистотой феникса!"

3

Я видел лодку, видел лежащий на ее дне парусиновый сверток, видел широкую спину киклопа, наклонившегося над мотором.

Крепко упершись ногами в ржавый металлический борт, я двумя руками навел пистолет на Юлая. "Я чист! Чист!" Я увидел темное пятно на клеенчатой куртке, очень точно определяющее очертания его левой лопатки, и решил стрелять прямо в пятно. Я должен убить Юлая сразу. Он должен умереть сразу и молча. Он владел тайной слов-ключей, слов-детонаторов, и я не горел желанием уз-

нать эту тайну. Я не хотел услышать слова, сочетания которых несут мне смерть. Я не хотел прочесть их по губам умирающего.

Если Юлай будет только ранен, он обернется и увидит меня. Он закричит.

Я знал одно: Юлай должен умереть сразу.

"Мое имя смрадно более, чем имя жены, сказавшей неправду мужу!.."

Я чувствовал бешенство. Бешенство и ненависть. Ненависть ко всему живому. Всю жизнь я зависел от каких-то случайных людей, больше этого не будет!

Я нажал на спуск.

Юлай упал после первого выстрела.

Я подумал: мне повезло! Но он вдруг тяжело приподнялся на локте, он попытался повернуть голову.

"Мое имя смрадно более, чем птичий помет днем, когда знойно небо!.."

Он попытался повернуться.

"Мое имя смрадно более, чем рыбная корзина днем, когда солнце палит во всю силу!.."

Я вдруг понял, что испытывал Одиссей, привязанный веревками к мачте. Одиссей, слушающий сирен. Их песни убивали, они тоже, наверное, были набиты словами-ключами; правда, Одиссей был привязан.

"Господи, господи, господи, господи!.."

Я боялся, что вдруг заклинит плейер, или откажет пистолет, или киклоп соберет все силы, повернет голову и уставится на меня единственным глазом.

Я не хотел этого.

Для надежности я добил Юлая тремя выстрелами в голову и только тогда стянул наушники.

Шум наката.

Жалобный писк чаек.

Запах ржавчины, гнили, разложения. Шлепки и шипенье волн.

Киклоп, лицом вниз, лежал на дне лодки.

Таинственная комбинация слов умерла вместе с ним, но разве не мог их знать кто-нибудь другой?

Бешенство ушло.

Я не чувствовал ни тревоги, ни злобы, ни даже страха, одну усталость. Юлай не был ко мне жесток, он просто делал свою работу. Все мы рано или поздно платим за риск.

Примерившись, я спрыгнул с танкера в лодку и выбросил за борт парусиновый сверток. Нелегко его будет отыскать на грязном дне свалки, если кто-то захочет этого. Туда же, в мутную воду, я опустил пистолет и плейер с наушниками. Потом притащил с танкера обрывки проводов и пару ржавых

болванок, это помогло мне отправить на дно киклопа. Я старался не глядеть на его лицо, будто таинственные слова-ключи действительно могли запечься на его губах.

Остались лодки.

Их было две.

Я вывинтил кормовые пробки — достаточно, если они затонут прямо здесь. Я не думал, что их будет кто-то разыскивать.

Потом я поднялся на борт танкера и закурил.

Что дальше?

Меня мучили сомнения.

Убив Юлая, я обрезал все концы. Теперь я должен бояться всех — полиции, доктора Хэссопа, алхимиков. Теперь я должен ограничить словарный запас, бояться незнакомых книг, не перечитывать уже прочитанное, отмахиваться от газет. Все в мире полно меняющихся неожиданных сочетаний. Я должен отказаться от телевизора, от радиоприемника, не допускать встреч с незнакомыми людьми... Короче, я обречен на судьбу Беллингера.

У меня это не получится, подумал я. К тому же, слишком много людей, которым хотелось бы со мной счастливо...

Приговоренный...

Я курил и смотрел на темную, колеблющуюся под бортом воду. Потом поднял голову.

Утренний океан лежал передо мной темный, бесплотный, но на востоке, под тучами, клубящимися над темным пространством, пылала узкая голубая полоска. На нее было больно смотреть. Ее чистота резала глаза, томилась, жгла душу.

"Господи, господи, господи, господи!.."

Чего я хочу?

Взбежать, наконец, по косогорю? Коснуться синевы?

К черту! — сказал я себе. Время бесед с Богом еще не наступило; тянется долгий вечный спор с Дьяволом.

Я встал.

Я сплюнул за ржавый борт.

Хватит, Эл. Ты сошел с ума. Какие беседы с Богом?

Глянув в последний раз на темную воду, все еще пускающую пузыри, я побрел по ржавой наклонной палубе танкера. Мне предстоял долгий день, мне предстояла долгая бессонная ночь за рулем машины. Я не знал, длился ли это еще мой отпуск или я, плюнув на все, давно вернулся к своему ремеслу, но что-то ныло и ныло в душе, ныло и ныло. А вот тело, как это ни странно, пожалуй, было готово к действиям.

Александр ГРОМОВ

НА РАБОТКА НА ОТКАЗ

Повесть

Иллюстрации Александра ШАТУНОВА

*"Лучше быть безумным со всеми,
чем благо-разумным в одиночку."*

*Бальтасар ГРАСИАН.
"Карманный оракул"*

У КАЖДОГО СВОИ ПРОБЛЕМЫ

1

Утром потоп сошел на нет, но последние, особенно крупные капли еще побрякивали по жестяной крыше, скатывались к краю и лениво стекали по окнам. Как всегда после ливня, снаружи пузырилось и шипело, воздух был свеж, и очень хотелось выбраться из жилого вагончика, вдохнуть полной грудью, а может быть, даже пробежаться босиком, по-детски расплескивая лужи и лоя ртом настоящий воздух с небольшим, но верным избытком аммиака. И пахло как будто аммиаком, хоть говорят, аммиак и не пахнет вовсе. Чепуха, в больших дозах он особенно приятен. Муссон всегда приносит много аммиака. Не вонь нестерпимая — целебный воздух, пьяная ясность в голове и позыв к немедленному действию. Такие позывы надо гасить. Но, пожалуй, было бы неплохо дойти до лаборатории, посмотреть, много ли бед натворил предутренний толчок, а заодно выяснить, что еще не готово к эвакуации, и если что-нибудь все-таки не готово — найти виновного и занудить так, чтобы тот побежал работать вприпрыжку, а не сидел без дела, что плохо, и не ныл на печальные обстоятельства, что еще хуже. Сегодня каждый должен быть мил и очарователен, с точки зрения высокого начальства, иными словами — деловит, корректен и исполнителен до безмозглости, а если таковым не окажется, то это в первую голову вина начальства местного... Симо Муттик скрипнул зубами. В иных случаях начальник биологической станции обязан быть само радушие и гостеприимство, и грош начальнику цена, если он этого не умеет. Джулия послана вчера в Международную Зону с приказом пустить в ход личное обаяние и без Чернова не возвращаться. Можно не сомневаться, Чернова она добудет, да и сам Чернов, если, сидя в начальственном кресле, еще не задрал нос в заоблачные сферы, не откажется повидать друга-приятеля Симо Муттика, хоть и понимает, конечно, что раз друг-приятель заывает к себе, значит, что-то ему, другу-приятелю, от начальства нужно.

В углу трудился Ахмет, драил мягкой щеткой противорадиационный скафандр, останавливался, критически глядя на работу, потом плевал на щетку и драил снова. Скафандр блестел. Еще один в ожидании чистки был разложен на полу, а остальные три, грязные и облохматившиеся, были убраны и заперты в дальнем шкафу лично Симо Муттиком.

— Внутри чистил? — скучным голосом спросил Симо.

Ахмет прервал работу.

— Обмылаешь, насыляник. За сто обмылаешь Ахметку? Ахметка ныть не сделал.

— Не дури, — Симо не считал нужным менять тон. — Я тебя спрашиваю: внутри чистил?

— Чистил, — зло сказал Ахмет. — И снаружи, и внутри, даже дезодорантом спрыснул, если хотите

знать. Еще духами могу полить, хорошие духи у Джулии. Полить? Ахметка мигом.

Паясничает, подумал Симо. Это хорошо, что паясничает, значит, еще не опустил руки, еще на что-то надеется. Хороший парень, цепкий.

— Вольфганг где?

Ахмет отложил щетку, пытливо оглядел убогое нутро вагончика, затем заглянул под стол и, не найдя там никого, перевернул скафандр и затряс им, словно ожидая, что уж откуда-то непременно выпадет Вольфганг. Вольфганг не выпал.

— Ахметка не знает, касяльник.

— Бакалавр Усманов, — хмыкнул Муттик, — я вынужден призвать вас к порядку.

— Слушаюсь, насыляник.

— Заткнись, — сказал Симо. — И без тебя тошно. Имей совесть.

Ахмет посверкал глазами.

— Ладно, — сказал он и снова взялся за щетку.

— Тошно так тошно. Нашли чем удивить. А Вольфганг пошел на сельву смотреть, прилива он, видите ли, боится.

— А ты не боишься?

— Я всего боюсь, — мрачно сказал Ахмет. — Только не прилива. В любом случае нужно эвакуироваться, приедет там ваш Чернов или не приедет. А приедет, так будет уносить ноги вместе с нами. Кстати, правду говорят, будто вы спасли ему жизнь на Капле?

— Глупости, — буркнул Муттик. — Кто это говорит? Это он меня спас, а не я его. На это-то вся надежда.

— А-а, — протянул Ахмет. — Понимаю. Этот ваш Чернов — не иначе как любит ближнего за сделанное ему добро, а не наоборот, так, что ли?

— Замолкни, сделай милость.

— Ничего он не сделает, ваш Чернов.

Симо пожал плечами и протер ладонью окошко. Со вчерашнего дня горы отодвинулись вбок, будто кто-то сдвинул пленку в проекторе: во время толчка, разбудившего всех, вагончик с треском и скрежетом съехал метров на десять вниз по склону и, налетев на вросший в землю валун, застрял в наклонном положении. Могло быть и хуже, следовало только радоваться, что за толчком на сей раз не последовало камнепада. Обошлось.

Симо с ненавистью посмотрел на господствующую вершину. Гора как гора, округлый и скучный на вид конус, подпорка для снежных гигантов хребта Турковского и ничего более. Названия у конуса нет, снега нет, растительности нет, солидных камней по склонам и то что-то не видно, гнейсовая скала над южным разломом рухнула еще на прошлой неделе, и что, спрашивается, еще может с горы сыпаться? Однако сыплется, и еще как сыплется. Только вчера с восточной стороны сошел такой оползень, что, возьми он южнее, от станции осталось бы одно воспоминание. А передвинуть станцию еще ниже нельзя, там — сельва, а с ней не шутят. Вольфганг прав: если будет прилив, станцию захлестнет. Впрочем, прилив обычно бывает на третий день после первого ливня, время терпит. Симо повернул голову к Ахмету:

— Долго будешь копаться?

Ахмет отложил вычищенный скафандр, взял другой.

— Для Чернова готово, — сказал он. — А вам блестеть ни к чему, по-моему. Пусть ваш Чернов

блестит и радуется. И дезодоранта не дам, не действуй.

Симо усмехнулся:

— А если Чернов наденет не тот скафандр?

— Наденет то, что я дам, — заявил Ахмет. — И пусть попробует пикнуть. Вообще, рамки для начальства должны определять подчиненные.

— У тебя это хорошо получается, — сказал Симо, забавляясь. Разговор позволил отвлечься, и это было приятно.

— А если Чернов забыл о Капле, так я ему напомню, — сказал Ахмет.

Симо постучал согнутым пальцем по голове.

— Не вздумай.

— Ясно, — Ахмет вздохнул. — Я так понимаю, что меня это не касается. А кстати, что это за имя для планеты — Капля?

— Имя как имя, — неохотно сказал Муттик — и вдруг почувствовал зуд в спине, как раз там, где после Капли ему был вживлен изрядный клочок искусственной кожи. Чесотка возникала всякий раз при упоминании о Капле, должно быть, эту кожу берегли специально для какого-нибудь неврастеника. — Нормальное имя, — сказал он, стараясь не морщиться. — Чем тебе не нравится? Жидкая планета, есть такой космогонический феномен. Твердого ядра нет, потому — Капля. У нас там был исследовательский плот, пока Капля его не растворила.

— Как это растворила? — Ахмет вскинул глаза. — Как сахар, что ли?

— Не как сахар. Как плот. Молча. В один день.

— А люди?.. А, ну да, извините. Вы ведь там с Черновым вдвоем были?

— Вдвоем. — Зуд стал совсем невыносимым, и Симо, кряхтя, завернул руку за спину, поскреб. Стало легче.

— Меня там не было, — с завистью сказал Ахмет.

— И очень хорошо. Ты работай, работай.

— Я и работаю.

— Вот и не отвлекайся. Дочистишь скафандр — переходи к уборке помещения. А при Чернове, будь любезен, сделай так, чтобы он твоего языка не слышал. И я тоже. Уяснил?

— Даже очень, — со злостью сказал Ахмет. — А энтузиазм на морде изображать?

— На морде — обязательно.

Ахмет с видимым наслаждением плюнул на забрало скафандра, размазал плевков ветошью и, сверкнув глазами на начальство, потянулся к флакону с чистой жидкостью. Симо отвернулся. Идти в лабораторию уже не хотелось. Он снова протер окошко и всмотрелся. Здание лаборатории было еще цело, только чуть покосилось набок, будто присело, и снаружи выглядело вполне благопристойно. Если не знать, что там внутри. "Не-ет, — решил Симо, — Чернова я туда не пущу." Сегодняшний толчок уже ничего не мог изменить к худшему. Строго говоря, лаборатория перестала существовать четыре дня назад, — к счастью, погибло не самое ценное, только то, что Джулия не смогла отправить с последней оказией. Но Чернову и этого будет достаточно, чтобы подтвердить распоряжение о немедленной эвакуации станции и персонала. Пока не поздно. И нужно убедить его в том, что этого делать нельзя. Ни в коем случае.

Камнепады начались в начале лета.

Еще в мае, который в нынешнем високосном году растянулся на сорок три дня, горы временами вздрагивали от глубинных толчков, будто в сезон землетрясений; где-то очень высоко, с уреза аммиачных снегов, чаще обычного срывались лавины; ночами был слышен приглушенный гул. К концу месяца удары рушащихся скал стали слышны и днем, кто-то впервые заметил набрякшую желтую тучу над свежим обвалом по ту сторону ближайших уже вершин, а из Межзоны пришло первое распоряжение об эвакуации. Поначалу Симо пытался спорить и к отсылаемым в Академию отчетам прилагал пространные объяснительные записки. Потом бросил. Прибывший на грузовой платформе уполномоченный — мерзкая рожа — увез часть оборудования и двоих сотрудников, пожелавших уехать. С Симо уполномоченный не разговаривал. Кричал. Остающиеся предупреждены о вероятном исходе? Предупреждены. Они согласны ждать до последнего? И, вероятно, полагают, что это их личное дело? Они ошибаются, это дело Академии и администрации Международной Зоны. И если необходимо эвакуировать научную станцию с территории чужого государства по недвусмысленному требованию его правительства, это может быть сделано и силой...

Наверное, следовало наорать в ответ. При желании всегда можно переорать того, кто орет по обязанности. Ага, значит, силой? Силой, да? Очень любопытно, знаете ли. Следовательно, Международная Зона уже имеет своих командос? Имеет? Я так и думал, что это не мое дело. Симо Муттик вам не какой-нибудь дурак-энтузиаст и впредь мешать науку с политикой не намерен, хватит с него Капли, хлебнул досыта на пару с Черновым... Ну, что приутих-то? С Черновым, не с кем-нибудь. С ним и будешь иметь дело, если сей момент не уберешься отсюда к чертовой матери. Пшел!

Вот примерно так и надо с ними разговаривать. Симо улыбнулся, и его отражение в запотевавшем оконце улыбнулось тоже. Да, это было бы сладко. И глупо: не Черновым единым жива Международная Зона, черт бы ее взял, и незачем дразнить красной тряпкой чиновную братию, она от этого звереет, а академическая в особенности. И потому — молчать, а если спорить, то недолго и всегда соглашаться, а еще следить за глазами, глаза должны быть светлыми и выражать признательность за заботу. Конечно! Обеспечим! Само собой! Еще день, ну два на свертывание лаборатории — и распоряжение будет выполнено, мы же в своем уме... Соглашаться! И делать то, ради чего ты здесь, а не в Межзоне, где, положив руку на сердце, не в пример уютнее. И — сохранить станцию.

Так Симо и сделал.

Потом — перевести дух. Поднять глаза и встретить три взгляда: недоумевающий — Вольфганга, гневный, с презрением — Джулии и ехидный — не в меру пронизательного Ахмета. Нужно еще выдерживать эти взгляды, как кулачный боец держит удары, вышибающие воздух из диафрагмы. Вот кто энтузиасты, негнувшиеся, вот кого ломают в первую очередь. А вы согнитесь! Только потом не забудьте распрямиться, а я помогу, если будет трудно. Не желаете? Вот что я вам скажу: вы все очень хорошие ребята, но вы совершенно не умеете думать — не головой, а чем-то еще, спинным мозгом, что ли, а может быть, и трясущимися коленками, и поэтому вы проиграете. Потухнут ваши идеалы, так-то,

и вспоминать о них вы будете с неловкостью. А может, не вспомните вовсе. Учитесь же! Учитесь у мудрого Симо Муттика, и пусть его шишки станут вам наглядным пособием, иначе к чему их столько накоплено? Опять не хотите? Жаль... Жаль, времени мало, вот что. Совсем нет времени.

Два дня мучились — тянули вездеходом вагончики; несли на руках хрупкое. Подальше от крутых склонов, поближе к Процессу. Вольфганг рассчитал: тоннель выйдет на поверхность не ближе километра от места Процесса. И не далее полутора. Двадцать шестого июня после особенно сильных толчков опять двигали станцию — к урезу сельвы. Успели вовремя: в ночь на двадцать девятое раскололась гнейсовая скала, катящиеся глыбы испахали южный склон, одна особенно крупная прошла рядом с жилым вагончиком, раздавила в лом антенну спутниковой связи и с треском ухнула в сельву. Тридцать третьего, после небольшой передышки, гора вздрогнула так, что вагончик подпрыгнул на полметра и в лаборатории не осталось ни одной целой склянки. Тридцать четвертого были отмечены продолжительные нерегулярные толчки: тоннель спровоцировал-таки землетрясение. Километрах в пятидесяти к западу ожил безымянный вулкан, плюнул в небо серной тучей. Сегодня тридцать пятое, и уже был один толчок. Нужно ждать второго, а скоро будет последний. Чернов тоже это знает.

Пискнула входная дверь, вошел Вольфганг. Долго, по-медвежьи топтался, снимая бахилы, потом, сложивши свой рост вдвое, не торопясь, как положено, прошел фильтрующую завесу — оба слоя. Не торопясь, снял дыхательный фильтр, сунул в очиститель. Пахло дезинфекцией, и Вольфганг удовлетворенно хмыкнул. Весь он был громадный, ростом в полтора Ахмета, а весом в два, а медлительность у него не от комплекции, понял вдруг Симо, — а оттого, что очень уж старается парень не делать ошибок. Кой черт, все равно делает, разве что чуть реже, чем другие.

— Ну, что сельва?

— Просыпается, — Вольфганг сел.

— Знаю, что просыпается, — терпеливо сказал Муттик. — Твой прогноз?

— Завтра, — сказал Вольфганг. — Скорее всего, к вечеру. Или ночью.

— Станцию захлестнет? — спросил Симо. Он знал, что захлестнет, но в душе поселилась дурацкая надежда: а вдруг нет?

— Ясное дело, захлестнет, — вставил Ахмет.

— А я не тебя спрашиваю...

Вольфганг наморщился, задвигал бровями. Медлил, обдумывая.

— Захлестнет. Прилив будет мощным.

Симо кивнул. Ладно. Если все-таки придется эвакуироваться, прилив — дело десятое, а если станцию удастся отстоять — передвинемся выше.

— Там нас утробит, — опять влез Ахмет.

Дурак. Будто без него не ясно. Поставить сопляка на место. Нет, пусть лучше это сделает Джулия. Когда вернется. А мы ограничимся пристальным взглядом, долженствующим, как пишут, иметь воспитательное значение. Вот так. И достаточно.

— Там пришел Третий, — сказал Вольфганг. — У сельвы. Стоит и ждет вас.

Так. И этот хорош. До сих пор не понял, о чем нужно докладывать в первую очередь. Добросовестный, этого у него не отнимешь — но бизон...

— Как он сейчас выглядит? — спросил Симо.

— Тетраэдр, — Вольфганг показал руками, — вопросительная форма. Он хочет говорить.

— А ты что же?

— Он хочет говорить с вами.

Вот как. В другое время это было бы любопытно. Значит, уже и вариандты научились разбираться в человеческой иерархии, подай им не кого-нибудь, а начальника станции, будто от него в самом деле многое зависит. И ведь догадались послать Третьего, а Джулия еще уверяет, будто им чужд практицизм... С нами же рядом жили, у нас учились. Третий самый упорный, не уйдет, пока не получит ответа, — а что ему можно ответить? Что мы все ему можем ответить? Симо почувствовал ужас. Но если вариандт спрашивает — нужно отвечать. Никто не скажет, почему. Просто нужно.

Не очень далеко из трясины бил грязевой гейзер, похоже, тот самый, что заработал еще с вечера и все никак не мог иссякнуть. А может быть, другой. Сельва дышала. Там, откуда она отступила при последнем выдохе, простиралась широкая полоса грязи, окаймляющая необозримую коричнево-зеленую стену зарослей. Стену осточертевшую. Стену, готовую к броску, колышущуюся, будто от ветра, хотя ветра не было да и не могло быть ветра, способного заставить сельву колыхнуться — сельва не обращала внимания даже на ураганы, изредка достигавшие гор. Она была безгранична. Она была равнодушна ко всему постороннему, как бывает равнодушно большое животное к судьбе насекомых, хрустящих у него под ногами.

Сельва дышала. Ошеломляющая вонь гниения перебивалась острыми запахами жизни, чужой, странной и страшной для всякого, осмелившегося углубиться в топки чащи или не успевшего уйти от прилива. Сельва шевелилась. Временами из темной глубины невероятно сплетенных ветвей по-змеиному выскальзывало гибкое корнещупальце ползучего тростника, тяжело плюхалось в жижу и, найдя незанятое место, мгновенно укоренялось, твердело и прорастало десятком жестких стеблей, очень похожих на земной тростник, если не знать их способности остановить вездеход, оплести его со всех сторон, играючи приподнять над топью, примериться и со вкусом разорвать, как большого твердого жука... Стена двигалась. Коричнево-зеленое тесто ползло вперед. Начинаясь новый вдох.

Это был еще не прилив, сельва лишь просыпалась. Ворочалась. Накапливала силы. Еще день-другой она будет дышать, с каждым часом все размашистее, потом замрет на недолгое время — и ринется вверх, по камням, по голым склонам, по мутной остекленевшей слизи, оставшейся с зимних приливов... А может быть, и по вагончикам био-станции, есть такая вероятность. На прилив лучше смотреть откуда повыше, например с той стороны разлома, стоять на краю и снимать на пленку, как падают вниз и корчатся на дне ползучие гиганты и чуткие ветвистые плетоядные, а еще как сыплются вниз колоссальные одноклеточные, упакованные в мембрану, поросшую отравленными иглами, как шарахаются от них коричневые фитофаги с рудиментарным фотосинтезом и слепые, но стремительные в атаке болотные гады, разбухшие всколыхнувшейся топью, — да мало ли безозглых и бессмысленных тварей создано природой в припадке

избыточности и неизвестно зачем, а ведь каждая форма уникальна, каждую беречь надо. Так же, как и себя от нее. Но после отлива подбирай все, что осталось — раздолье: иногда сельва позволяет людям считать себя объектом изучения, могла бы ведь и не позволить... Вот и сейчас, выдирая бахилы из клейкой грязи, Симо привычно отметил незнакомый прежде вид фотосинтезирующей планарии и еще что-то мелкое, копошащееся в трясине и ничего путного не напоминающее. Животное. Пожалуй, новый отряд, а вернее всего, класс или даже тип. Поймать бы, подумал Симо, Джулии показать, самому покорпеть... Но он хорошо знал, что не станет этого делать, потому что совсем рядом, в десяти шагах от живой стены, в грязи, увязнув в ней основанием, стоял вариадонт.

Судя по всему, он стоял уже давно — должно быть, приполз сразу после толчка, еще до рассвета, и Симо проклял себя за то, что не рискнул выйти под ливень — ну пусть бы сбило с ног... Это действительно был Третий. Он ждал.

— Привет, — сказал Симо.

Тетраэдр задвигался: не то приглашал к разговору, не то просто устал быть тетраэдром. Нет, все-таки приглашал. Симо почувствовал покаявание в висках, что-то теплое пришло и двинулось в мозг — вариадонт налаживал связь.

— Ты хоть из грязи-то вылез.

Третий скруглил углы, сплюснулся с боков. Симо моргнул. Теперь к нему, медленно раздвигая грязь, катилось огромное рубчатое колесо: не иначе, вариадонт где-то у границы подсматривал за армейским вездеходом. Очень похоже. Только к тем колесам грязь липла, а к этому — нет. На твердой почве колесо завалилось набок, подпрыгнуло, будто резиновое.

— Все шутишь, — сказал Симо. — Не до шуток ведь тебе, знаю. Тоже вроде нас, только что врать не умеете... Ты ведь спросить пришел, так я жду, спрашивай...

Он знал, о чем спросит Третий. Вариадонт, он же кучевик, он же нуклеод, каких только названий им не выдумывали, а до сих пор ни одного годного, каждое каким-то боком равняет их со зверьем. Вариадонт. Зверь-де, меняющий форму тела по своему разумению. Оч-чень исчерпывающе, знаете ли. Креоднт. Мастооднт. Глиптооднт. Глипт.

— А человеком можешь?

Колесо без видимых усилий встало, точно в фильме, пущенном в обратную сторону, потянулось вверх, вырастая в колонну, и колонна выпустила из себя, как выстрелила, отростки-руки и шар головы, лопнула снизу, формируя ноги. Человек. Вот только лица у человека не было — вместо лица была гладкая черная поверхность, матово отсвечивающая, как кожа, как искусственная кожа, еще не бывшая в употреблении, — иллюзия для непосвященных. Настоящей кожи у вариадонтов нет и никогда не было. Зато был запах, резкий и специфический, и когда Третий шагнул вперед, запах прорвался сквозь дыхательный фильтр и ударил в нос, заглушая миазмы топи. Не запах — вонь, бежать от нее хочется. Это им повезло, подумал Симо. Неудивительно, что вариадонты не очень-то боятся сельвы — ну кто захочет пробовать на зуб существо с таким запахом? Разве что нарвутся на пограничный пост...

...Хруст ветвей, клацанье, писк брызнувшего со-

ка или, вернее всего, крови. Долгий пороссячий визг... Симо не повернул головы на хорошо знакомые звуки. В чаще происходило то, что и должно было происходить: один панцирный гад вскрывал другого. Урчал, пожирая. Природа... И вариадонты все еще по уши в этой природе, подумал Симо, никуда от нее не ушли, она же их и пожрет, как только найдется какая-нибудь тварь без обоняния. Вот Седьмого не видно уже которую неделю, да и Четвертый вчера был какой-то странный: подранили? Не нужно им в сельву лезть, совсем не нужно, да, как видно, придется...

А вопрос все нарастал, бился в черепной коробке, и было ему там тесно. Симо поднес ладони к вискам, зажмурился, привычно напряг и расслабил мышцы шеи. Он был готов к передаче. Он уже знал, что ответит. И знал, о чем попросит. Никогда бы раньше не подумал, что придется о чем-то просить вариадонта... Да, в лучшем случае придется туго. Если очень повезет, то будет туго. А в худшем случае — не будет Процесса, не будет вариадонтов, не будет Симо Муттика. Радиоактивного горизонта и то не будет, выскребут его мало-помалу, а вот тут, например, вот на этом самом месте, где мы с тобой, Третий, стоим, возведут горнообогатительный комбинат, и потекут от него составы на ту сторону, в Северный Редут. А вон там будет огромный карьер, здесь у нас под ногами такое лежит... Ты знаешь, что такое карьер? Сейчас я его представлю — вид сверху — и ты поймешь... Теперь понял? Здесь будут люди, много людей, они и сельву заставят отодвинуться, насколько смогут. Но прежде будет последний взрыв, и тоннель выйдет наружу. Будет, наверное, радиоактивное облако, но это совсем не та радиоактивность, что у вашего горизонта, и вам от нее лучше держаться подальше. А может быть, в вас станут стрелять. Объяснить тебе, что такое — стрелять?..

Вариадонт стоял неподвижно. Он ждал. Он привык ждать. Сначала, еще в Процессе, как только начал сознавать себя, он ждал очередного глипта. Потом ждал, когда выйдут из Процесса Четвертый, Пятый... Восьмой. Потом стоял в грязи и ждал, когда же к нему, наконец, соизволит выйти Симо Муттик. Теперь он ждал, когда же этот bestоловый человек закончит свой bestоловый рассказ о других bestоловых людях, грызущих тоннели под горными хребтами — зачем? Должно быть, в свое удовольствие... Ничего он не поймет, с тоской подумал Симо, самому бы понять...

— Я понял. — Голос был негромкий, но явственный. — Продолжай.

Симо вздрогнул. Вот это да! — значит, они умеют и разговаривать... Интересно, о чем? А как мы их учили, как старательно выговаривали слоги, пока не поняли, что телепатировать им и проще, и удобнее... И какие же мы кретины, если не уяснили до сих пор, что в вариадонтах куда больше непознанного, чем во всей сельве! А голос... Господи, да это же мой голос! То-то слышу — знакомое. Дрянь у меня, а не голос, блею, как старый козел, слушать не хочется. Но Чернов!.. Если он и после этого не захочет верить, что перед ним разумная форма жизни, тогда он сволочь и остальным под стать. Пусть увидит Процесс, вот что. Глипт ну-жен...

— Мне нужен глипт, — сказал он вслух.

— Мало, — глухо возразил Третий. — Трудно найти.

Он уже пытался к придвинувшейся вплотную чаще — черный, неестественно прямой, — уже уходил, как всегда, неожиданно, легко вынимая из топи ноги, к которым не липла грязь... Нужен глипт... Глиптов мало. Еще бы не мало, коли в последнюю войну их выбили на девять десятых: принимали, за танки. Это в сельве-то — танки!..

— Ты слышишь! — закричал в чашу Симо. — Мне нужен глипт! Сегодня! Чернову!.. Я знаю, что их мало, но мне очень нужен хороший глипт...

Он попытался. Коричнево-зеленая стена наступала, нависала над ним, как океанская волна, таянула хищные ветви. Где-то там, в зловонной трясине пискнуло под ногой Третьего какое-то растение. И все смолкло.

2

С самого утра полковник Нуньес чувствовал себя неважно. Во-первых, полковника мучил кашель, неизбежный спутник сезона муссонов, — и не дал-таки уснуть ночью, несмотря на таблетки и дилетантскую попытку самогипноза; во-вторых, на краю стола лежал далекий от завершения полугодовой отчет, о котором командующий округом напоминал не далее как вчера, и это было непонятно, а непонятного Нуньес не любил. Да еще этот больной... Полковник озабоченно потер подбородок. Больной — это скверно. Как назло: который год все тихо и вот на тебе — пятнистая горячка, да еще с такой анемией, что хоть прямо в учебник. Жаль солдата — толковый, случайно сюда попал, — но тут уже ничего не поделаешь. Выраженные симптомы, и это, наверное, плохо, коли врач кинулся бежать, едва увидев больного, и назад в лазарет его пришлось волочить силой — впал в истерику и только визжал, когда Нуньес орал ему в самое лицо: "Твоя работа? Твоя работа, я спрашиваю!.."

О гарнизонном враче Нуньес не мог думать без тихой ярости. Неужели же знал, подлец, что сыворотка скисла? Наверняка знал... Вор не вор, а разгильдяй и трус первейший.

Полковник промокнул лоб носовым платком и растегнул китель. Утро выдалось жарким, кондиционер уже не справлялся. Днем будет еще хуже, если только не разразится ливень, а к вечеру станет уже совсем невыносимо, но за вечером придет ночь, и тогда, может быть, удастся уснуть. Если позволит кашель. И если сегодня за ворохом мелких дел найдется время закончить отчет. Ну, пусть не закончить, пусть только выделить главные моменты. Хотя бы в черновом варианте.

Он дотянулся до клавиши интеркома.

— Дежурный... Кхе!.. — И приступ кашля разразился, как всегда, совершенно неожиданно.

— Дежурный слушает. Доброе утро, господин полковник.

— Доброе, — соврал Нуньес, вытирая глаза. — Я еще когда заказывал документы из архива. Где?

— Они на вашем столе, господин полковник.

Нуньес скосил глаза на стол — действительно, все три пластиковых листка на месте. Надо же, не заметил. Глупо и, пожалуй, обидно. Лишний повод к сочинению очередной байки для любителей устного словотрепа. Впрочем, сегодня дежурит хороший малый, этот не позволит себе лишнего, разве

что отметит про себя, что хрыч Нуньес успешно переходит в новое качество: в хрычи старые, заслуженные. И это, надо признать, соответствует действительности. В линейной пехоте стариков не держат. А если тебе шестьдесят два, то о пехоте забудь и радуйся, что командуешь хотя бы пограничным участком, без перспектив повышения по службе и по уши в сельве. Унизительно, если знать, что сельва охраняет границу лучше любых постов, сколько бы их ни было, — а кто же этого не знает? Начальство, во всяком случае, знает. Но и в отставку пока не гонит. Это главное.

О значении слова "синекура" Нуньес лишь догадывался. Судя по конкретным признакам, его предшественникам это понятие было знакомо во всех приятных подробностях. Участочек оказался из рук вон, оторви и выброси, что же касается личного состава, то он, подобно всякой изолированной системе, уверенно стремился к нулевой энергии и вполне в этом преуспел. Нуньес впрягся в службу как вол и о начальном периоде командования участком отзывался кратко: чистил мужник. Для дам он на всякий случай держал в памяти "авгиевы конюшни", однако дам на участке не было, а тех существ последнего разбора, что поначалу были, язык не поворачивался назвать дамами, и Нуньес с особым удовольствием вышвырнул их с заставы при первой возможности. Он добился замены большей части младших офицеров и сержантов — как ни странно, это удалось — и в конце концов смог констатировать некий минимум порядка, который и старался поддерживать, не особенно рассчитывая на большее. На него писали кляузы, всегда остававшиеся без последствий. Раз в полгода он сам писал отчет "о положении дел" с грифом: "Секретно. Лично." — по обязанности и без энтузиазма, ибо хорошо знал, что насчет секретности еще так-сяк, а что касается "лично", то вряд ли командующий лично вникает в каждый документ подобного рода, и правильно. Он был забыт, это колело самолюбие, но пока устраивало. И вот — начальство вспомнило, что есть еще такой Нуньес, и вместо того чтобы попросту гнать вон со службы, торопит с очередным отчетом. Почему? Об этом полковник еще успеет подумать, но сперва нужно разгрести текучку.

— Дежурный! Вы слышите меня?

— Еще что-нибудь, господин полковник?

"Еще что-нибудь!.." Наглец. Тон, как у официанта.

— Еще вот что, — хмуро сказал Нуньес. — Сегодня же эвакуируйте больного. Да, вы. Вертолетом. Займитесь этим немедленно. Что? Это как понимать: "если позволит погода"? Пусть позволит. Запомните себе на будущее: плохая погода бывает только для разгильдяев. Вот и хорошо, что вы поняли. Далее. С больным полетят двое сопровождающих, выберите их сами из резервной смены. Еще полетит врач. А меня не интересует, захочет он или не захочет. И не интересует его невменяемость. Тогда так: еще двое сопровождающих полетят с врачом. Пусть получит в медицинском управлении новую партию вакцины, вы поможете ему составить заявку, если он забыл, как это делается. Кхм... Кха! Кашель, черт... Вакцина сегодня же должна быть здесь. Сегодня же. И врач тоже. Нет, не "пусть он катится к чертовой матери", а пусть сегодня же проведет повторную вакцинацию всего

личного состава. Да. Я сказал: всего личного состава. Полностью. Ответственный — вы лично. Это все.

Полковник снова закашлялся и, прочистив горло, сплюнул в носовой платок. Вот гадость. А ведь после прививки станет еще хуже. Люди будут недовольны, и трудно их за это осуждать. Но аверс аверсом, а с реверса отчетливо маячит пятнистая горячка — та еще хвороба, верный и мучительный конец. Вакцина спасает от пятнистой горячки, зато делает человека крайне восприимчивым к обычным простудам, это бы еще ничего в сухое время года, но теперь пошел муссон, и значит, уже завтра личный состав будет едва волочить ноги. Вакцина — дерьмо... И жара. Страшно подумать, что будет там, снаружи, когда солнце взберется повыше. Особенно завтра, после прививки.

Он подошел к окну, скосил глаза вниз: Оттуда, с прямоугольной площадки, отвоєванной у сельвы под плац, забетонированной и расчерченной в соответствии с назначением, поднимались торопливые дрожжащие испарения. В тени старой башни, реликта эпохи Второго Нашествия, ныне увенчанной крутящейся антенной станции дальнего обнаружения, досыхали последние, самые стойкие лужи. Двое солдат с натугой катили через плац гигантскую кабельную катушку, их движения были плавны, как в замедленном кино. "Мухи дохлые", — определил Нуньес. В катушке было куда больше жизни, чем в солдатах, она проявляла норы и стремилась показаться в направлении, солдатами не предусмотренном. Полковник отогнал мысль о том, что было бы с ним самим, вздумай он спуститься вниз. И здесь-то не продохнуть... Скверный сезон. Муссонные ливни все похожи один на другой. И еще они похожи на конец света. Но сельве того и надо.

И вот пожалуйста! — на плацу опять свежая трещина. Спрашивается: откуда? Вчера ее здесь не было, это точно. Не иначе, опять из земли лезет какая-то дрянь, ей двухметровый бетон вроде скорлупы для любителей яиц всмятку. Санобработка? Да, и чем скорее, тем лучше. Полковник поморщился. Излучатели выжгут всякую жизнь на пятьдесят метров вглубь, но, конечно, лишь на время. В муссонный сезон эту процедуру необходимо повторять как минимум раз в неделю. Плохо то, что излучатели портят плац: бетон крошится, рассыпается в неприятную вонючую пыль, и плац потом выглядит как обгаженный. Не дай бог, командующий округом затеет инспекционную поездку — сгореть от стыда полковнику Нуньесу.

Сельва, кругом сельва, до горизонта во все стороны, кроме севера — там она только до гор. Сельва бессмертна. У нее тысячи способов расправиться с человеком, и поэтому углубиться в нее хотя бы на пять шагов способен лишь самоубийца или буйно помешанный, каких здесь, слава Лиге, пока еще не держат. Каждому доводилось видеть, как легко и вместе с тем мощно движется, нависая над чащей, шагающий баньян и отвратительное месиво словно бы раздвигается, угадывая, где он ступит, и давая ему ступить. Несуразный глипт в шишкастой броне ползет напрямик, с треском валит подгнившие деревья, оставляя за собой развороченную просеку. Там, где он прошел, могла бы получиться хорошая вездеходная трасса — только сельва не даст. Для этого в ней слишком много жизни.

Можно каждый месяц выжигать вдоль границы

контрольную полосу. Если хорошо выжечь и если на ней не укоренится баньян, ее действительно хватит на месяц. Потом — снова, и так без конца. Жечь, травить дефолиантами, выметать излучателями все живое — в золу и пепел. Надолго ли? Сельва упорна от рождения, гораздо упорнее людей. На соседних участках контрольной полосы давно уже не существует, линия границы условна, как мнимое число, и на это обстоятельство не устают выжидательно намекать подчиненные. Дьявольский соблазн. Люди не понимают, что они охраняют и от кого. По эту сторону хребта Северный Редут формально владеет куском территории, до которого еще ни у кого не дошли руки — потому и владеет. Между прочим — потенциальный противник, несмотря на то, что уже лет двадцать как полноправный член Содружества и плюс к тому формальный доминион Земной Федерации. Но их людей здесь нет, если не считать каких-то биологов в предгорьях, да и те не северяне, а из Межзоны, как-то их там терпят. Больше никого. У полковника Нуньеса нет коллег по ту сторону границы. Это плохо. Такая служба оскорбляет командный состав и разлагает подчиненных. У них есть задачи, текущие и на перспективу, но нет цели, придающей службе значимость и видимый смысл. Людей трудно винить, но необходимо. Подчиненные не понимают, за спиной полковника делают неприличные жесты, сочиняют похабные анекдоты и думают, что одревеневший на службе Нуньес ничего не видит. И тем не менее полковник не считает своих людей сбродом. Просто они не могут дать ответ на мучительный вопрос: *зачем?* Нет ответа. И, наверно, и не надо его искать, ответ этот. Служить надо.

Он переждал приступ кашля и вернулся к столу. Сначала дело, нытья на сегодня уже хватит. Отчет — тоже дело, и дело первейшей важности, когда отчетом интересуется лично командующий. И он не скрыл: интересуется потому, что заинтересовались в высших сферах, похоже, даже в генштабе. Непонятно, зачем им? Что они там хотят выудить из этого отчета? Уж наверное не то, что гарнизонный врач скотина, не исполняющая прямых обязанностей. Тогда что?

Дана подсказка: случай с нарушением воздушной границы, очень неприятный случай. Нуньес не любил о нем вспоминать. В свое время и начальство о нем не вспоминало, то есть настолько, что вообще не отреагировало, хотя по убеждению полковника отреагировать следовало бы, и самым крутым образом. Случай был скандальным, до сих пор сидел как заноза, и хотя обошлось без видимых последствий, но дураку было ясно, что об этом еще вспомнят... Вспомнили — но странно. Об отставке ни слова. Само собой очевидно: ждут не оправданий и, вероятно, даже не анализа бездарных действий дежурной смены, не говоря уже о предложениях по совершенствованию порядка боевых дежурств. Ждут чего-то иного, а если подумать, то все это очень похоже на тотальный сбор информации, настолько систематизированный, что задействованы все каналы сбора, даже самые гиблые... Знать бы еще: какой информации? И на кого?

Полковник недовольно посмотрел на тощую пачку исписанных листков. Отчет называется... Нет, строго говоря, нормальный отчет "о положении дел на вверенном...", ну и так далее, по стандарту. Даже против обыкновения позволил себе кое-какие

предложения касательно "совершенствования порядка"... Нуньес поморщился. Дельные, между прочим, предложения, а придется все же убрать, чтобы у высших сфер не застревал глаз на том, на что они заведомо не обратят внимания.

Итак... Нуньес перетасовал три полученных из архива листка и выбрал наугад. Короткий текст оказался рапортом давно уже сплавленного отсюда солдата, и с первого взгляда было видно, что документ составлен не по форме.

"По тре. плк. Нониуса от младшего оператора радарной службы рядового Ф. Р. Мбеле. Доклад..."

Полковник механически исправил Нониуса на Нуньеса, зачеркнул слово "Доклад" и вписал: "Рапорт". Дальнейшее он решил не править. В официальном интересанскрите рядовой Мбеле путался, как водолаз в водорослях, но пиджин-санскритом владел и писал на нем следующее:

"...В соотв. с росписью дежурств 8 июня 91 г. Лиги около в 11 ч. 29 м. единого времени мною был замечен движение летательного объекта в направлении приблига к гран. В неиточном соответствии с инструкцией (номер инструкции) я произвел немедля вложение всех параметр полета предположной цели в следячий контур и доложил. Все без исключения указания которого дежурного офицера четко точно сполнял вдалнейшем. Случаем пользуясь докласть факт о том, что жидкость для протира экранов операторам не дают почему не знаю, которые потому упыляются и не обеспечивают надлежащего слежения. Рядовой Филипп Реджинальд Мбеле." Резолюция — прочерк. Дата.

Вот так, подумал Нуньес и хмыкнул. Себя — полным именем, а полковник у него Нониус. Болвану лучше быть скромным, пыжающийся болван слишком похож на сувенир: дорого стоит и ни на что не годится. И правильно, что нет резолюции. Какие тут могут быть резолюции? Отчитать дурака в устной форме, заставить вызубрить инструкцию, чтобы впредь знал, что делать в первую очередь при обнаружении цели. Обругать за жаргон в официальном документе. Жидкости для протирки экранов не давать: не хватало еще пищевых отравлений, — а вместо этого назначить рядового Филиппа Реджинальда, как его там, на три внеочередных дежурства. Кажется, так и было сделано.

Полковник вздохнул, отложил листок на край стола и перешел к следующему. Второй документ был рапортом дежурного офицера лейтенанта Риттера из той же злосчастной смены. Первые строки Нуньес пробежал вползгляда. "Объект-нарушитель был замечен над южным склоном хребта Турковского уже в непосредственной близости от границы..." Так. Параметры полета на момент обнаружения... азимут... угол места... скорость полета... Ого! Далее: относительная высота... Так. Снижение. Маневр. Первый вывод: "Нарушитель осуществил пологое пикирование с одновременным глубоким разворотом вправо и через 20 секунд после вторжения вторично пересек линию границы и покинул охраняемое воздушное пространство, двигаясь на малой высоте в направлении азимута 310 градусов. Исходя из параметров полета, а также вариаций эффективной отражающей поверхности, можно утверждать, что нарушителем являлся боевой одноместный флайдарт класса "джокер" типа "Е" или более поздних модификаций..."

Так. Нуньес пробежал еще несколько строк и

устроился в кресле поудобнее. Дальнейшее он помнил очень хорошо, но все же следовало вчитаться еще раз.

...Таким образом, по вине дежурного оператора рядового Мбеле боевая тревога была объявлена с опозданием на 30—35 секунд. За это время нарушитель успел вторгнуться в охраняемое воздушное пространство и начал разворот, очевидно намереваясь в возможно более короткий срок выйти за пределы зоны поражения. Поднятое по тревоге зенитно-ракетное подразделение обеспечило готовность к пуску ракет в соответствии с установленной нормой времени, однако к этому моменту нарушитель находился уже в воздушном пространстве Северного Редута, удаляясь вглубь его территории на крайне малой высоте, и через 70 секунд после вторичного пересечения границы радарный контакт с объектом-нарушителем был потерян. В связи с этим обстоятельством мною была дана команда отбоя боевой тревоги..."

Нуньес заерзал в кресле. Вот в чем была главная ошибка Риттера, а вовсе не в том, что перед экраном у него сидел дурак. И даже не в том, что Риттер в горячке не успел сложить два и два, а потому не вспомнил, что "джокер Е" в силу своих исключительных летных качеств способен уйти от атаки зенитными ракетами и надо было задействовать лазерный пост... Самое печальное для Риттера случилось минуты через две после отбоя тревоги, когда локационщики искали, кто виноват, а зенитчики, скучно ругая Нуньеса — а кого же им еще ругать, — зачехляли свои ракеты. В это самое время флайдарт-нарушитель снова пересек границу и неся на сверхмалой высоте, практически повторяя свою первоначальную траекторию. Суета боевой тревоги повторилась во всех подробностях и с тем же успехом. Что-либо предпринимать было поздно. Нарушитель преспокойно удалился в сторону южных владений Редута, сразу после пересечения границы сделал горку метров на восемьсот, и дальнейшая траектория его полета была классифицирована как посадочная глиссада.

Нуньес даже застонал от досады: вот тут бы Риттеру и сбить нарушителя — на горке! Пусть даже над чужой территорией — полковник Армандо Нуньес сумел бы отстоять своего подчиненного. А так — пришлось наказывать. Риттер мог бы и сообразить, а по должности просто обязан был догадаться, что нарушитель *обязательно* пойдет на второй круг — иначе где ему там сесть? В сельву? На горы? Уже на первом заходе можно было понять, что нарушителя из Редута интересует *своя* территория. Свой собственный пятачок, на который еще надо сесть. Ну ладно, флайдарту высокого класса не нужна необъятная посадочная полоса, но при всем том он не вертолет и не летающая платформа, чтобы садиться на любую ровную лысину. Он просто выжег себе посадочную полосу где-нибудь на краю сельвы, а чтобы сесть, ему нужен был второй заход. С его радиусом разворота он непременно должен был *еще раз* войти в охраняемую зону и *еще раз* подставить себя под вероятный удар. Вернее — под маловероятный, учитывая полную деморализованность Риттера. Умно. Отлично спланированная акция, со здоровенной дозой разумного нахальства. И время выбрано удачно: за несколько недель до летнего муссона, иначе торчать бы тому флайдарту в болоте по самый стабилизатор...

К концу рапорта Риттер не удержался и съехал на оправдания и объективные обстоятельства, что в глазах Нуньеса выглядело совсем уже неприлично. Хлюпик, щенок скулящий... Резолюция: "Аргументы неубедительны. Лейтенанта Риттера предупредить о неполном соответствии. Капитану Нильсену принять необходимые меры к обеспечению надлежащей боевой подготовки вверенного ему подразделения. Нуньес."

Спускал на тормозах. А что еще было делать?

Полковник опять вздохнул. Последний документ он читать не собирался: помнил наизусть. Это был рапорт самого Нуньеса, обращенный к командующему округом. Не рапорт — крик души, черт знает что. Хорошо, не подал сгоряча в отставку, а ведь мог бы... Две недели спустя, когда о нарушении уже и думать забыли, тот самый флайдарт — а откуда там взялся другому? — вновь вынырнул из южных земель Редута, легко, у всех на виду пронесся на взлетном форсаже чуть ли не над самой заставой и в считанные секунды скрылся за хребтом Турковского. Как назло, лазерный пост погряз в регламентных работах, а от ракет, впопыхах пущенных вдогон, нарушитель, конечно же, ушел в какое-нибудь ущелье. Ясно же, пилот высочайшего класса, таких один на две-три сотни. Он и в эту сторону летел ущельями, иначе быть бы ему обнаруженному за триста километров, гореть бы ему дымным огнем сразу после пересечения границы... Мастер. И опять-таки налицо все приметы тщательной спланированной и подготовленной операции. Не говоря уже о тщательности исполнения.

А виноват Нуньес. Виноват, потому что не задумался над простым вопросом: а что он делал, этот пилот, по южную сторону хребта? Где он жил эти две недели, не вопрос — у биологов он жил, — а вот чем он там занимался? Именно пилот, не кто-нибудь: в "джокер Е" два человека не поместятся физически. Учил биологов пилотажу?

Транспортная операция, вот что это такое. С целью доставить специалиста в интересующее кого-то место, не привлекая излишнего внимания ни к месту, ни к специалисту, потому и замаскированная под нахальный разведполет. Ясно, отчете выбран флайдарт: никакая летающая платформа не в состоянии перевалить через хребет, кишка тонка, а что касается космических средств, то у Редута всего один корабль, да и тот грузовой мастодонт, там ему не сесть. Правда, и "джокер Е" с навесным ускорителем способен выходить в ближний космос, но на посадке сделает такой круг, что будет испепелен над чужой территорией задолго до вхождения в тропосферу. Неудачные задворки у северян, прямо скажем...

Тихонько дзенькнули стекла. Задрожал письменный стол, пополз по нему рапорт рядового Мбеле. Дурнота накатила было, но отхлынула. Какого черта...

— Кха!... Хгм. Дежурный, вы что-нибудь почувствовали?

— Толчок, господин полковник. Уже второй за сегодняшний день.

Да, верно. Откуда они взялись, эти каждодневные толчки? Не было же раньше. Ну ладно, это мы потом, а сейчас не худо бы выяснить насчет того пилота, лучше поздно, чем слишком поздно. А что? Заказать полную информацию о пилотах высокого класса, затребованных Редутом за последние три-

пять лет, и в особенности об их смежных специальностях... Допуска нет, не дадут. Еще доложат: суется старый пень не в свое дело, подозрительно... Разве что через Пикара? Круто он пошел в гору с тех пор, как я его вытащил, а сам, небось, думает, что выплыл без помощи Нуньеса, и в свои тридцать семь уже полковник службы информации с хорошими связями. Прыткий, как всякая сволочь. Что ж, напомнить не помешает, хотя, конечно, риск... Да что там риск, противно это, как ногой в дерьмо... а придется. Лучше ногой, чем мордой, тут и думать нечего. Как-нибудь оботремся.

— Дежурный! Соедините-ка меня с полковником Пикаром...

3

— Ого, — взгляд Чернова прилип к шкале индикатора, вшитого в рукав скафандра, — тридцать рентген в час. Здесь всегда так?

— Не всегда, — сказал Муттик. — Иногда больше. Скафандры держат. Ты смотри, смотри, как они его...

Глипт был еще жив. С полдесятка ложнокрылов уже обсели его, как москиты, завязнув бивнями в спинной броне. Остальные пока кружили высоко: были еще сыты позавчерашним зверем, оказавшимся на редкость упитанной тушей. Некоторые вообще не покинули верхушки скалы — торчали черными изваяниями, абсолютно неподвижные, и издали напоминали обыкновенных птиц с не в меру развитым клювом — вроде марабу. Не спешили. Глипт крутился на месте, как тяжелый танк с перебитой гусеницей, взрывать и явно не понимал, что с ним происходит. Он был стар. Он хотел жить, он и приполз, чтобы жить — сюда, где растения-карлики, подступившие к осыпи, вырастают гигантами, а гиганты бессильно стелются по земле, он тащил свое тело прочь от пограничных постов, унося неразорвавшуюся противотанковую ракету, ушедшую в бок по самое сопло. Пожалуй, он еще мог бы спастись, повернув назад, но Симо знал, что глипт не повернет. Не догадается, тупорылый, не сообразит костным мозгом — а другого у него нет — и потому обречен стать частью Процесса, сырьем Процесса, углем в разгоревшейся топке. Третий — молодец, не подвел, зверь что надо. Большой, конечно, но ведь здоровый к радиоактивному горизонту не ползет. Вылечат его здесь, сей момент... Не зацепили бы ракету, вот что. Все-таки уму непостижимо, какая медленная тупость, какая косная животная сила толкает Процесс, выбрала Природа тех, кого не жалко. И ложнокрылы тоже тупы на редкость, летающие бронебойные тараны, что с них возьмешь — сыты они, видите ли, жрать не хотят. Чернов уже устал стоять, уже глядит понимающе, готовый принять извинения, — ничего, мол, в другой раз... "Ну давайте же! — мысленно взмолился Симо. — Ну, вниз, вниз... Все вместе! Хорошенько его!..."

Есть! Незабываемое зрелище, когда пикирует вся стая — словно россыпь управляемых бомб. Бивни вниз, отброшенные за ненадобностью крылья — кружащиеся лепестки, подхваченные ветром. Новые отрастут уже на земле, в считанные секунды. Ложнокрылы развивают в падении невероятную скорость; забавно смотреть, как они перестраиваются в воздухе, стараясь не помешать друг другу... Тук!

Тук-тук! Тук-тук-тук-тук!.. Звук пулеметной очереди. Крррр... Так его!

Спина глипта лопнула в десяти местах разом. Брызнули фонтанчики синеватой жидкости. Глипт замычал, долго, мучительно... Он еще боролся, еще дышал... все слабее, слабее...

— Хм, — сказал Чернов. — Ты мне хотел показать именно это?

— И это тоже. Но самое интересное будет потом, когда съедят. Они быстро.

— А мы для них случайно не съедобны? — попробовал пошутить Чернов. На агонизирующего глипта он старался не смотреть.

— Ты натурализован? — спросил Симо.

— Дурацкий вопрос, извини. Да, конечно.

— Значит, съедобен. Но ты не беспокойся, нас они не тронут.

Глипт содрогнулся в последний раз и упал на брюхо. Сверху на него уже вгрызлись, когтистые лапы выдирали прочь обломки спинных щитков.

— А почему, собственно, они нас не тронут?

— Глупые...

Маленький ложнокрыл с обломанным бивнем прыгал возле самых ног, видимо, не решаясь приблизиться к туше. Квохтал что-то.

— Иди, иди, дурачок, — ласково сказал Симо, — туда иди, там всем хватит... Старый знакомый, — объяснил он Чернову. — Вздумал однажды спикировать на вездеход, сломал бивень. Он теперь пария, Джулия его подкармливает.

— Может быть, ты его отгонишь? — сказал Чернов. — Дрянь какая...

— Сам ты дрянь, — весело фыркнул Симо. — Гидролух ты, Борька, а не гидролог, красоты не понимаешь. Ладно, ладно, отгони, отгони, не мучься... Пшел! Пшел, дурачок! Фьюты!..

Ложнокрыл запрыгал прочь — у туши глипта зачем-то сбросил крылья и мелко-мелко затряс головой — явно канючил. Глипт уже не был глиптом. Он был сочащейся пищей, огромным мясным складом, отданным на разграбление, вскипающей муравьиной кучей, потревоженной упавшей веточкой. Куча заметно оседала.

— Жрут, — сказал Чернов и прищелкнул пальцами. — Ты прав, на пленке это выглядит не столь гомерически. Но я думал, они умеют быстрее.

— Торопись? — спросил Симо.

Чернов промолчал. Только переступил с ноги на ногу.

— Значит, торопись...

Глипт исчез. Последним взлетел ложнокрыл с обломанным бивнем, тяжело покружился в небе, опробуя новые крылья, и наконец угнездился. На него квакнули, и он попытался к краю скалы. И почти сразу же из сельвы вышли вариадонты.

— Конвой, — объяснил Симо. Он всматривался, угадывая. Так... Четвертый, Первый и, естественно, Восьмой. А вон тот, кажется, Пятый. Свита более чем пышная — в честь Чернова. Но Третьего почему-то нет. Интересно, где Третий?

— Ну вот, смотри, как это бывает...

Останки глипта неторопливо шевелились. Удивительно мало оставляют после себя ложнокрылы: щитки панциря, кости, часть системы выделения и еще одно... Знать бы: зачем глипту этот орган? Туман. Мертвый зверь ничего не дал, а с живым глиптом в лаборатории не поэкспериментируешь,

скорее он сам поэкспериментирует с лабораторией. Пока что по умозрительным построениям получается, что речь идет о древнем рудименте со странными свойствами, вроде способности к самостоятельному передвижению. Гм... когда не знают, как вписать работу непонятого органа в расхожие представления о метаболизме, обыкновенно списывают на рудиментарность. Одно ясно: не мозг. "Суборганнизм икс"... Джулии это название почему-то не нравится, а Ахмет и вовсе позволил себе охарактеризовать уровень фантазии, доступный начальнику биостанции. Вольфганг, правда, промолчал. Он молодец.

Черный блестящий комок размером с голову человека, ритмично сокращаясь, полз точно к Восьмому. Пока все шло как обычно, Симо видел эту картину двадцать раз воочию и сотни — в записи. Теперь, притемнив забрало скафандра, он исподволь наблюдал за Черновым. Ничего... Ну, то есть, совсем ничего, никакой реакции. Можно подумать, что Чернову неинтересно. Стоит себе человек, смотрит на Процесс как на пустое место, как на осточертевший пейзаж в окне, но пейзажа не видит, а мучительно размышляет: куда же он, черт побери, подевал свои тапочки... А может быть, хоть на Чернова и не похоже, просто вспоминает последний толчок, содрогается внутренне, что вполне естественно, и думает о том, как бы поделикатнее унести отсюда ноги. Обидно.

Восьмой двинулся навстречу комку. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, как два притягиваемых друг к другу магнита, и наконец последний стремительный рывок... Чмок! Удивительно сочный звук соприкосновения. Черного комка не стало, и Восьмой замер. Теперь он стал немножко больше.

— Это — все? — спросил Чернов.

— Все, — разочарованно ответил Симо. — Прирос. Это шестнадцатый по счету, а всего нужно девятнадцать. Теперь он поползет на осыпь и будет часа два заряжаться, да и остальные тоже, так что мы можем идти. Когда они едят, с ними без толку разговаривать — не ответят. Или, может быть, пождем?

— Ну-у... — с сомнением протянул Чернов, — вряд ли это интересно. И потом, я читал твои отчеты. Ты мне вот что скажи: ты всерьез полагаешь, что они разумны?

Ну вот, мрачно подумал Муттик. Опять начинаешь, в который уже раз. И кто — Борька Чернов!

— Ты же читал мои отчеты...

— Мало ли, что я читал.

— Они немножко больше, чем разумны, — сказал Симо, сдерживаясь. — Они мудры. Мудры, как дети, если это не смешно звучит. В сущности, они и есть дети. Редкие, гениальные дети, феноменальные младенцы. Ты видел рождение, поздравляю.

— Это не похоже на рождение, — сказал Чернов. — Это похоже на басню с моралью. Чтобы стать мудрым, необходимо чтобы тебя съели. И даже не один раз. Так?

Пришлось улыбнуться:

— Ну... примерно.

— Спасибо, что показал. В последний раз ведь Симо похолодел.

— В последний, в последний, — кивнул Чернов. — Станцию будем эвакуировать. Ну что, двинуться?

Двинулись. Красный столбик на индикаторе радиоактивности потихоньку пополз вниз. Одиночные камни, вывернувшиеся из-под ног, неторопливо скатывались по осыпи. Симо плелся сзади, стараясь не смотреть на мелькающую перед глазами начищенную оскандренную спину — зря старался Ахмет. Зря молчал как убитый, терпел и только кивал, поддакивая, зря старалась Джулия, зря Вольфганг тяжеловесно пытался услужить. Все впустую, болотному гаду под панцирный хвост. Не тот Чернов, совсем не тот, что лез в пекло на Юнии, и даже не тот, каким был на Капле. Начальство. Молодое, еще горячее начальство, не без спеси, любит принимать решения даже там, где это не обязательно. Попирает землю, человеке. К тому же спасатель по натуре: на Капле спас и теперь тоже тштится, а когда спасаемый упирается и намерен утонуть, его глушат кулаком по темени и выволакивают на берег за волосы, это всем известно. Веди себя смиренно, выполняй что приказано, сам не тони, пока не топят, и не вовлекай подчиненных. Уяснил?

Нет.

Ну, тогда заставим...

Капля, Капля... Симо на ходу помотал головой, отгоняя видение. Стойкий сюжет ночных кошмаров: разбегаемый тонущий плот, жгучие брызги, слетающие с таранящих волн, плевки едкой пены, и горизонт горит — что там может гореть?! — а вокруг только океан, зеленые воды, наполненные жизнью до самого центра планеты, и где-то там, уверенно и неотвратно, наматывая на винты чужую жизнь, идет к цели ядерная торпеда, наделенная искусственным интеллектом... Симо еще поморгал, и видение пропало.

— Зря ты меня тогда вытащил, вот что.

— А? — Чернов обернулся. Симо догнал, пошел рядом.

— Борька, — хрипло попросил он. — Давай так: ты меня не видел, а? Не нашел, не долетел, не передал. Гукнулся в сельву, застрял, пришлось вернуться. Годится?

Чернов натянуто улыбнулся. Покачал головой.

— Раньше надо было думать, Симка. Теперь поздно. Не сегодня завтра здесь будет полно северян. Это их территория.

— Нет, — сказал Симо. — Это не их территория. Это вон чья территория, — он показал через плечо. — Только их и ни чья иная. Это единственное место на планете, где возможен Процесс, и ты это понимаешь не хуже меня. Где ты еще видел превращение неразумного в разумное? Вот и не увидишь нигде через несколько дней, голову даю на отсечение...

— Это почему не увижу? — спросил Чернов.

— Убьют их, вот почему! — не выдержал Симо.

— Ну-ну. Вот так сразу и убьют... — Чернов поморщился. — А зачем их, собственно говоря, кому-то убивать? Чепуха. Пошлем от Академии официальное обращение к правительству Редута. В связи с исключительной научной ценностью... ну и так далее. Я добыюсь. Слово.

— Подотрутся они твоим обращением, — сказал Симо. — Каплю забыл?

— Ну, Капля — это аномалия. Когда начинают делить жидкую планету...

— Когда начинают делить твердую, бывает то же самое. А мы тут... "В связи с исключительной

научной ценностью..." — Симо фыркнул. — Мне вообще последнее время кажется, что в Академии разучились думать. Никак не могут понять, что вариадонты ценны сами по себе, а вовсе не потому, что мы ими интересуемся. Да не очень-то и интересуемся, право слово.

Чернов поднял бровь, молчал. Симо отвернулся, скрывая злость. Надо же, как смотрит, ждет, что подчиненный сам поймет неуместность своих слов... Не дождется.

— Академия занимается вопросами комплексного освоения планеты, — заговорил наконец Чернов. — Освоения, заметь, это существенный момент. А не наоборот. Ты что намерен предложить, только без соплей, — заповедник?

Симо махнул рукой:

— Не мечтаю. Тут Редут устроит заповедник... Но хотя бы... Борька, я прошу тебя, ты же можешь... Сохрани мне станцию, больше мне ничего не надо, только станцию...

— Вот эту? — показал Чернов. Развалины вагончика были уже видны вполне отчетливо. В развалинах копошились три крошечные фигурки, издали было не разобрать, где кто. Пытались что-то спасти.

— Станция — это не вагончики, — возразил Симо. — Станция — это люди. Люди, делающие свое дело и готовые делать его впредь. Нормальные люди.

— Вот-вот, — сказал Чернов. — Значит, ты, сам нормальный, хочешь рискнуть своими нормальными для того, чтобы уберечь этих твоих... как их...

— Вариадонтов.

— Вот именно, вариадонтов. Прикрыть, значит, телом, причем не только своим... молодец! Да ты хотя бы представляешь себе, что здесь будет твориться в тот момент, когда тоннель выйдет наружу?

— Нет, — зло сказал Симо. — Не представляю. А что здесь будет твориться?

— Сдохнешь, идиот! Если тебе на себя наплевать, то мне нет. И ставить Академию, да что там — всю Межзону в дурацкое положение я тебе не позволю. И мне не позволят. Понял?

— Значит, нет? — спросил Симо. — Значит, никакой надежды?

— Ее и не было, — сказал Чернов. — Я тебя, кажется, не обнадеживал.

Верно. Симо почувствовал себя опустошенным. Не обнадеживал. Сейчас придем, Чернов скомандует собираться, все будут смотреть на меня, а я не буду знать, что сказать. А Чернов скажет: "Мы сюда еще вернемся", и все поймут, что это ложь и что мы не вернемся сюда никогда. Почему же он ничего не понял, Чернов? Ведь понял же тот пилот, а уж на что, кажется, заурядный малый... Может быть, Чернов испугался? Может быть, дошел своим умом, какие для кого-то откроются возможности, если гипотеза верна и восемь вариадонтов, как только будет готов Восьмой, сольются в единый сверхорганизм-супермозг? Ужаснулся, замахал руками: не хочу, мол, не надо... А может быть, просто дорожит своим местом — чем же еще и дорожить, когда жизнь привычно вне опасности? Нормальный человек, налицо нормальная логика...

— Ну вот что, Борька, — Симо прибавил шагу, оглянувшись через плечо, — имей в виду: я отсюда никуда не лечу. Никуда, ты меня понял?

Томмазо Матрелли. Александр Шабан. Юзеф Рыкульский. Рэндолф Дитц. Нуньес механически помассировал шею, страхнул с ладони капли пота. Кто-то из них, из этой четверки... Кто? Все четверо пилоты класса "ультра-плюс", рассматривать иные уровни не имеет смысла, и все четверо в июне девяносто первого находились в Редуте. Кто же? Так... первого и четвертого можно отбросить: нет побочных специальностей, пилоты как пилоты, не более. Гм... Матрелли — дипломированный инструктор по прыжкам с планирующей доской... Ну, пусть себе прыгает. Не то.

Нуньес отложил два листка на край стола, взял два оставшихся. Его не покидало предчувствие удачи. Рыкульский и Шабан, теперь один из двоих. Кто?

Юзеф Рыкульский, двадцати девяти лет. Так. Очень подходящий возраст: рефлексy еще не приуплены, мышление конкретное. Прекрасные аттестации. Долгосрочный контракт с Редутом. Ладно. Что еще? Ага, образование: Северо-Западный Центр земных ВС, одиннадцатый в выпуске 88 года. До этого: Технологический колледж в Ванкувере, полный курс. Неплохо... На этом можно было бы построить немало предположений, если бы не одно обстоятельство: пилот Юзеф Рыкульский прибыл в Редут 2 июня 91 года Лиги, за 6 дней до полета флайдарта-нарушителя... Нуньес наморщил лоб. Нет, чепуха, не получается по времени, за такой срок сколько-нибудь серьезно подготовить акцию невозможно. Или, лучше сказать, сомнительно. Как-то удивительно несерьезно это выглядит: поручить сверхсложный полет малознакомому новичку, заведомо плохо знающему местные условия... Нет, не то.

Третий листок лег поверх первых двух. Осталась последняя кандидатура: Александр Шабан, тридцати трех лет, в Редуте с сентября 93 года, трехгодичный контракт. И значит, он еще здесь, на Прокне, и еще долго будет здесь, знаем мы эти трехгодичные... Нуньес усмехнулся. А вот самое удивительное: о пилоте Шабане в контракте ни единого слова, оговоренная работа — геологоразведка. Это как понимать? Редут послал в Межзону липовую копию? Вряд ли, причины не усматриваются. Гм... Ладно, еще раз... Так. Кадетская школа с младых ногтей, затем опять-таки Северо-Западный Центр, четвертый в выпуске 83 года... Ого! Пилот "ультра-плюс", без натяжки. Так. Служба... Вот оно: авария, разлом центроплана пилотируемой машины. Что ж, бывает... Результаты церебрального анализа: страдает синдромом Клоцци в скрытой форме, к несению службы непригоден. Отставка — 86 год. Гм, Клоцци, Клоцци... Ага, есть сноска: "Синдром К. — стойкое психическое состояние, при к-м больной не в состоянии на сколько-нибудь длительный срок подавить мыслительный процесс. Неизлечим. Для Прокна-натурализованных временный эффект дает применение психотропных препаратов группы СТ-гамма..."

Нуньес сочувственно кивнул. Понятно, отчего флайдарт развалился в воздухе: он же с цереброуправлением. На карьере пилота с синдромом Клоцци можно ставить жирный крест. Так, а чем этот клоццанутый занимался после отставки? Гм... пробы. Неопределенный род занятий — по 87 год.

Далее: Скандинавия, Берген. Курс петрографии с упором на разведку редких и рассеянных элементов... Очень хорошо. Участие в экспедициях: Антарктический горст, кратер Тихо... Просто замечательно. Контракт с северянами через их представительство на Земле. В Редуте: краткосрочные курсы разведчиков и (предположительно) начальная ступень школы выживания. Прекрасно.

Нуньес встал, заходил по комнате. Теперь он знал ответ. Ай да северяне! Два года темнить и отмазываться, скрывать то, что, казалось бы, скрыть невозможно... Понятно, зачем им понадобился пилот со специальностью геологоразведчика, и понятно, почему они не воспользовались официальным каналом — через Межзону. Конечно, не велика премудрость геологическая съемка, можно подучить любого, но специалист все же предпочтительнее, пусть даже накормленный психотропной дрянью. С толчками тоже все ясно: направленные ядерные минизаряды, ускоренный метод. А не маленькое, видно, месторождение на этой стороне, повезло Редуту... Впрочем, Редуту ли еще?

Заверещал распылитель, принимая в утробу четыре листка. Информация, конечно, открытая, хотя и не подлежащая, иной от Пикара не получишь, но все-таки... Нуньес ткнул пальцем в клавишу:

— Кхм... Дежурный, есть что-нибудь новое?

— Да, господин полковник. Вакцину привезли, сейчас начинаем.

Нуньес прокашлялся. Сплюнул в платок.

— Вакцинацию отставить... э-э... до особого распоряжения. На завтра десять ноль-ноль назначаю учение по отражению массированного воздушного нападения со стороны вероятного противника. Буду присутствовать лично. Передайте Нильсену, пусть приведет в порядок имитатор. И чтобы никаких регламентных работ, вы меня поняли? Никаких.

— Будет исполнено, господин полковник. Еще что-нибудь?

На этот раз "еще что-нибудь" Нуньес пропустил мимо ушей.

— Дежурный... — он помолчал. — Что вы думаете насчет этих... толчков?

— Северяне долбят тоннель, господин полковник. Это все знают.

— Откуда?

Неопределенное мычание — на другом конце провода дежурный прикусил язык. Нуньес дал отбой, хмыкнул. Век живи, век учишься... а толку? Во всяком случае уже ясно, какого тона придерживаться в отчете. Закончить и отправить непременно сегодня: когда начнутся боевые действия, будет поздно. Границе конец. Какой бы крен ни приняли события, границы здесь уже не будет. Как это поется: "Вперед, линейная пехота, вперед сквозь огонь..." Господи, с чем же там рифмуется "огнь"? Надо же, забыл. Ну и ладно... Нуньес почувствовал прилив сил, захотелось расправить плечи. Рано в отставку, рано. Конечно, о линейной пехоте пора забыть, но и на оперативно-штабной работе потребуются офицеры с опытом службы в местных условиях...

А почему бы, собственно, и нет?

С борта грузовой платформы Симо наблюдал за погрузкой. Грузить было особенно нечего. Низко

над сельвой, крутятся, шла вихревая туча, похожая на спиральную галактику с четырьмя ветвями. Мини-гайфунчик, сигнальная ракета перед хорошей атаккой.

— Скорее, вы, там! Ливень идет.

Вольфганг, красный от натуги, протолкнул в грузовой люк холодильник с образцами флоры.

— Готово.

— А скафандры? — спросил Симо. — Скафандры взял?

— Так мы же вернемся...

Верно... Симо кисло улыбнулся, кивнул. Конечно, вернемся... завтра. Ну, послезавтра. Что я им буду послезавтра врать, подумал он в отчаянии. Что? Прибегут — растерянные, обманутые... И самым ужасным, отчего захочется закрыть лицо, будет уверенность ребят в том, что я точно так же был обманут; они не позволят себе думать иначе, даже Ахмет. Блажен, кто верует. Чернов тоже верует в то, что сделает все возможное для того, чтобы двое-трое из нас вернулись из Межзоны со статусом наблюдателя и, господи, как же мне хочется в это поверить... этим он всех и купил. Но мы не вернемся. Чернов дал себя уговорить, уже сейчас, должно быть, прикидывает, какие пружины нажать, с кем переговорить в первую очередь, с кем во вторую и какие выбрать слова, — он действительно сделает все возможное. Но когда явно, голо, грубо встанет вопрос, кого ему спасать: вонючих вариандонтов или старого, хотя и заблуждающегося, друга, можно не сомневаться, кого он выберет... И мы не вернемся.

— Там опять Третий... — сказал Вольфганг. — Стоит и ждет вас.

— А сам что же? — Симо постарался не встретиться с Вольфгангом взглядом.

— Он не хочет говорить со мной. Он хочет говорить с вами.

Из бокового люка высунулся Ахмет. Прислушивался с интересом.

— Скажи ему... — по лицу Симо прошла судорога. Он ощутил неожиданную злость: какого черта... Мало для них сделали? — Скажи ему, что меня нет дома, что ли...

Взлететь успели до ливня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лысый. Противно смотреть. Такой лысый, что выть хочется, и мало радости, что не уникален. Сзади еще кое-что есть, жаль, под шлемом не видно, но спереди лыс, как глобус. Нет, если набычиться и наклонить голову, то можно разглядеть, что и на темечке не совсем гладко, осталось еще, хоть и прорежено. Можно даже поднатужиться и вообразить, что обзавелся всего-то благородными залысынами, но поди попробуй заставить поднатужиться окружающих — всем видно, что не залысины вовсе, а натуральная плешь. Противно. Пора бы уже привыкнуть, но все равно — противно. И за что? Дурацкий вопрос, между прочим. Значит, так надо, так уж получилось, а ты терпи и не комплексуй. Работа у тебя есть и не ври, что неинтересная, был устроен, Лиза у тебя есть, чего же больше? Будто Лизе не все равно...

Шабан сидел на уступе торчащей из снега остроконечной глыбы, с наслаждением вытянув гудящие от долгого подъема ноги, и смотрелся в нару-

кавное зеркальце, потому что больше делать было нечего. Пока поднимались, прояснилось, низовой ветер отогнал облако в долину и теперь стали отчетливо видны изломанные пики хребта Турковско-го, забытые снегом ущелья, белые шапки далеких вершин и крутые, не удерживающие снега склоны.

— Как думаете, на какой мы высоте? — спросил Роджер.

— Тысячи четыре, — лениво ответил Шабан. — Может быть, четыре сто — сто пятьдесят. Не больше. Для такой высоты очень хорошая видимость. Обычно здесь всегда туман.

— Вершины какие-то нереальные, — сообщил Роджер. — Как в мультфильме. И не приблизились совсем. То же самое, что и с равнины.

Шабан хмыкнул. В их работе Роджер был новичком и к горам относился с восторженной обидой. Все хорошо, и все плохо. Устал, зато вокруг красиво. Красиво, но снег пошел. Заблудились, зато уронили в снег и потеряли спасательный буй и запасную батарею к геолокатору — пять килограммов с плеч долой! Кнут и пряник. Теперь вот видны все восемь главных вершин, зато опять издалека, — у Роджера в голосе комбинация восторга и обиды.

— Предположим, нам будут сбрасывать еду и батареи — за сколько дней мы дойдем до гребня?

Шабан поковырял ногой снег, раздумывая: отвечать — не отвечать? Вопрос был дурацким даже для новичка.

— Ни за сколько. Если даже не убьемся на стенах, то просто замерзнем.

— В хитинах?

— Там не поможет. Один дождь тысячах на шести — и часа не протянем.

Было видно, как за стеклом шлема Роджер обиженно заморгал. Справа вставал мало заснеженный Срединный гребень, выставив над собой, словно зубы, острые, пятнадцатикилометровой высоты пики. Где-то еще правее, отсюда не видно, должен быть тот перевал, который он, Шабан, одолел два года назад, — не пешком, конечно. Пешком никому не одолеть.

Он пошевелился, проверяя, не примерз ли хитин к камню. Нет, не примерз. В ногах, полузакопаный в снег, работал геолокатор, отмечая писком повороты луча. Сколько еще? Пожалуй, минуты две-три. Пора, засиделись. И ветер подымается. С чего бы? Ага, значит, с долины пойдет верховой поток, погонит облако обратно.

— Я еще хотел спросить, — сказал Роджер. — Правда, что по ту сторону можно дышать без фильтра?

— Врут.

— Говорят еще, что убегунов там нет.

— Помолчал бы лучше, а? Дай отдохнуть. Нету там убегунов, — с раздражением сказал Шабан. — И не топчись, пока локатор работает.

— Так ведь снег, снег-то амортизирует, — возразил Роджер, но топтаться перестал. Стоял, молча смотрел на Шабана. А Шабан, злясь, подумал, что при всех своих несомненных достоинствах Роджер бывает труднопереносим: вечный вид по форме "чего изволите", нескончаемые вопросы типа тех, что задают — и совершенно напрасно — учителям на переменах примерные ученики, — не для того, чтобы что-то выведать, а просто чтобы понравиться, — и неистребимое, на лице написанное желание иметь наставника, такого как Шабан, а ему, Шабану

ну, менторский вид уже ох как надоел. Вот если бы остался Менигон...

Запишал в снегу локатор, вытолкнул из себя пластиковый листок. Шабан перехватил вопросительный взгляд Роджера.

— Давай, давай сам, — сказал он. — Посмотрим, чему тебя учили.

Роджер долго разглядывал картинку.

— Ну?

— Значит, так, — неуверенно сказал Роджер. — Значит, разрез по азимуту сорок четыре и пять, шириной раскрыва девять градусов. Осадочные и метаморфические породы. На глубине два семьсот — три... три двести — пегматит. Жилы мелкие, интереса для разработки не представляют. Потом гранит и... и...

— Все? — спросил Шабан.

— Вот тут, с краю, выгиб. Возможно, недалеко закрытый магматический очажок. Небольшой.

— Так, — сказал Шабан, разглядывая разрез.

— А что прямо под нами?

— Осадочные породы. Доломит, а вот тут, кажется, известняк.

— Правильно. А это что за жила?

— Не знаю, — надулся Роджер. — Глубоко, нечетко получилось.

— Это ринколит. Жилка идет по старому разлому из радиоактивного горизонта. Сплошные редкие земли. Но, в общем, ты прав, разрабатывать ее никто не станет. Все. Собирай вещи, возвращаемся.

Заелись, подумал Шабан, засовывая пластик в карман — для архива. На Земле открытие такой жилы считалось бы событием, за право разработки боролась бы умно и жестоко, даром что мир и консолидация, и не дай бог, если бы ее открыли где-нибудь в приграничной полосе. А парень-то ничего, разбирается. Научится обходиться без няньки — будет разведчиком. Не будет, вдруг подумал Шабан. Теперь уже не будет. Тоннель не даст. Год назад еще мог бы, а теперь нет, поздно.

— Шевелись, шевелись живее...

Роджер споткнулся обо что-то круглое, поддел ногой.

— Смотрите! Череп.

Шабан нехотя повернул голову. Череп лежал на боку и совсем не тарашил пустые глазницы, потому что был забит снегом. Очень спокойный, мирный череп.

— А вы еще говорили, что мы первые в этом ущелье, — с обидой сказал Роджер. — Здесь уже были люди, сами видите... Один даже помер.

— Это не человек помер, — терпеливо объяснил Шабан. — Это убегун помер. Видишь гребневое кольцо ниже затылка? Тупиковая ветвь.

— А-а... Я возьму на память, можно?

— Еще чего...

Снежная крупка, поднятая порывом ветра, пробабанила по стеклу шлема. Роджер бросил упаковывать локатор и поднялся, отряхиваясь.

— Ты готов? — спросил Шабан.

— Нет еще, — Роджер всматривался в ледник, замыкающий верхний конец ущелья. — Не пойму, откуда взялся ветер. Только что его не было.

Шабан, кряхтя, встал, силой повернул его лицом к долине.

— Не туда смотришь. Смотри на облако, запоминай, как это бывает.

Пухло разрастаясь, облако ползло вверх по скло-

ну долины, обволакивая белым скальные стены, затопляя боковые ущелья, словно кашей, рыхлыми клубами тумана. Темная подошва тучи неспешно текла совсем низко над склоном, слоистая облачная верхушка вытягивала вперед короткие языки. Снежные шапки на далеких вершинах потускнели. Бесшумно и как-то неожиданно верхняя часть облака начала быстро подниматься, выбрасывая белый купол выше скальных стен, пока на спине тучи не вырос гигантский клубящийся гриб, и новое облако, втянув в себя ножку гриба, поплыло, быстро обгоняя ползущую внизу тяжелую тучу.

Шабан выдернул наконец из локатора примерзший разъем питания. Работая руками, выкопал из снега, убрал в заплечный контейнер увесистую батарею. Поднявшись с корточек, посмотрел вниз, туда, где вползала в ущелье рыхлая серая масса.

— Ага, — сказал он. — Уже разделилось. Иногда это бывает очень красиво, но все же лучше держаться от этого подальше. Твой "ишак" еще дышит?

— Так серьезно? — удивился Роджер. Сберегая батареи, "ишаками" пользовались редко. — А что будет?

— Все по очереди. Облако разделилось на две фракции: водяную и аммиачную. Та, что наверху — аммиачная. Она идет быстрее — там, наверху, сильнее ветер — и через полчаса будет здесь. Тогда пойдет аммиачный дождь, потом дождь с мелким твердым снегом, потом один снег, уже обыкновенный. Хорошо бы все это увидеть уже из вездехода. Ты готов? Тогда пошли.

На ходу, отодвинув пластинку на рукаве, он включил "ишака". "Я здесь. Я помогу", — шепнуло в шлеме и идти сразу стало легко: "ишак", улавливая малейшие движения мышц, ловко задвигал скрытой арматурой хитина. Включить его можно было и голосом, произнеся кодовое слово, — на случай если покалечишься или обморозишь руки и не сможешь дотянуться до заветной пластинки. Шабан знал, что Хромец Гийом, к примеру, одолел со сломанной ступней весь кошмарный спуск с гребня Чертовой Пилы и ему повезло: слабенький сигнал о помощи был случайно принят патрульным вертолетом, когда батарея "ишака" уже исчерпала себя полностью. Бывало, "ишак" подсказывал наиболее выгодный в данной ситуации режим движения, следил за самочувствием хозяина, служил справочником и переводчиком, держа в памяти до тридцати языков. Вариант для Прокны имел к тому же одностороннюю приставку-преобразователь "мика-речь" для общения с убегунами. В целом, достаточный набор удобств для землеподобных планет, если, конечно, не забираться в горы. Потом как-то вдруг заговорили об успешных испытаниях высокогорного сервоскафандра, и что месяцев через пять-шесть... Вот-вот, подумал Шабан. Как раз тогда-то он уже никому не будет нужен. И вообще горная разведка прекратится на несколько лет, как минимум. Может быть, сегодняшний выход для нас последний, а там месяц-другой — и улечу на Землю, стану экспертом... как Менигон. Буду работать в чистом кабинете, давить подчиненных авторитетом первопроходца... И ладно.

Они обошли торчащую из снега скалу, похожую на каменный клык, пораженный кариесом. В "дупло" набилось ледяное крошево. Вокруг клыка снег был глубок и рыхл, следы замело, и пришлось идти

медленно, высоко, по-журавлиному поднимая ноги, иначе, если грести ботами снег, "ишак" этого не поймет и спровоцирует падение. А время дорого. Выйдя на твердое место, пошли быстрее, и Шабан порадовался тому, что на подъеме сохранил батарею свежей. Терпел сам и парня заставил, и теперь уже ничего не случится.

Он поднял глаза и присвистнул: облако было уже почти над ними. Теперь оно было охвачено бурным движением, словно кто-то наверху помешивал пену, как при большой стирке. Адская кухня. Казалось, туча опускается прямо на них, как осминог на краба, уверенный в том, что жертва не уйдет. Опоздаем, прикинул Шабан. Но чуть-чуть, не так уж и страшно. А парню будет только полезно.

Сзади топал Роджер, совсем близко. "Пятки отдавишь!" — буркнул Шабан через плечо.

— Так это не я, — возразил Роджер. — Это "ишак" старается, а у меня просто шаг шире, потому что я выше, — я виноват, что у меня шаг шире?

Вездеход был уже виден, когда вдруг пронесся и стих ветер и первые капли чистого аммиака зачмокали по лежалому снегу, с шипением вскипели на шлемах. Роджер, споткнувшись, остановился, недоуменно завертел головой. Вот теперь пора, решил Шабан. Он знал, что сейчас будет.

— Бросай локатор! — юркнул он. — Бежим!

Локатор шлепнулся в снег рядом с брошенной батареей.

— Говорят, в Межзоне есть перевалы всего в семь тысяч высотой, — уже на бегу крикнул Роджер.

— Чушь говорят, — и Шабан побежал в полную силу.

Туча, не разродившись молнией, громынула вхолостую, и сейчас же в землю, в снег, в скалы ударили мощные, хлесткие струи. Под ливнем, окутанные шипящими клубами пара, прыгали через снежные бугры, бежали к вездеходу две человеческие фигуры.

— Райский уют, — сказал Роджер, когда люк вездехода отделил их от ливня и система обеззараживания, прокачав через себя воздух, позволила снять шлемы. — В сущности, много ли человеку надо? Да, а как там локатор, под дождем не испортится?

— Ничего ему не будет, — сказал Шабан, ставившая хитин через голову. — Потом подберем. Отдыхай пока и помолчи, если умеешь. Лучше всего ложись.

Он устроился на передних сиденьях, затолкнув ноги под рулевую колонку. Позади зашипело: Роджер поливал свои сиденья пенящейся струей из флакона. Рыхлая пузырящаяся масса вспучивалась, невероятно увеличиваясь в объеме, попыталась было сползти на пол, но Роджер, подхватив убегающую пену рукой в перчатке, вернул ее на место. Через минуту, попробовав пальцем постель, он издал громкий торжествующий вздох и рухнул спиной в мягкую снежно-белую перину.

— Здорово, — с завистью сказал Шабан. — Новинка?

— Старье. Но мне говорили, что на Прокне этого не достать.

— Еще бы. Такого здесь и в глаза не видели.

— Если хотите, могу уступить пару флаконов, — охотно отозвался Роджер. — Это недорого.

— Ладно, — сказал Шабан. — Подумаю.

Лежать было блаженством. В теле ходили сладкие токи, будто сок в молодом дереве. Шабан любил такие минуты. Он наслаждался, созерцательно ощущая, как согревается кожа и растворяется в блаженстве усталость, а тело, лишенное хитиновой удавки, вот-вот готово взлететь, не то что у Роджера, который утонул в своей перине, как начинка в пироге, и воображает, что отдыхает.

Оба почувствовали толчок снизу, вездеход заметно дернулся. Снаружи донесся ухающий грохот: должно быть, невдалеке сходила лавина.

— Вот-вот, — сказал Шабан. — Вот всегда так. Если перекроет дорогу, нам отсюда до ночи не выбраться.

— Землетрясение или взрыв? — Роджер даже привстал.

— Очередной взрыв в тоннеле. Пожалуй, километрах в девяноста — ста отсюда. Естественно, без оповещения. На Прокне всегда так, а в Редуте в особенности: сначала сделают, потом, может быть, предупредят.

— Это как же, — загорячился Роджер. — Ведь там должны были знать, что мы-то здесь!

— Должны, — лениво ответил Шабан. — Но, во-первых, нам уже давно пора быть на равнине, во-вторых, расстояние все же большое: видишь, сошла только одна лавина. В-третьих, кто мы с тобой такие?

— Ну и ну, — сказал Роджер. — По-моему, хамство.

— Нет, — возразил Шабан. — Стиль работы.

Улыбаясь, он проследил смену выражений на лице напарника, всю последовательность: от недоумения до обиды на всех и вся. Новичок... Ну-ну, мальчуган, ерунда все это, забудь, много тебе еще разной ерунды встретится, успевай только отмахиваться. А пока что ж, лавина-то, кажется, упала выше нас по ущелью, может быть, на том самом месте, где нас застал дождь, — радуйся, парень, своей удаче, радуйся тому, что впереди у тебя больше, чем у меня, а еще тому, что ох как многого ты еще не понимаешь. А понять бы главное: за что мы, люди, так безжалостно терзаем несчастную обитаемую планету, словно завтра ее у нас отберут, как отбирают в наказание игрушку у провинившегося ребенка? Вселенский абордаж, говорил Менигон. Накинулись: лежит — бери. Глубоко лежит — копай, а еще лучше заставь копать кого-нибудь другого и опять-таки бери, пока еще есть. А ведь есть еще, за три Нашествия не вычерпан даже верхний слой, разведка из года в год устойчиво приносит избыточные результаты. Нужно ли? Премияльные убеждают, что нужно. Поздняков говорит, что это наш долг... соберет у себя разведчиков и говорит... Наш долг — служить Редуту и, в конечном счете, всему человечеству... зачем воротите морду, вы, там! Слушайте. Он прав. Приятно чувствовать себя человеком, выполняющим свой долг, это поднимает в собственных глазах, если не в глазах окружающих. Попробуйте опровергнуть. За голые премиальные не полезешь туда, где можно свернуть себе шею и не будешь результатов, а значит, какой же ты к дьяволу разведчик? И жаль людей, которые перестали понимать, в чем состоит их долг. Себя, например, жаль...

Было слышно, как Роджер ворочается, устраиваясь поудобнее. "Рано, — подумал Шабан. — Вот сейчас и начнется..." Он почувствовал легкий озноб, неприятная волна прошла в глубине тела и растеклась по коже мелкими мурашками. Морщась, он сел, достал из багажной ниши два спальных мешка, один оставил себе, другой перебрал через спинку сиденья на голову Роджеру. Потом подумал, вытащил теплый свитер и кинул туда же.

— Это зачем? — спросил Роджер, сгребая вещи. — Жарко же.

— Скоро тебе не будет жарко, — сказал Шабан. — Зато запомнишь, что такое аммиачный дождь. Устраивайся там у себя, главное — потеплее.

Он потянулся застегнуть свой спальный мешок, и тут его самого начало бить крупной судорожной дрожью.

— В-в-в...в-в-в... — сказал из своего мешка Роджер.

Спальник позволил свернуться калачиком. У Менигона с его ростом это никогда не получалось, вспомнил сквозь дрожь Шабан. Он был немного фаталистом, этот Менигон. Считал озноб законной компенсацией за первые минуты наслаждения теплом и покоем. Ничего, скоро пройдет. Может быть, это вообще в последний раз: со дня на день тоннель должен выйти по ту сторону хребта, и тогда вся разведка будет там, в тепле и солнечном свете. Потом там начнут рубить шахты... нет, об этом лучше не думать. Что это там? Кажется, еще одна лавина. Ниже нас. Скверно.

Он закрыл глаза. Было слышно, как шумит снаружи дождь, лупит по крыше вскипающими каплями, и урчат струи в большой промоине под днищем, шифуют камешки, перетирают в песок рыхлую породу, а дождь сильный, не каждый день такой бывает. И хорошо, что не каждый день, и лучше бы его вообще не было в природе, а держать его специально для туристов, если когда-нибудь сюда заявятся туристы. Организовать им спасательные пункты на перевалах, санбернаров для спасения обмороженных людей и людей, чтобы спасать обмороженных санбернаров, а в долине построить больницу и лечить там пневмонию и увечья. Отбоя не будет.

"А кто такие вариадонты?" — спросить бы их. "Не знаем, — зевнут. — Были вроде бы такие... вымершие." Вот-вот, вымершие. Черта с два меня здесь удержишь после срока, подумал он засыпая. Обойдетесь без Шабана, голубчики хомо аммоникусы, мать вашу, слово "сапиенс" никто и не вспомнит, и получается, что вы — двуногие без перьев и с плоскими ногтями. Платон. Кстати, убегаю прекрасно подходит под это определение. Человечество Прокны, герои Третьего Нашествия — какие славные слова! Поздняков без них жить не может. Не дурак ведь, а талдычит, как попка: хорошо честно выполнять свою работу и плохо нюхать ползучий грибок... Ладно. Хорошо жить с женой или моделью и плохо, совсем никуда не годится, меняться моделями с друзьями-приятелями... Согласен, а что дальше? Не знаю. И никто не знает, даже Менигон, и спросить не у кого...

Ненадолго он увидел Лизу, улыбающуюся и почему-то одетую в форменный хитин. Потом Лиза исчезла, и под закрытые веки заполз говорящий енот с голосом Хромца Гийома. "Псих! Псих, псих, псих, псих! — зачихал енот и почистил лапу о ла-

пу. — Пси-и-их! С-с-согласси-и-и-и-и! Три го-о-ода!.." Пошел ты, рассердился Шабан и, заморгав, выгнал енота вон.

...— Здравствуйте... Да вы садитесь, садитесь. Вот сюда. Ведь ваша фамилия Йойти, верно? А моя фамилия Поздняков, я начальник геологической службы Редута. Будем работать вместе, не так ли?.. Да не стойте, садитесь же. У вас семья есть? Ну что ж, это даже к лучшему, эти проблемы мы решаем своими силами, постараемся и вам помочь, не глотать же вам либидоцид... — Поздняков вдруг уставился прямо на Шабана. — Э, постойте-ка... Ведь ваша фамилия не Йойти, я не ошибаюсь? Ведь вас зовут Александр Шабан, то-то гляжу, на азиата вы мало похожи... ну да, точно. Тут на вас была какая-то информация... Вы ведь пилот?

— Нет, — сказал Шабан. — Не пилот. Впрочем, был когда-то.

— И прекрасно. Как вы посмотрите на то, что бы, после соответствующей подготовки, разумеется, совершить один-два полета? Подумайте.

Что тут думать... Шабан дернул шкелей. Вечно перед глазами, вечно: высотный полет, восхитительное чувство слияния с машиной, и он умел наслаждаться этим чувством, а небо над головой было черное... И никого, абсолютно никого вокруг, он был один в субкосмосе, а под ним, сжавшись в ужасе, висела Земля, подоженная по краю короной вставшего Солнца, — тогда он, готовый почувствовать себя богом, засмеялся и бросил флайдарт вниз, чтобы испытать невесомость. И краткую секунду перед тем, как перегрузка лишила его сознания, а мимо кабины, крутясь, пронесли оторванные крылья, он действительно чувствовал себя богом... Нет, подумал Шабан. Я не хочу.

— По-моему, — осторожно произнес он, — я прибыл сюда... э-э... в несколько другом качестве.

— Ну, разумеется, разумеется, — Поздняков источал благодушие. — Конечно, в другом, этого у вас никто не отнимет. А все-таки если предположить... Теоретически — смогли бы?

— Вряд ли, — Шабан помялся, отвел глаза. — Я, наверно, не смогу. У меня... у меня, знаете ли...

— Да-да, — покивал Поздняков. — Синдром Клоцци, не так ли? Да не стесняйтесь вы, с кем не бывает. Я лично не вижу в этом ничего унижающего ваше достоинство... ну хорошо, не будем об этом. Вы знаете, — он вдруг понизил голос до шепота, — мне по роду службы часто приходится приказывать людям делать то, чего им делать не хочется, а иногда даже то, чего они делать не обязаны. Это ужасно, верно? Но бывают моменты, — и голос возвысился, — я бы даже сказал, исторические моменты — да, да! — когда приходится, сжав зубы, отдавать самые жесткие приказы и требовать безусловного их выполнения. Во имя человечества, во имя всех нас... Вы меня понимаете?

— М-м... Не вполне.

— Понимаете, — погрозил пальцем Поздняков. — Все вы понимаете... Ну хорошо, оставим пока этот разговор, время терпит. Не торопитесь с ответом, подумайте. Этот полет стал бы для вас прекрасной аттестацией, мне было бы легче убедить руководство дать вам сразу вторую служебную ступень... У вас ведь пока четвертая? Заметьте, не пятая, как обычно: разведчики в Редуте образуют не-

что вроде привилегированной касты, мы с этим миримся и даже, могу признаться, немного этому способствуем, поскольку и спрос с них... Впрочем, в этом вы сами убедитесь. А пока, — Поздняков встал, и Шабан встал тоже, — позвольте пожать вашу руку. С этого дня вы государственный служащий, будьте достойны своего положения. У меня на вас большие надежды, и что-то говорит мне, что не напрасные... Если будут какие-либо неприятности служебного или личного характера — сразу ко мне, договорились?

— Договорились, — кивнул Шабан. Он был рад уйти. Государственный служащий... гм, совсем неплохо. Звучит значительно.

— К кому же мне вас пока прицепить? — Поздняков провел ладонью по розовому лбу, поправил красивые седые виски. Улыбнулся. — Пожалуй, к Винсенту Менигону — прекрасный разведчик, вот только с напарниками ему не везет. Зайдите к нему прямо сейчас, я уверен, он вам рад будет...

— Да! — крикнули из-за двери. — Входи, я не запираюсь. Но учти, посылаю к ... без предупреждения.

Шабан, робея, вошел. За дверью оказалась замурованная холостяцкая берлога с пыльным окном-экраном и одиноким настенным светильником, отбрасывающим на замызанную стену резкое световое пятно. Под светильником на откидной полке лежал, закинув ногу за ногу, некто длинный, лениво покачивал ногой в поношенной туфле, и сплюснутый задник туфли равномерно шлепал по костлявой пятке. Кверху смотрела коленка с торчащим, как шишка, мениском — коленка твердая, явно знакомая с задами непрошенных гостей, — а лицо лежащего было закрыто книгой — он читал и, по-видимому, не собиравшись отвлекаться на такую мелочь, как посетитель. Шабан почувствовал себя неуютно.

— Кхе, — сказал он. — Здравствуйте. Видите ли, Поздняков направил меня к вам...

Поверх книги показался загорелый лоб в морщинах и равнодушные глаза — спокойные и желтые, как у безмятежного хищника. Затем выехал крупный облупленный нос.

— Слушай, милый, — сказал лежащий. — Здесь ведь такого не терпят. Или ты будешь звать меня на "ты", или сейчас вылетит отсюда соплей и больше не вернешься, это я тебе говорю. Ты кто?

Неприятный тип, подумал Шабан.

— Я же говорю, меня к вам... к тебе Поздняков прислал. Для совместной, — он поперхнулся, — работы.

Книга полетела на пол. Лежащий вскочил неожиданно легко: несмотря на возраст, он оказался ловким и жилистым. Его плохо бритый подбородок приходился Шабану выше глаз.

— Меня зовут Винсент, — буркнул он, протягивая костлявую лапу. — Теперь это твоя комната, живи. Вещи перетащить сможешь?

— Да-да, — ошеломленно сказал Шабан, — конечно... А почему моя? Это ваша... твоя комната, мне про это никто ничего... Здесь, наверно, какая-то ошибка, вы меня извините, пожалуйста. Я сейчас пойду выясню, и я уверен...

— Стоять, — сказал Менигон. — Это твоя комната. Была моя, а теперь твоя, понял? Тут у нас такой порядок: кто-нибудь из старожиллов отдает свою комнату новичку. Психологи, за ногу их,

придумали, чтобы нам здесь, значит, не заржаветь. Кретины же: ржавчина не ржавеет. Не слушают.

— Но мне как-то неловко, — сказал Шабан.

— А ты плюнь, — посоветовал Менигон. — Так вещи перенести сможешь?

— Ну... разумеется.

— Ничего не разумеется. А обзаведешься моделью, — Менигон брезгливо осмотрел комнату, — скажешь ей, чтобы убралась тут. Сам не трогай — обижусь. Понял?

— Не понял, — раздраженно сказал Шабан. — Что еще за модель?

— Ты что, маленький? — Менигон округлил желтые глаза и даже повеселел. — Моделей не видел? Говори дяде правду: так-таки и не видел? Ах, ну да, ты же у нас еще совсем цыпленочек... И не слышал даже? О чем же с тобой Поздняков разговаривал? Сосунок ты. Ну а, к примеру, кто такой Живоглот, тебе тоже не известно?

Исключительный хам... Шабан сжимал зубы, сдерживаясь. И с таким вот работать, терпеть мерзавца...

...Но именно Менигон, единственный из всех, встретил его на Базе после того сумасшедшего полета, и именно он, опередив техников, вынул его, полубоморочного, из кабины флайдарта, когда сил хватало лишь на то, чтобы довести машину до Базы — сажали уже наземным "поводырем"... Как Менигону удалось добыть пропуск на флайдром, осталось неизвестным.

"Трудно было, малыш?" — только и спросил, когда они остались одни. Шабан показал глазами: да, трудно. Язык все еще не слушался. И тогда Менигон наклонился к его уху:

— А будет еще труднее, — сказал он шепотом.

...Шабан не заметил, когда кончилась дрожь. Проснувшись, он обнаружил, что дождя снаружи нет, и верно: сквозь крохотное оконце в башенке пробивался солнечный свет, отраженный каким-то ледником. Вставать не хотелось, но, вспомнив о лавине, он вылез из мешка и растолкал Роджера.

— А? — спросил Роджер и стал тереть глаза. — Уже все?

— Вставай, вставай. Разлежся здесь... Пену свою убери. Чтобы чисто, понял?

— Ага. Я сейчас.

Преданный взгляд... Мальчишка. Лечить надо. Жаль, нет Менигона — он умел.

— Ты вот что, — сказал Шабан, помедлив. — Скажи-ка мне: что тебе про меня Поздняков пел?

— Ну-у... — Роджер покраснел. — Он ничего такого про вас не говорил. Я, собственно, не помню точно... Хвалил вас, ставил в пример. Говорил, что вы лучший специалист в разведке, что заслуженно отмечены. Еще сказал, что вы человек долга, что можно на вас положиться... Что мне повезло...

— Достаточно, — прервал Шабан. — Ты сам тоже так считаешь?

Лицо Роджера стало совсем бордовым. Он застенчиво кивнул:

— Считаю...

— А раз считаешь, — Шабан криво ухмыльнулся, надеясь, что ухмылка выйдет гнусная, — тогда сгоняй-ка ты, парень, за локатором.

(Продолжение следует)

Книжные новинки

Раздраковивает Вас. Кириллов

Начиная с январского номера, известный переводчик и литературный критик Василий Кириллов делится с читателями "Уральского следопыта" своими впечатлениями от прочитанного. Именно своими, не заемными, так что — воля ваша — можете не соглашаться с его оценками, можете соглашаться не всегда, а можете, напротив, и следовать этим оценкам — при посещении книжных магазинов и киосков.

Рубрика, повторимся, авторская — отсюда и вольный выбор книг. Мы не диктуем нашему обозревателю, что именно ему читать. Ну, а захочется какому издателю, чтобы целенаправленно — именно его книги! — покритиковали либо похвалили в очередном обзоре наш Василий Кириллов, что ж, — пусть пришлет эти свои книги и заплатит за рекламу журналу, а журнал приплатит критику — чтобы был еще субъективнее и нелицеприятнее. Умному издателю такой критик необходим, потому что полезен, да и, опять же, антиреклама — это ведь тоже реклама, всякий не раз убеждался в этом.

Особо подчеркнем: отечественной фантастики Василий Кириллов из разнообразных соображений не читает — уж не взыщите. Да ведь, впрочем, на книжных прилавках наших ее сейчас — вовсе не навалом: любой в силах сам разобраться с нею.

И, наконец, о шкале оценок. Она у нашего критика такова.

Один дракон — книга, не лишенная привлекательности, но только для слабоумных, либо дрянная, но хорошо изданная книга.

Два дракона — книга, которая без труда прочитывается от корки до корки, но после вызывает ощущение впустую потраченного времени.

Три дракона — книга хорошая, но по вине издателя, переводчика, редактора, корректора не заслуживающая более высокой оценки.

Четыре дракона — хорошая книга, которую стоит прочитать, но, по тем или иным причинам, не следует торопиться с приобретением ее для своей библиотеки.

Пять драконов — отличная книга, которую можно читать и перечитывать.

Шесть драконов — шедевр, способный сыграть роль настольной книги, которую можно не только читать и перечитывать, но и завещать своим детям.

Жаба — откровенная халтура, не вызывающая ничего, кроме отвращения и уверенности в том, что такую книгу вообще не следовало издавать.

Эрик Фрэнк Рассел. Миг возмездия. Ростов-на-Дону: "Термес", 1993. 494 с.

Сборник рассказов этого замечательного английского фантаста "Ниточка к сердцу" был выпущен в серии "Зарубежная фантастика" двадцать лет назад. Уже тогда Рассел пленил мое сердце.

И на сей раз имя на обложке не обмануло ожиданий. Роман "Миг возмездия" — увлекательная и остроумная история, которая начи-

нается как детектив, продолжается как футурологический триллер и завершается хэппи эндом с намеком на любовную идиллию. Есть тут над чем и посмеяться, и поломать голову.

"Каким образом возможно при помощи мотка простой медной проволоки переменить ход грандиозной межгалактической войны?"

Неожиданный ответ на этот парадоксальный вопрос открывается главному герою "Невидимого спасителя", отличному парню, смертельно уставшему от службы в действующей армии.

"Загадка планеты гандов" — еще веселее. Эта изящная утопия на базе идеи гражданского неповиновения способна подарить читателю отличное настроение на целый день, а может, и сделать его немного смелее и разумнее на всю оставшуюся жизнь.

И наконец новелла "Сквозь дремучий ад". Незамысловатый рассказ о людях, высадившихся в результате катастрофы на планету, мало пригодную для жизни, Жестокая, смертоносная среда, опасные приключения на грани неминуемой гибели, а в итоге — утверждение простых христианских ценностей — братства, взаимопомощи, любви к ближнему.

Открывший книгу Рассела не пожалеет: от нее просто невозможно оторваться. А через некоторое время, вероятно, захочется и перечитать. Поэтому пять драконов.

Фрэнк Херберт. Дюна (I том). Мессия Дюны. Дети Дюны (II том). Бог-император Дюны (III том). Имперская серия". М.: "Магистерия", 1992-93 (Имперская серия Imperium).

Следует сразу сказать: лучше всего найти "Дюну" в другом издании. Лучше для того читателя, которому хоть в малейшей степени не безразличны литературные и стилистические достоинства перевода, не говоря уж о соблюдении элементарного правописания.

Безусловно грандиозная эпопея Фрэнка Херберта заслуживает, чтобы русские люди чи-

тали ее на хорошем русском языке, а не на помеси компьютерно-трансляторного с языком нерадивых школьников.

Самым большим потрясением в этой книге (имеется в виду первый том, но, как я успел уже убедиться, второй и третий почти в этом отношении на него похожи) для меня стало чтение выпускных данных. Подумать только, там заявлены и главный, и технический редакторы, мало того — еще и корректор! Просто фантастика! Есть и "великая тайна" — имя переводчика: оно в книге не указано ни спереди, ни сзади.

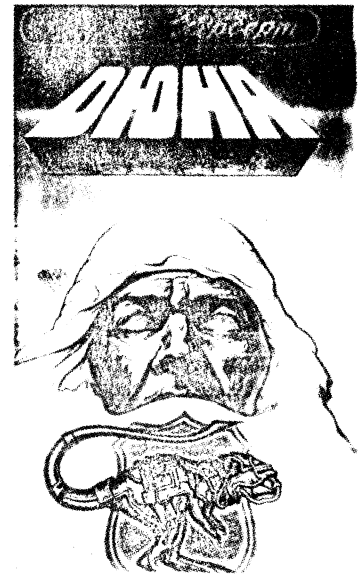
"Внезапно ею овладело страстное чувство увидеть своего внука..."

"Каждое его движение должно было бы выдавать его знание того что для него нет никакой надежды победить..."

"Люди стояли так, что в центре их оказалась свободной круглая площадка..."

"Стены скал сузились..."

"Слова его матери придали мыслям Пола иное направление..."

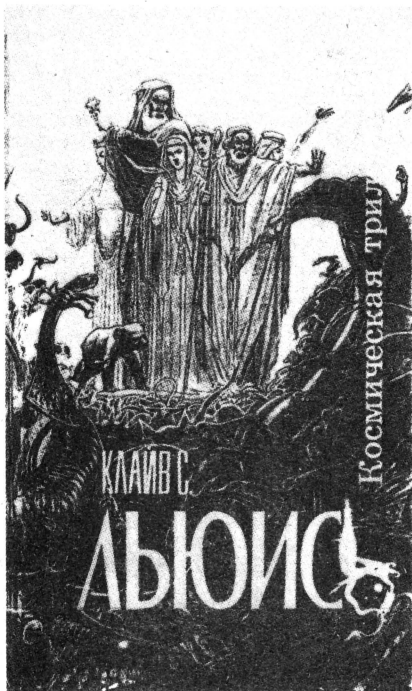

Так и хочется добавить: "Коза закричала нечеловеческим голосом".

Сквозь мириады подобных перлов с трудом пробивается история, которую рассказывает Херберт. И только это обстоятельство (т.е. то, что она все-таки пробивается) спасает издатель от заслуженной "жабы". Три дракона, что значит: хорошая книга, попавшая в руки людей, не уважающих никого и ничего, кроме прибыли от массового тиража.

Клайв Стейплз Льюис. Космическая трилогия. Санкт-Петербург: "Сееро-Запад", 1993. 638 с.

Великая книга великого писателя! И при этом — прошу внимания тех, кого отпугивают подобные оценки — представляет собой увлекательнейшее чтение. Язык, сюжет, картина мира — все это у Льюиса гораздо светлее и

легче, чем у его товарища по кружку "Инклингов" Дж. Р. Р. Толкина.

Льюис открыт для всех. Но можно всей душой позавидовать тем, кому посчастливилось прочитать его "Космическую трилогию" в детстве. Подарите, порекомендуйте эту книгу детям, и — кто знает? — быть может, это зачетится вам на небесах... Ведь неспроста моя тетушка со свойственным ей почти юношеским максимализмом утверждает, что Льюис для нее — чтение номер один после Библии.

Лично меня особенно поразила "Переландра" (второй роман из трилогии). Мне кажется, в этом романе автор, не покидая общедоступной сферы беллетристики (или, если угодно, традиционной фантастики), приближается к вершинам мистического визионерства. К тем самым, коих несомненно достиг великий немецкий мистик Яков Беме. Но Беме при их описании пользовался туманной палитрой символизма и остался "темным" для подавляющего большинства.

"Космическую трилогию" можно читать просто как интересную приключенческую книгу. Расчеты на удовольствие и приятное времяпрепровождение будут оправданы. В то же время и философская глубина, и христианский душеспасительный смысл никуда не денутся.

Стоит разыскать и приобрести эту книгу. Но следует иметь в виду: первые два романа трилогии одновременно вышли в свет в качестве первого и второго тома (в одной книге) собрания сочинений К. С. Льюиса (издатели: "ЛШ" и "Вече" при участии газеты "Книжное обозрение"). Издание не уступает "Северо-Западу" и, к тому же, снабжено оригинальной вступительной статьей и комментариями Ильи Кормильцева. Однако будут ли другие тома?

Пока нет в этом уверенности, шесть драконов — изданию "Северо-Запада".

Проверьте вашу память

Кроссворд по эпосе Дж. Р. Р. Толкина "Властелин Колец"

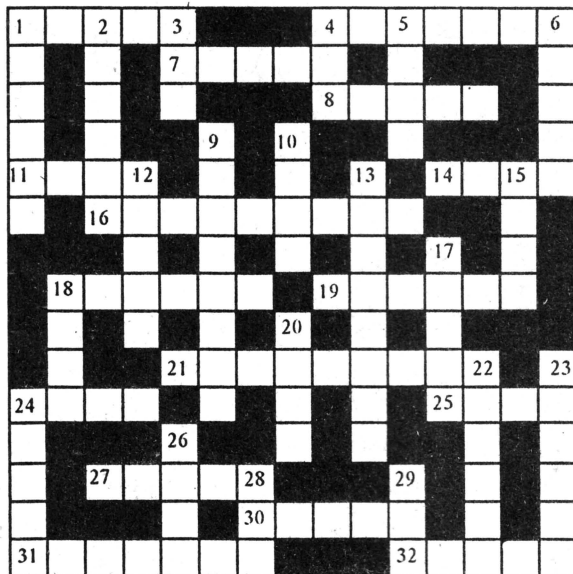
По горизонтали:

1. Генералиссимус. 4. Остранна. 7. Вещь, которую Арагорн получил в подарок от Галадриэли. 8. Эмблема Дарина — корона, (...) и наковальня. 11. "С незапамятных пор витал смертный страх над горою (...) и окрестными пустошами". 14. Имя хозяина трактира "Гарцующий пони". 16. Так назвался Фродо в Пригорье. 18. "Все огни потухли; в небо поднялся исполинский дымный столп. Он склубился в дальнюю гору, вершина ее разгорелась и полыхнула апо-зеленым пламенем. Из пламени вылетел красно-золотой (...), до ужаса настоящий, только поменьше..." 19. "Стоят они там и сям, в лесу или на опушке, стоят-помалкивают и приглядывают за деревьями; а в ложбинах, что поглубже, их, наверно, скопилось многие сотни" (те, о ком это говорится). 21. Волки-оборотни. 24. Предок Теодена. 25. Комариные (...). 27. Страна, населенная темнокожими людьми. 30. Метод, которым онты боролись с Саруманом. 31. Один из хранителей. 32. "Щиты их носили незнакомую эмблему; малая белая (...) на черном поле; над наличниками блистала светлая насечка: руническое "С".

По вертикали: 1. Двимеред. 2. Тот, кому Мериадок присягнул на верность. 3. Пастырь древ. 4. Единственное искусство, которое хоббиты считают своим собственным изобретением — это "умение пускать (...) изо рта". 5. Имя пони, которого хоббиты купили в Пригорье. 6. Местность, где отковали клинки, найденные хоббитами в могильнике. 9. Долина в Мордоре. 10. Орки (по-эльфийски). 12. Слово, которое кричал Гимли, бросаясь на врагов. 13. Великий лес. 15. Деревья, в изобилии растущие в Вековечном лесу. 17. Великий Западный (...). 18. "Эльф подпрыгнул, ухватился за ветку... и, тотчас отпустив ее, соскочил на землю. Ибо сверху, из золотистой тьмы, раздался повелительный окрик: — (...)" 20. То, что меряют на гурты. 22. Старейшая из оставшихся женщин в Палатах Врачеванья. 23. Прозвище Хэмбриджа Скромби. 24. "Но запад и восток молчат /О древнем короле, /И смог ли он доплыть назад, /Не знают на земле..." (Имя этого короля). 26. Гораздо опаснее орков черные (...)

из Мордорских земель. 28. То, что Мерри купил Фродо в Кроличьей балке. 29. Испытание, которое испытал слуга Фродо в Мордоре: стоит ему надеть кольцо — и вся черная долина превратится в цветущий (...).

По книгам, выпущенным издательством "Радуга", составила А. Черникова (п. Славянка Приморского края)

Ответы на фантаграмму "По страницам книг А. и Б. Стругацких" (№ 11-12, 1993)

Ключевые слова:

Пампа ("Трудно быть Богом");
Отель ("Отель "У Погибшего Альпиниста");
Горыныч ("Понедельник начинается в субботу");
Мозес ("Отель "У Погибшего Альпиниста");
Жилин ("Хищные вещи века");
Вон ("Сказка о Тройке").

Зашифрована цитата из повести-сказки "Понедельник начинается в субботу": "Счастье — в непрерывном познании неизвестного, и смысл жизни в том же".

Полностью фраза звучит так: "И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же".

"Они" — это маги из Научно-исследовательского института Чародейства и Волшебства (НИИЧАВО).

Юний ГОРБУНОВ

Замечательны тем, что жили...

Екатеринбург. Микрорайон Химмаш на берегу Нижнеисетского пруда. Детский клуб "Звезда Тимура"... Таков адрес этого музея.

Его создатель и хранитель — инженер НИИХиммаша Станислав Евгеньевич Станкевич. Несуетный, неторопливый. Большие, мягкие ладони и мягкие черты лица. Легкая лукавинка в глазах и улыбке. И при том — ежеминутная собранность и готовность № 1. Как у охотника.

Детство и юность его прошли в Алапаевске — рабочем уральском городке, знакомом, однако, всему свету белому: место отрочества Петра Ильича Чайковского, родина первого Совета рабочих и солдатских депутатов... Последнее земное пристанище зверски убиенных великих князей Романовых...

Здесь, в Алапаевске, у Станкевича корни — дом и

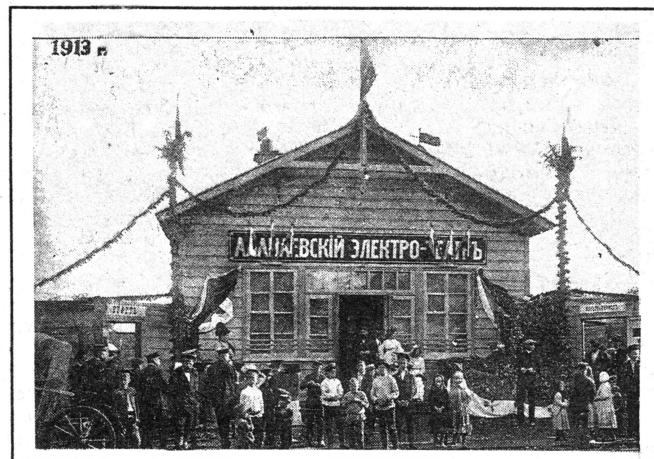
улица детства, родные, прошлое... А на Химмаше его корона — семья, работа, музей.

Музей тоже вырос из алапаевских корней. В этом его замечательная и трогательная особенность, делающая музей неповторимым.

Идем по его комнаткам. Вроде все как во всех прочих музеях — фотографии, вещи, старый быт, история... Станислав Евгеньевич рассказывает, и постепенно невесть откуда проникает в душу тепло, как будто невидимую где-то печку затопили.

"Дед по матери Ефим Андреевич Чердынцев из Камышловского уезда пришел, а бабушка Александра Михайловна здешняя, алапаевская. Дед неграмотный был, батрачил у торговых людей. А потом купил дом — вот и купчая нотариусом Ардашевым заверенная. Дом двухэтажный был, на втором этаже — пивная. Дед пиво у Поклевского в Екатеринбурге брал и торговал им. Соленные сухарики к пиву горкой лежали на столах. Говорят, что рабочие, иной раз, кошельки купцу на сохранение оставляли — такая была у деда репутация".

Родной Станиславу Евгеньевичу Алапаевск живет в его музее и делает музей "похожим" на себя. Живет в фотографиях старых улиц, храмов, завода. В сотнях предметов труда и быта; в чьих-то семейных дневниках, письмах, альбомах. Есть даже картинная галерея — работы мало кому известных самодельных алапаевских художников А. Трофимовой, В. Баутиной, Н. Дедухи-

на. Часами готов Станкевич рассказывать о них, о трудно сложившейся их судьбе.

"А бабушка, — продолжает, — ну, та у нас читательница была. Читки дома устраивала — детям, внукам, соседям. Стоит, бывало, под лампой и часами читает романы Шеллера-Михайлова, потом Саянова".

Гляжу на портреты супругов Чердынцевых работы алапаевского фотомастера И. И. Ярославцева, на стулья из бабушкиного дома — гнутые, букowego дерева. Этикетка даже сохранилась; два силача, ухватив-

шись за ножки и спинку, безуспешно пытаются сломать... На трехъярусную вазу для фруктов, шкатулку-сундучок музыкальный... И начинаю понимать, откуда тепло: вещи в музее согреты принадлежностью дорогим хранителю людям.

Вот он коснулся каких-то ремней на стене. "Дед в гражданскую шорником на Алапаевском металлургическом работал. Все ременные передачи в его хозяйстве. Пальцы ему там отдавило-оттяпало. Потом валенки подшивал чуть не всему Алапаевску".

Сильно серьезный, умный усатый человек смотрит на меня с портрета. "Грамоте только к старости научился".

Комнатушка, где мы стоим, — микромузей быта конца XIX — начала XX века. Чего тут только не насобирано. Станислав Евгеньевич всеяден. Ненужных вещей у него не бывает. Помните, у Белова в книге "Лад" рассказ о том, как делается коробье? А тут вот он, короб, живой. "Дом в Екатеринбурге на углу Белинского и Щорса ломали. А я стараюсь такие события не пропускать. Гляжу, что за странная посуда — ни пайва, ни пестерь... Возьму на всякий случай. Потом только у Белова прочитал".

Наверно, прошлая наша жизнь такова, какой мы ее для себя возвращаем. И как смотрим на нее. Это может быть история одних только войн и политических баталий на фоне жизни серой человеческой массы. А может быть — как в музее Станкевича — бытование конкретных людей в страшных условиях нескончаемых войн и политических экспериментов. В такой истории пустяков и мелочей не бывает.

Станислав Евгеньевич продолжает о родственниках.

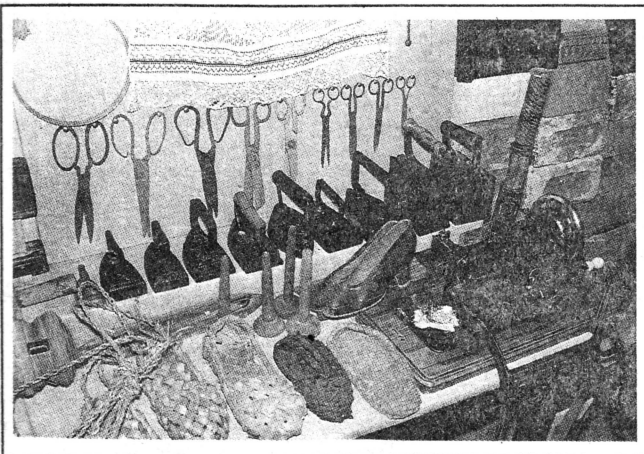
"Мамина сестра — Валентина Ефимовна — замужем была за статистиком Исуповым. Вот пришел он к бабушке свататься. У той вопрос один:

— Ты как к Ленину относишься, Григорий Иванович?

— Положительно, — отвечает он. Он эсер был.

— Тогда ладно, — благословляет бабушка.

В 37-м его и всю его компанию арестовали. Потом

и Валентину Ефимовну. В Иркутске сидела. Через восемь лет освободили. А он, так и сгинул".

На стенде — фото, протокол допроса, обыска и ареста. Письма... Безвестные, совсем не знаменитые люди. Замечательные тем, что жили на земле. И вот, оказывается, оставили след.

"Первая коллекция марок досталась мне от тетки — Валентины. Она ее в Иркутске в лагерях собирала".

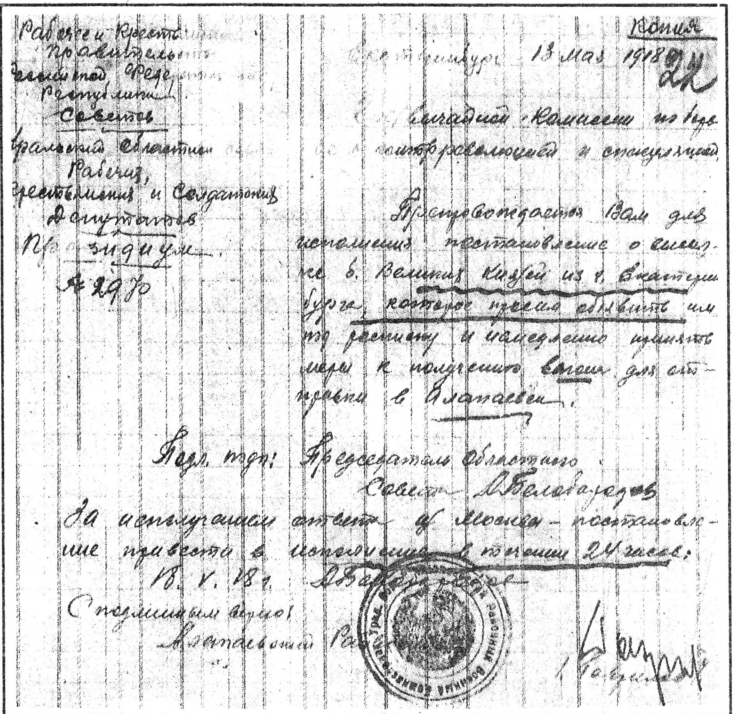
Старые письма, дневники, альбомы (неважно, чьи) — тоже слабость Станислава Станкевича. Все собирает, подклеивает, переплетает. Нашел и сохранил интереснейшие дневники женщины-медички, работавшей в минувшую войну на передовой. Записную книжку какого-то купца... Неказистые стихи некоего Петрова...

С военной выставки в детском клубе и начался его музей в апреле 1985 года. Многое и теперь напоминает здесь о Великой Отечественной: неизвестно, где раздобытые редкие фотографии, снятые фашистами, воспоминания о войне ее участницы Раисы Васильевны Коростелевой очень редко находимые хлебные карточки 42-го года, литеры на посещение ресторана...

"Еще одна тетка, Клавдия Ефимовна была замужем за инженером-строителем Булычовым. А у него был брат Борис Евгеньевич Булычов, чекист. Именно он, чекист Булычов, доставил из Екатеринбургa в Алапаевск сосланных на Урал великих князей".

Станиславу Евгеньевичу каким-то чудом-случаем удалось найти документы об этом, мандаты. Сами документы потом затерялись в кулуарах чиновничьих организаций, а заверенные копии — вот они, в музее на Химмаше. Вокруг этих документов образовалась целая романовская экспозиция: фотографии Напольной школы, шахты — места убийства, склепа, где были замурованы тела великих князей, шарф, принадлежавший Константину Константиновичу, сыну великого князя, поэта "К.Р.", кусок камня от Алексеевского собора, где

отпевали покойных, наверху водосточной трубы Напольной школы...

За некоторыми редчайшими вещами и документами солидные музей идут на поклон к "Звезде Тимура".

Любимое занятие Станислава Евгеньевича бродить по городу с фотоаппаратом. Снимать старые дома, их фрагменты, уголки дворов и улиц, лазать по опустевшим, но еще живым домам. Прошлое здесь оставлено, брошено, забыто, ждет защиты. Из всех углов тянутся к нему руки вещей. Вещи смотрят на него и охотно рассказывают о себе. И о тех, кто жил с ними рядом.

На снимках:

1. Семья деда Ефима Андреевича Чердынцева. 1915 год;
2. Алапаевский электротئاتр;
3. Прадед Михаил Павлович Гордюшев;
- 4, 5. Уголки музея;
6. Уголок музея, посвященный гибели великих князей;
7. Копия документа о высылке великих князей в Алапаевск.

Фото Станислава СТАНКЕВИЧА

Урок первый: обрядовая культура Урала

Уроки народной культуры в школах и техникумах пока еще редкость, но очевидно, что они нужны и значимы. Ведь человеку необходимо целостное знание о культуре своего и других народов — народознание.

Наш первый урок ведет преподаватель Уральского госуниверситета Ирина Николаевна Белобородова. Народная эстетика, философия, мораль в ее уроке представлены в интересном исследовании, написанном на основе уникальных разысканий: архивных, взятых из местной печати и полевых записей, сделанных в уральских экспедициях последних лет.

Но почему все-таки начали мы с народного календаря и святочных обрядов? Потому что календарь в духовной культуре народа — элемент прямо-таки неминуемый. Ведь календарные обряды складывались под влиянием мифологии, в них отразились такие фундаментальные идеи как жизнь и смерть, начало и конец, а святки в народном календаре — один из главных и своеобразных праздников.

Он связан с зачином нового года и возрождением солнца. Таково же в сущности и христианское осмысление святочного двенадцатидневья. Словом, с начала начинай — вот лучший путь из всех.

Ирина БЕЛОБОРОВОДА

Святочные "страшные" вечера

Кто из вас не знает зимние святки — один из самых русских календарных праздников, родившихся в языческую пору.

Немало о них уже написано на материале разных уголков России, а вот уральские святки исследователями обойдены. И это тем более несправедливо, что наша обрядовая культура впитала и бережно сохранила уйму всяких деталей, присутствующих в святочных традициях не только Поволжья, Центральной России и русского Севера, но даже и вос-

точнославянских народов — украинцев и белорусов.

Вот мы с вами и попытаемся восполнить этот пробел на примере наших зимних святок.

Святки в горнозаводском Урале начинались, как и везде в России, в канун 25 декабря (даты мы даем по старому стилю) — так называемый Сочельник. Слово произошло от церковно-славянского — "сочевник". По церковному уставу в этот день на вечерней трапезе полагалось "сочиво" (разваренные зерна)

или кутья с медом. Пищу "вкушали" один раз — после вечерни. А время ее в народе определяли появлением на небе первой звезды. До этого момента даже кур не кормили, чтобы они лучше неслись.

В народно-церковных праздниках, в том числе и святках, переплеталась языческая и христианская обрядность, и это приводило подчас к любопытному смещению многих символов. Вот, например, обычай ставить новогоднюю елку. На Русь и к нам, на Урал, он при-

шел довольно поздно — после календарных реформ Петра I, а воспринимался как иллюстрация рассказа из Нового завета — о поклонении волхвов родившемуся Иисусу Христу. Волхвов вела путеводная звезда. Отсюда, считали, и обычай украшать елку звездами, упавшими с неба в тот момент, когда волхвы дарили елку Спасителю.

Так вот другое народное толкование этого сюжета прямо связано со святками. В рождественском кандаке (песнопении) есть такие слова: "Дева днесь пресущественнаго рождает и земля вертеп неприкосновенному приносит. Ангелы с пастырьми славословят; волсви со звездю путешествуют..." Слова "волсви со звездю..." в народе прочитали как "волки со звездю путешествуют..." и этим как бы объясняли тот разгул нечистой силы, что наступал на земле во время зимних святков. Считали, что волки и другие хищные звери "так и рыщут в это время". И своеобразным оберегом от бесовских бесчинств был обычай церковных песнопений — в виде рождественского поздравления соседей или родственников.

Это называлось "славлением". Оно начиналось в ночь под Рождество, часа в три ночи и продолжалось до 5—6 часов утра. "Славельщики" под окном просили разрешения "Христа прославить", а потом заходили в избу и пели так называемый тропарь (молитвенную песнь) "Рождество Твое, Христе Боже наш...", и первый глас рождественского канона: "Христос рождается, славите..."

Если "славили" ребятишки, то исполняли "присказульки", которые назывались по-разному: "таусень" (среднерусское), "виноградье" (севернорусское), "колядки" (общеславянское). Вот, например, одна такая коляда-присказулька:

Мы ходили, мы искали коледу,
Нашли коледу у Петрова двора.
У Петрова двора точеный тын,
что на каждой-то тычинке,
на маковке по свечке горит.
Вот хозяин-господин
по горнице проходил.
Погляди в огневенку —
не найдешь ли гривенку,
Погляди в сундучок —
не найдешь ли пятакоч.
Кто не даст полушку —
увеем телушку.

Кто не даст денежку —
увеем девушку.
Кто не даст лепешки —
разобьем окошки.
Кто не даст пирога —
разобьем ворота...

Или "вьюнчик":

Маленький вьюнчик
Заскочил на стульчик,
В дудочку сыграл,
Христа свеличал.
Стар старичок,
Отпирай сундучок,
Доставай пятакоч,
Либо гривенничек,
Старая старушка
Отпирай погребушку,
Отпирай погребушку,
Доставай постряпушку
Либо шанежку.

В некоторых местностях, населенных выходцами с Украины (например, Верхнесалдинский район Свердловской области), славление начинали несколько позже — в ночь под Новый год, и сохранились традиционные для Малороссии формы колядования — "щедривки".

Утром ребятишки ходили с мешком овса "сетовать":

Сето, сето,
на новое лето.
В поле зерно —
в доме добро,

— приговаривали они, посыпая пол овсом. Считали, что этот древний обряд обещал будущий урожай, и сеять нужно в те дни недели, на которые пришлось Рождество и Новый год.

Славельщикам щедро подавали: пироги, шанги, пельмени, творог — все, чем принято было разговляться после продолжительного рождественского поста.

Разговляться начинали примерно с 8 часов утра, после ранней обедни, а следующее за тем "пирова-

ние" и "гостевание" продолжалось три дня. "Рождество три дня живет, — говорили уральцы, — делать ничего нельзя — святые вечера".

После рождественских дней начинались собственно святки со всеми их языческими атрибутами: ряжением, игрищами, гаданиями, шутовством. Правда, в ряде мест Среднего Урала сохранилось иное деление святков: 25 декабря — 1 января — святые вечера; 1—6 января — страшные или "слушальные" вечера. Легенда утверждает, что с ночи под Новый год и до Крещения черти и нечистая сила гуляют по белому свету, так как Бог, празднуя рождение сына, отпирает ворота ада и позволяет "бесям" поприздравать Рождество Христово. Нечисть в эту пору обретает особую власть, способна творить бесчинства и всячески вредить. Уральцы верили, что в слушальные вечера появляются русалки, ходит страшная бабка-святка, которая ловит детей; летают "вещицы" — птицы, похожие на сорок, только крупнее и без хвоста — у береманных из живота ребенка выедают; бегают свиньи-оборотни, у которых из пасти огонь пышет.

"Нечистыми" жители и православная церковь считали и сами увеселения на святках. Не одно столетие церковь боролась против языческих бесчинств: "Аще кто в первый день генваря на коледу идет, яко же первий поганин творяху, трех лет да покаются о хлебе и о воде", — грозили церковные установления. Однако ощутимых результатов эта борьба не принесла.

Главным коноводом святочных игр была молодежь. Ей народное предание приписывало более тесный контакт с темными, нечистыми силами, которые в это время господствовали на земле. Собравшись "артелями" по 10—15 человек, молодые бегали "снарядчиками" — мас-

кировались. Маски были самыми разными: жених и невеста, поп и солдат, цыган, покойники, звери, т. е. как правило, "чужие", пришлые, не похожие на своих, деревенских. Особенно негодовала церковь, когда мужчины рядились в женщин, а женщины в мужчин, но тем не менее обычай этот был очень распространен по всей Европе и в том числе на Урале.

"Снарядчиков" у нас, как и в некоторых других местах России, называли еще "шуликунами" или "чилликунами". Так же именовали и нечистую силу — водяных демонов, которые появлялись на земле только во время зимних святок. Это, якобы, были существа маленького роста, похожие на людей, но остроголовые. Они не всегда незлобивы, но прочь подшутить над веселящимися. В единственном числе о шулюкунах почти не говорят, а рассказывают о скопищах их.

"Нечистыми" во время святок становились и сами ряженые, надевшие маску — "личину беса".

Жители Тобольского уезда так объясняли смысл ряжения. Черти, боясь крещенского водосвятия, уходят в другие реки и озера и уводят с собой "великий скот и живот". В это время кто возьмет, скажем, полено из поленницы, в руках у того очитится непотребная тряпка, кто возьмет сена клок, — превратится сено в горсть пыли. Только ряженные обману не поддаются, так как рядятся под шуликунов: надевают на голову остроконечный берестяной колпак, на себя — белую "покойницкую" одежду, расписывают лицо углем и белой глиной, вставляют репные зубы...

Бесовской природе соответствовали и шутки ряженных. Они раскатывали поленницы, примораживали двери в избах, забивали снегом печ-

ные трубы. А с нелюбимыми односельчанами обходились и покруче: разводили, например, конский навоз, стучали в дверь, и когда хозяин высовывал голову, макали в жижу метелку и мазали ему лицо.

Подобные увеселения, конечно, не вызывали одобрения односельчан, и ряженных побаивались из-за связи их с "нечистиками". Популярной среди святочных бесчинств была маска покойника. Парня, одетого во все белое, с лицом, вымазанным мелом, сначала водили по деревне, а потом, заведя в избу, где шла вечерка, клали на лавку. Потом подходили "прощаться", а девушки причитали по покойнику: "Миленький ты покойничек! Да умер ты во вторничек! Стали доски тесать, а он и выскочил плясать!" "Мертвец" действительно вскакивал и старался ущипнуть уворачивающихся от него девушек.

Иногда шутки переходили границы дозволенного, и "шутники", вместо ряженого, пугали людей настоящим покойником...

Зимние святки были не только временем игрищ и шутовства, но и помогали улаживать проблемы семейной жизни. На вечерки, называемые на Среднем Урале "игрищами", специально ездили матери — "невест присматривать", а сразу после святок наступал свадебный масленичный мясод. В Нижнем Тагиле на святках устраивали ярмарки невест. Девушек одевали в лучшие наряды и возили в коробе по улице, а парни стояли каждый у своих ворот. "Надо ли надолбу?" — спрашивали их. Если парень в ответ кланялся, это значило, что девушка понравилась и могла в скором времени ожидать сватов.

Зимние святочные вечеринки принципиально отличались от предшествовавших им осенних посиде-

лок, на которых девушки собирались в банях и "с работой" — пряли, шили, вязали. Святки как бы символизировали всеобщее единение природных и социальных сил. Вечеринки, как правило, происходили в избе. "Молодцы" вскладчину откупали у кого-нибудь избу на весь праздничный период и приглашали девиц. Те, в свою очередь, вносили плату дровами и сырьем для освещения — лучиной или керосином.

Работать на святочных вечерках, особенно пряхать, считалось грехом и влекло за собой неудовольствие чертей-шуликунов. Запрет на прядение получил и "христианскую" окраску. При прядении надо было поплевать на нитку, чтобы она лучше ссучивалась. В пору же святок считалось, что Иисус Христос ходит по земле, и возникала опасность попасть ему в глаза.

На святочных сборищах развлекались: щелкали орехи, угощались конфетами и пряниками, пели "нарошные" песни, гуляли парами. Игры чаще всего были пронизаны брачной символикой. Например, шутливая, с помощью ряженных, инсценировка свадьбы. Причем, парень наряжался невестой, а девица — женихом. Были "отец", "мать" и "подружья". "Молодых" венчал "поп". Вместо церковного облачения в ход шла какая-нибудь рогожа, а кадилом служил лапот. "Поп", подражал акафисту, читал нараспев: "Радуйся, сорока! Радуйся, ворона! Радуйся и ты, воробей, великий чудотворец!"

Та же символика и в "играх с поцелуями". Одна из самых популярных — "Соловки" — заключалась в том, что парень или девица ходили по кругу и, выбрав себе пару по сердцу, целовались. По тому же типу строились и другие игры: "сусиди", "в столбики", "тараканов морозить", "монашка" и т. д. Эротизмом веет от игры с жалостливым названием "Сиротинушка". Один из парней наряжался девкой, а второй изображал жениха с подчеркнутыми признаками пола, сделанными из соломы.

В начале XVIII века интенсивно развивались массовые народные театральные действия: ярмарочный балаган, вертеп и т. п. Часть из них вошла и в святочный круг. Народные драмы "Шайка разбойников", "Царь Максимилиан" бытовали в

святочных играх Поволжья, Урала, Сибири. Возможно, что драмы эти связаны были со старообрядческой средой, ведь после событий, приведших к расколу русской церкви, прошло всего полвека, и преследования "ревнителей древлего благочестия" были в самом разгаре.

Нельзя себе представить святки без гаданий. Число их невероятно велико, назовем только некоторые.

Катали скалкой на росстанях (двух расходящихся крестом дорогах), говоря: "скалка, скажи мне жениха", и слушали имя.

Брали петуха и, покружив, опускали на пол, где лежали горка пшеницы, блюдце с водой и уголь. Если петух подойдет к зерну, то жених будет богатый, если к углю — бедный, а если к воде, то это верный знак, что муж будет пьяница.

На росстанях головешкой из новогодней бани чертили круг, приговаривая: черти — в круг, окаянный — в круг, где косе быть, там собаке выть. После этого слушали: где собака залает, — там и жених.

Спряденную "наотмашь" (от себя) нитку клали в блюдце с водой и смотрели, если она шевелится, то муж богатый будет.

В овине, завязав глаза, ловили овечек. Потом смотрели, какой масти пойманная овца, — такой и жених будет волосом.

Девки по очереди надевали на голову ведро и, раскружившись, падали. Куда головой упадет, — в той стороне и жених будет.

Иногда гадания сопровождалась коротенькими припевками. Например: "Кошовки бежат, на церковь глядят" — к скорой свадьбе. "На колышке два воробышка, куда взлетят, — туда полетят" — к дороге. "Конь прыщшет, бежит, домовых ташшит" — к скорой смерти. Эти песни-приказульки по сути дела усеченные варианты так называемых подблюдных песен. У нас они сохранились, например, в Верхотурском районе, где бытовали с названием "подночевные".

В начале гадания каждая из девушек клала в большое блюдо какую-нибудь свою вещь: кольцо, сережку, платочек. Потом блюдо накрывали платком, и одна из девиц, после исполнения песни, вытаскивала тот или иной предмет. Та, кому он принадлежал, по песне суди-

ла о предстоящей судьбе. Например, песня "На Новый год — соновый гроб. Жирово да жирово. Два клубочка под шесточком. Жирово да жирово" — сулила болезнь. Песня "Брошу подушечку через ворота. Жирово да жирово. Упала подушечка в зеленый сад. Жирово да жирово. На этой подушечке с милым спать. Жирово да жирово" — предвещала скорую свадьбу.

По мере приближения праздника Крещения (6 января), завершающего святочный цикл, основным элементом гаданий остановилась вода. Девушки делали колодец из лучинок, закрывали его на замок, а ключ клали в изголовье кровати, приговаривая: "Суженый-ряженный, приди ко мне воду пить". Кто во сне являлся за ключом — тот и жених. В проруби мочили косы и смотрели, если конец раздвоится, то в тот мясод быть свадьбе.

Парни тоже не отставали от девушек в попытке выворожить себе судьбу, но сведения о мужских гаданиях ныне весьма редки. Одно из них тоже было связано с водой. Накануне Крещения парни шли на реку, обходили "по солнцу" заранее заготовленную прорубь и три раза мочили в ней ногу. Не оглядываясь, шли домой и ложились спать в мокром носке: кто во сне придет его снимать, — та и суженая.

Тема "воды" доминировала в связи с двумя водоосвящениями — отличительной чертой этого праздника. Одно совершалось в храме, где крестили оглашенных, а второе — на реках, прудах, в колодцах — в память о том, что Христос крестился не в храме, а на реке Иордан. Заключительный обряд рождественско-крещенского цикла и получил в народе название "иордань".

На Среднем Урале "ердань" — прорубь, сделанную в виде чаши или креста, оформляли нарядно: речной лед расписывали красками, вокруг ставили свечи, покрывали прорубь ковром. На реку шли торжественным крестным ходом. Одеться старались понаряднее, особенно девушки, так как это были последние перед свадебным мясодом смотрины.

Невесты, наряженные и раздурянные, выстраивались вдоль "ердани". Каждая старалась подчеркнуть свои достоинства. Между невестами прохаживались парни в сопровожде-

нии матерей и выбирали суженую. И сами девушки старались узнать судьбу: слушали переключку мальчиков-подростков, поивших на "ердани" коней, пытаясь угадать имя будущего мужа. Кое-где на Урале священник прямо у проруби оглашал жениха и невесту, то есть те пары, которые успели составиться на святках. Этот обычай, по всей вероятности, имел древнюю основу, так как по церковному уставу оглашение молодых бывает в церкви, непосредственно перед венчанием. Кое-где известен обычай после оглашения и смотрин купать девушек в "ердани".

В Крещение — последний день святок — старались избавиться от нечисти, хозяйничавшей на святках. Те, кто ходил ряжеными, купались в проруби, смывая "личину беса". После церковного водосвятия шуликуны опять уходили в воду. Однако сохранялась опасность, что не все "нечистики" последуют их примеру. Поэтому в домах исполняли обряд "изгнания нечистой силы": парни на конях скакали по дворам и с криком били метлами и кнутами по углам и закоулкам. На всех окнах, дверях, в стайках, и амбарах углем ставили кресты, закрепляя нечисти.

Так заканчивались веселые, бесчинные святки и начинался не менее разгульный свадебный мясод. "Крест в воду — жених в гору", — говорили на Руси.

Материал нашего урока мы рекомендуем учителям и учащимся — для самостоятельного и классного чтения. Ребятам можно также предложить подобрать и проанализировать сказки, загадки, олицетворяющие стихию, связанные с народными календарными праздниками. Пусть расскажут об известных им приметах и обрядах, бытующих в семье, городе, деревне. Ведь тема "Обрядовая культура Урала" на этом конечно же не закрыта. Мы только начали ее. Для будущего учебника по истории Урала понадобится уральский материал и по другим календарным народным и христианским праздникам.

Письмайте. Самое интересное мы напечатает.

Пишите также свои замечания и предложения для будущих уроков.

Журнал "К"

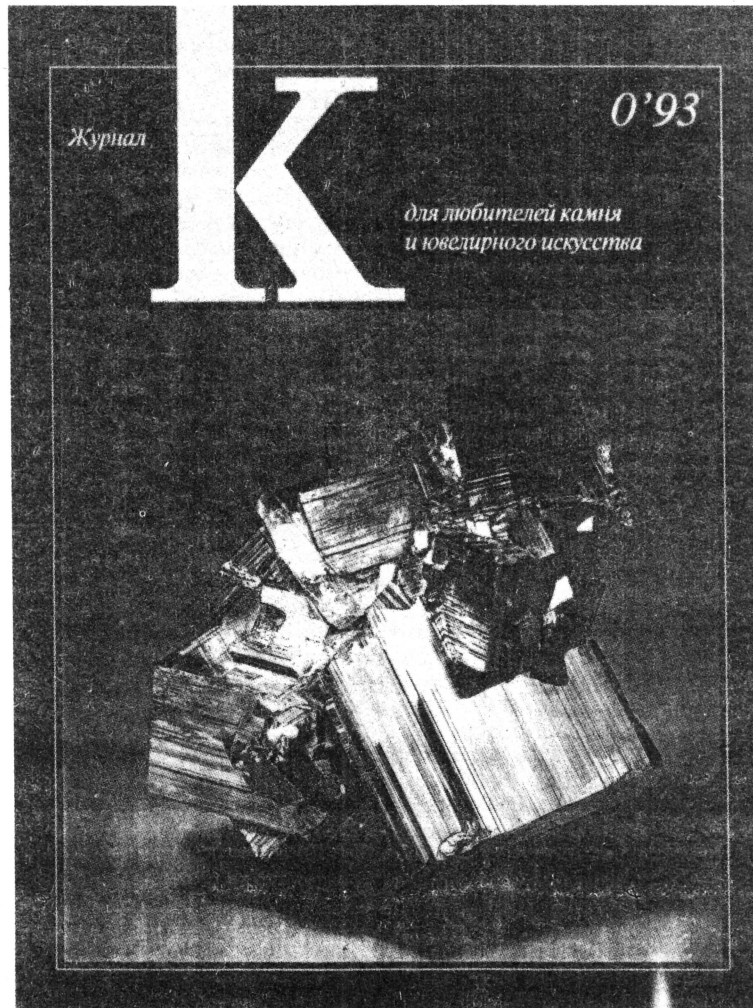
По словам создателей — это первое в России издание, адресованное тем, "кто хранит в душе чистую любовь к миру камня во всех его проявлениях: от простого природного валуна до изысканного самоцвета".

Первый заголовок — "Шайтанский переливт". Читаем увлекательный рассказ о великолепном уральском камне. Авторы — кандидаты геолого-минералогических наук Татьяна Глазова и писатель Спартак Ахметов. Кстати, давний автор нашего журнала. Очерк украшают две цветные фотографии. Сельский вечерний пейзаж и отшлифованный срез куска переливта — камень и человек соперничают в искусстве изображения.

В минералогическом музее Московского геологоразведочного института хранится каталог коллекции надворного советника А. Роздеришина, в котором им описан примечательный самоцвет: "Капельноватый, с зеленой и белой поверхностью халцедон, имеющий в некоторых местах блестящую поверхность, в двух верстах от Шайтанки открыт мною... на самой поверхности земли"...

Речь идет о шайтанском переливте и об открытии уникального месторождения этого самоцветного камня севернее Екатеринбурга, вблизи деревни Шайтанка. Авторы знакомят читателей с исследованиями новых свойств этого минерала.

Сердце каждого любителя камня

не останется равнодушным при чтении заметки под заголовком "Ажартас" кандидата геолого-минералогических наук из Алма-Аты Феликса Ибрагимова. В переводе с казахского "ажартас" означает — прекрасный. Рассказывается об уникальном пейзажном халцедоне.

Как невозможно описать словами шедевры искусства, созданные великими мастерами, пишет автор, так не хватает слов и образов, чтобы рассказать, что тат в себе картины, открывающиеся в казахском

пейзажном халцедоне. Природа нарисовала в камне туманное утро в горах, зимние сосны, задумчивую лесную речку...

Рубрика "Новые минералы" знакомит с открытиями последних лет на Кольском полуострове и в Якутии, в Бразилии и Канаде, Африке и Австралии...

В разделе "Библиотека" представлены книжные знаки геологов.

Под рубрикой "Мастерская" доступно и просто рассказывается о том, как организовать рабочее место, как изготовить алмазное сверло и т. д.

Среди авторов журнала — коллекционер минералов и ювелир Дон Эдвардс из Англии. Он возродил некогда процветавшее искусство инкрустации на камне, родственное флорентийской мозаике. Об этом и пишет.

Инициатором издания журнала "К" стал екатеринбургский знаток и коллекционер камня Владимир Пелепенко. Он утверждает, что это еще одна возможность по-настоящему понять значение российского и в частности уральского рынка камня. В это непростое путешествие и зовет нас волшебная буква "К".

Купить новинку можно в Уральском геологическом музее в Екатеринбурге.

Михаил СИДОРОВ

Юрий КОРОТКОВ

СПАС — ЯРОЕ ОКО

Когда он, взмокший до нитки, в налипшей на лицо хвое и паутине, дотащился до села, ото всех изб с воем кинулись бабы и девки, поднятые криком ребятишек, потом подоспели мужики, приняли у него бесчувственного Еремея и внесли в избу, уложили на лавки. Изба полна была народом, волокли корчаги с чистой водой, чтобы омыть рану. Неждана, белая, с отхлынувшей от лица кровью, стояла подле на коленях, держа в руках ладонь Еремея.

Привели под руки Арину, страшную старуху-знахарку, поднявшую весной Бегуна с Рублем. Она велела зажечь свечи и распарить принесенные ею травы и коренья, потом махнула сухой рукой, чтобы все вышли.

— На море на Океяне, на острове Буяне лежит белгорюч камень Алатырь, — забормотала она, — на том

Окончание. Начало в № 1, 1994.

камне Алатыре сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, зашивает раны кровавые. Булат прочь отстань, а ты, руда, течь перестань...

Народ столпился у крыльца. Бегуна ни о чем не спрашивали: медвежьи отметины видели не раз и сразу опознали. Бабы принесли и ему воды отмыться от чужой крови.

Бегун нашел глазами Неждану — она стояла поодаль от всех, глянула на него сквозь слезы и опустила голову.

Бегун и Лева парились в маленькой Еремеевой баньке. Пар был так густо настоян на травах, что поначалу и вдохнуть было невмочь.

— А-а-а! — истошно орал Лева, орудуя березовым веником, то исчезая в пару, то неясно проявляясь снова. — Ага-га-га-га!! Вот что я тут люблю — единственное — так это баньку! Рубят фишку в этом деле, сволочи!

Бегун на прилавке растирался травой.

— О-осень! Золотая о-осень!.. — пел в животном восторге Рубль. — Скоро болота ста-анут!.. И возьмем мы Ярое Око! И пойдем к едрени ма-атери!..

— Нет, Лева, — сказал Бегун. — Даже если пойдем, то ничего не возьмем. С миром пойдем.

Рубль явил из густого пара удивленную физиономию. Недоверчиво присмотрелся к нему: не шутит ли?

— Ты что, Бегун?.. Ты серьезно?.. А для чего мы сюда перлись? На экскурсию? Ты же сам меня сюда потащил! Мы чуть не сдохли с тобой! Чего ради?.. Это ведь не у меня долги в Москве — у тебя! Доска лимон гринов стоит!

— Здесь у нас другая цена, Лева, — покачал головой Бегун. — Она деньгами не меряется.

— Это попова внучка тебя в веру обратила?

— Я и раньше верил...

— Вот только не надо этого фуфла! — заорал Рубль. — Ненавижу вот эту брехню! Ненавижу, когда на "мерседесах" баб своих, бывших валютных блядей, крестить возят! Когда президент со всей своей сворой в храме стоит, ручку патриарху целует — тошнит меня! Когда про веру врут — тошнит меня, тошнит! Э-э, — Рубль сунул два пальца в рот. — Я тоже крещеный! Я тоже верю! Верю, Господи! — перекрестился он. — Только не в дедушку на облаке! Верю, что есть высшая сила, мировой разум, который не даст нам сдохнуть от радиации, от СПИДа, от придурков-политиков! Верю! Только Бог у нас разный! Я напрямую верю — туда! — указал он в низкий потолок, увешанный гроздьями крупных капель. — Без досок и продажных попов! Я три курса МИФИ закончил, пока с досками не закрутился, — не знал? Думал, Лева Рублем родился? "Теория расщепляющихся материалов"! Я знаю, из чего этот мир состоит, каждый вот этот листочек — и как все это в пыль может разлететься! Что же, у меня с этими папусами один Бог?

Бегун плеснул воды на камни. С трескучим шипением рванулись клубы густого пара, заволокли баню.

— Сваришь! — Рубль упал на пол.

— Бог один у всех, — сказал Бегун.

— Ага. "Этого не может быть, потому что не может быть никогда". Больше сказать-то нечего... Слушай, ну не мне же тебе объяснять. Мы ведь доски не крали, мы их спасали! — решил подойти с другой стороны Рубль. — Погибли бы все, к чертовой матери, на чердаках и в сараях. А так люди на них смотрят. Пусть не здесь, пусть в Америке, хоть в Занзибаре — главное, есть они! Ты же художник, едрена корень, ты же больше меня понимаешь. Такая красота в болотах пропадает! Неужели ты не хочешь, чтобы ее люди увидели?

— Не в доске красота, — сказал Бегун. — Ты лица у них видел, когда они молятся? Вот где красота.

— Мой Спас! — исчерпав все аргументы, заорал Рубль. — Не отдам! Я за него муки принял!

— Еще примешь, — захохотал Бегун и, пригнувшись к полу, снова плеснул воды.

Рубль с воплем, лбом выбив дверь в густом тумане, вылетел из баньки и заплясал по заиндевелой траве, голышом на виду у села, источая пар от красной обваренной кожи.

Еще не ударили морозы, октябрь понемногу выхолаживал землю, сковал ручьи и болота и только потом уже накрыл снегом; изо рта валил пар, но воздух еще не жег щеки, а охлаждал, напоминая, что дело к зиме.

Когда стемнело, Бегун оделся и вышел из дому. Как обычно, он не пошел напрямки, по пробитым в снегу тропам, а воровато обогнул село кругом, по лесу, глубоко проваливаясь в сугроб. Собаки не приучены тут были сторожить от людей, встречали молча.

В поповском доме тускло светилась лучина за промасленным холстом в окне. Бегун встал за овином, осторожно поглядывая из-за угла, в который уже раз радостно удивляясь тому, что вот через двадцать с лишним лет угораздило снова торчать под окнами и томительно ждать свидания, считать минуты и гадать; выйдет ли она или погаснут окна, и опять придется ему, уставшему от ожидания до дрожи в руках, — будто камни таскал — плестись обратно.

Стукнула дверь, с крыльца сошел Еремей и зашагал через село к себе. Чуть погодя раздался скрип снега под ногами — Неждана в наскоро повязанном платке, в заячем полушубке бежала к овину. Свернула за угол, налетела в темноте прямо на него, вздрогнула и даже вскрикнула тихо. Бегун схватил ее, прижал к себе, стал торопливо целовать холодные щеки, волосы над упавшим на плечи платком.

Неждана оттолкнула его и отступила на шаг, глядя испуганными круглыми глазами.

— Что ты?.. Грех-то какой!.. Никогда так не делай, а то не приду больше!

— Не буду, не буду...

— Господи... — она прижала ладони к пылающим щекам, укоризненно качая головой. — Батюшка угадает, спросит, а я соврать-то не смогу!

— Еремей приходил?

— Да... Жалко мне его. И стыдно... Сидит, молчит и глаза прячет. И я посмотреть не решаюсь. Так и сидим... Угадал, наверное, — следы-то нетрудно прочесть, — указала она на глубокие следы Бегуна. — А не дай Бог, Петр узнает — убьет или тебя, или меня...

— Ты моя, Неждана... — Бегун осторожно, чтобы не испугать снова, провел рукой по ее тяжелым шелковым волосам. — Я думал — жизнь кончилась, что было, то было, а больше ждать нечего. А Бог такую неожиданную радость дал...

— Не будет нам радости, — Неждана была расстроена сегодня, в голосе дрожали слезы. — Я давеча гадала на зеркалах: два зеркала напротив поставила, две

свечи зажгла, а не увидала — ни тебя, ни Еремея, ни другого... Видно, в чернички¹ мне идти написано...

— Да в ваших зеркалах и себя-то трудно увидеть, — засмеялся Бегун.

— А батюшка нынче опять Еремею про свадьбу говорил, — не слушая, продолжала она. — Сватов велел на той неделе слать... Не знаю я, что мне делать... — она всхлипнула. — Лучше б не приходил ты к нам, лучше б я тебя не встречала...

— Послушай, Неждана, — сказал Бегун. — Помнишь, ты говорила, как двое перед церковью, при всем народе, взялись за руки и батюшке в ноги упали? Завтра Казанская² — давай и мы с тобой, как народ соберется...

— Нет! Нет, что ты! — она испуганно замотала головой.

— Зачем мучить друг друга! Лучше сразу все решить.

— Нет! Нет! Нет! Он нас не благословит! — Неждана даже отступила к дому.

— Это честно будет, и пред людьми, и перед Богом. Чем вот так прятаться, как два вора! Ты же сама говоришь — Еремей угадал, а значит, скоро все узнают... Не благословит — пойдешь замуж за Еремея, а я тебе на глаза попадаться не буду...

— Не решусь я, при всех...

— Я сам к тебе завтра подойду, — настаивал Бегун.

— Вышел кто-то, — обернулась Неждана к дому. — Идти мне надо...

Бегун удержал ее за руку.

— Сговорились? Как все перед церковью соберутся...

— Петр! — ахнула Неждана. — Пусти, увидит! — она отчаянно рванулась.

— Сговорились? Не испугаешься в последнюю минуту?

— Хорошо, будь что будет... — тихо сказала Неждана. Бегун отпустил ее, и она, наконец, побежала к дому.

— Где тебя носит на ночь глядя? — грубо спросил Петр.

— В овин ходила, сена ягнтям дала...

Петр прошел дальше, встал в шаг от Бегуна, прижавшегося за углом, подозрительно огляделся и пошел обратно.

Вернувшись домой, Бегун запалил лучину и сел, глядя на пляшущий огонек, улыбаясь. Услышал вдруг, что руки пахнут Нежданой — терпким настоем из березовых почек, которым озерские девки мыли волосы, — и прижал ладони к лицу. Потом перенес лучину на лавку в угол, чтобы осветить икону, и встал на колени.

— Господи, — сказал он. — Вот он я, грешный. Ты знаешь, я суетно жил, все бежал куда-то, чего-то искал, и не понимал, что ищу тебя, Господи. И вот я снова такой, каким ты меня явил на этот свет: с чистой ду-

шой, беспомощный, и весь в твоей власти. Господи, я никогда ни о чем тебя не просил, сейчас в первый раз прошу: помоги, Господи, яви завтра свою милость...

Распахнулась дверь, ударил холодный сквозняк и загасил лучину. В сараюшку ввалился Рубль, промерзший, с заиндевелой бородой.

— Хватит лучину жечь — двадцатый век на дворе! — заорал он. — И сказал Лева: да будет свет. И стал свет! — он включил мощный фонарь. Жесткий электрический луч прорезал таинственную полутьму, осветил ключья мха, торчащего меж неровно тесанных бревен, потрескавшиеся тусклые краски на иконе.

Бегун поднялся и сел за стол, по-прежнему покойно улыбаясь в пространство. Рубль озадаченно глянул на него, вытащил сигарету, шикарно прикурил и пустил кольцо дыма ему в лицо. Бегун не реагировал.

Лева протянул ему пачку, Бегун взял сигарету и тоже закурил. Рубль терпеливо ждал. Бегун несколько раз затянулся — и вдруг выхватил сигарету изо рта, изумленно глянул на нее и на сияющего Левку:

— Откуда?

— Ну наконец-то! — поклонился Рубль. — Пронснулся, слава Богу! С добрым утром вас!

— "Буран" нашел? Как?

— Как?.. — усмеялся Лева. — Я неделю уже с утра до вечера по лесу бегая, пока ты тут мечтаешь!.. Я еще тогда, весной, подумал: не может быть, чтоб далеко было, — взахлеб стал объяснять он. — Еремей, конечно, здоровый мужик, но сколько он нас двоих на себе переть мог? Ну, я к старикам издалека подошел: бывают ли, мол, в этих краях природные катаклизмы? А они говорят — был вихрь лет десять назад, думали уже, Страшный суд начался, но он стороной прошел, много леса повалил. И показали, в какой стороне. Как болота стали, я двинул — всего-то пять часов идти. Не промахнешься — бурелом полосой лежит, как ни петляй, все равно к нему выйдешь. Я вдоль пошел, смотрю: стоит! стоит родимый! — радостно засмеялся Лева. — Только поржавел чуток, но у Потехина в прицепе и масло, и инструменты. Аккумулятор сел, так я снегу натопил — долил. Молился полчаса, боялся ключ повернуть, молился первый раз в жизни, чтоб завелось! Свечи на костерке прокалил, ввернул горячие — завелся! Завелся!! И зарубки твои на месте! — он изо всех сил лупил безучастного Бегуна кулаком по плечу. — Все! Конеч! Отмучились! — он вскочил и пнул столец, запустил в угол светильник с лучиной и заметался по дому, опрокидывая и круша все, что можно было свалить на пол. — Спасибо этому дому! Конеч, Бегун, свобода!! Вставай! По моей лыжне и ночью дойдем! Они к утру только очухаются — а мы уже далеко!

— Я не пойду, — сказал Бегун.

Лева замер на полудвижении, замахнувшись ногой, как в стоп-кадре.

— Ты что... свихнулся совсем?! Я же за тобой вернулся! Я сразу мог рвануть, уже на полпути был бы, а

¹ Черничка — монахиня, живущая в селе.

² Праздник Чудотворной иконы Казанской Божьей матери — 22 октября.

я пять часов обратно пилил!.. Ты в самолете уже все забудешь, как кошмарный сон. Это сон! — широко развел он руками. — Нет никакого Белого Озера, ни на одной карте нет!

— Есть, — покачал головой Бегун. — Даже если это сон — не хочу просыпаться.

— Неужели из-за девки этой?.. — растерянно спросил Рубль. — Ну так забирай ее! А не пойдет — свяжем, понесем. И делай с ней в Москве что хочешь, она тебе среди нормальных людей через три дня опротивит, это здесь у тебя... голова закружилась от свежего воздуха... Не обманывай себя! Ты же цивилизованный человек, ты понимаешь, что это чистый случай, что их до сих пор не обнаружили. Завтра или через год занесет сюда шальной самолет — геологов, пожарников, — и все! Налетят журналисты, ученые — и не будет твоего Белозера...

Это Бегун понимал, но старался не думать об этом. Большой мир время от времени напоминал о себе. В ясную погоду к северу видны были летящие на огромной высоте по транссибирскому коридору лайнеры. А однажды, собирая морошку, Бегун наткнулся на пустой подвесной бак, сброшенный истребителем.

— Нет, я тебя здесь не оставляю! — Лева обхватил его, пытаясь поднять. — Вставай, говорю!

Бегун засмеялся и обнял его, похлопал по спине.

— Спасибо, Лева... И не говори ничего больше, ладно? Ты все равно не поймешь. Мне хорошо здесь. Мне только Павла не хватает. Но я заберу его, когда смогу... А ты иди. И не торопись, а то заблудишься. Никто за тобой гнаться не будет... У меня только одна просьба — обещаешь? Не рассказывай никому. Забудь. Как сон... Ну, прощай...

Бегун проводил его до двери. Лева перешагнул порог, оглянулся последний раз и — будто провалился — исчез в ночной тьме.

Спозаранку, в тающих утренних сумерках озерчане собрались, как обычно в праздник, подле храма — бабы и девки в белых платках и телогреях, мужики в свежих рубахах под распахнутым воротом зипуна и кушаках. Выходили из домов семьями, чинно раскланивались.

Неждана стояла чуть поодаль от своих. Увидав Бегуна, она вспыхнула вся ярким румянцем, качнулась было, чтобы шагнуть навстречу, и не смогла двинуться с места, смотрела в глаза ему отчаянно и беспомощно.

Бегун медленно прошел сквозь толпу озерчан, машинально, не глядя кивая в ответ на поклоны, взял ее руку и двинулся к церкви. Ахнули кругом бабы, говор затих, озерчане расступились перед ними, оглядываясь на растерянного Петра и потупившего глаза Еремея. Бегун чувствовал, как дрожит у него в руке ладонь Нежданы.

Когда они приблизились, дверь церкви распахнулась и навстречу им шагнул, отец Никодим — темный лицом, со включенными седыми волосами. Неждана вздрогнула всем телом и попятилась. Отец Никодим глянул на них безумными невидящими глазами, ступил еще шаг и рухнул навзничь.

Озерчане, очнувшись, все разом кинулись подымать его со снега. Бегун выпустил руку Нежданы и бросился в церковь. Святые лики скорбно смотрели на него, замршего на пороге.

Посреди иконостаса, там, где висело Ярое Око, злое зиял черный бездонный провал.

Никто не обвинял Бегуна, никто его ни о чем не спросил, никто даже не глянул в его сторону, все стояли в скорбном оцепенении. Даже младенцы на руках матерей притихли. Потом мужчины собрались в круг со стариками, коротко посоветались. Еремей, Лука и Петр встали на лыжи и двинулись по свежему следу.

Бегун, наконец, очнулся. Он кинулся в избу, схватил свои гольцы. Последний раз оглянулся на молчащих озерчан, на белую, как полотно, Неждану и пошел за охотниками.

Те ходко, размашисто шагали гуськом, Бегун началу нагнал их, окликнул, но никто из троих не обернулся. Он какое-то время тянулся следом, затем стал отставать и вскоре совсем потерял их из виду, только слышал иногда звонкие голоса увязавшихся за хозяевами лаек. Не было нужды бежать очертя голову, надо экономить силы перед долгим переходом до Рысьего. Охотники спешили, рассчитывая настичь вора еще за светом, они не знали, что Лева нашел снегоход и сейчас, наверное, уже газует к поселку...

Как и ожидал Бегун, он увидел всех троих за буреломом, там, где кончался лыжный след и начиналась широкая гусеничная колея. Когда он подошел, переводя дух, Еремей махнул в сторону поселка и вопросительно кивнул.

— Завтра к вечеру доберется, — ответил Бегун. Еремей вильнул ладонью в воздухе.

— Не заблудится, — покачал головой Бегун. — Я оставлял зарубки, — он указал на сосновый ствол с вырубленной корой. — Он может выбраться из Рысьего только на самолете. Самолет летает два раза в неделю. Если повезет, мы еще застанем его там. Если нет — я полечу за ним. Я знаю, где его искать, я верну Спас, только доведи меня до Рысьего!

Охотники встали в кружок, голова к голове, отгородившись от него спинами, и долго шептались о чем-то. Бегун стоял в стороне, дожидаясь решения. Наконец они повернулись.

— Ты пойдешь с ним, — сказал Петр. — Вы будете вместе и не разойдетесь ни на шаг, никогда и нигде...

Помолившись перед дальней дорогой, Еремей первым двинулся по гусеничной колее. Лука и Петр долго смотрели им вслед, крестили в спину, потом повернули обратно к деревне...

Еремей шел в полную силу, не жалея его. Только когда Бегун совсем отставал, он сбавлял ход, переживал, нетерпеливо глядя через плечо. Суслон, как обычно, бежал далеко впереди. Время от времени он цеплялся за белку или птицу, долго лалял, удивляясь, почему хозяин не спешит на зов.

Уже в кромешной тьме Еремей свернул с колеи к

старой сосне, достал из глубокого дупла, закрытого от любопытного зверья чугунным котелком, солонину, сухари, скрученную в свиток бересту для костра и медвежью шкуру.

Они выкопали лыжами яму в сугробе и легли, завернувшись в шкуру, осыпав края ямы, чтобы укрыться снегом. Суслон улегся рядом. Еще затемно, задолго до рассвета, они поднялись и двинулись дальше.

Бегун потерял счет времени, он волочил налившися свинцовой тяжестью, стопудовые лыжи, иногда отключался — наверное, засыпал на ходу, — а когда, очнувшись, снова открывал глаза, видел вокруг все тот же безмолвный снежный пейзаж, а прямо перед собой спину неумоимого Еремея с винтовкой на плече, так что непонятно было, спал ли он час, сутки, или только на мгновение прикрыл глаза.

Отключившись в очередной раз, Бегун налетел на вставшего Еремея. Поперек колеи стояли сани от "Бурана", кругом валялись пустые канистры. Видимо, слив в бак последний бензин, Рубль освободил снегоход от тяжелого прицепа.

Задыхаясь от усталости, Бегун разевал рот, как выброшенная на берег рыба, и застудил горло ледяным воздухом. На третий день он стал покашливать, захрипел на вдохе, промок от горячего липкого пота, но молчал и, как робот, шагал за Еремеем. Встав на ночевку, Еремей напоил его каким-то отваром из трав, припасенных в каждом дупле-гайнике, раздел и растер жгучей мазью. Наутро Бегун поднялся, ослабший, но здоровый, и двинулся в путь...

Они вышли к Рысьему в сумерках. Под окнами гостиницы стояли три "Бурана", и среди них — знакомый потехинский без прицепа.

За столом, уставленным водкой, сидели хозяйка Елизавета, какой-то охотник с соловьиными глазами и уже набравший свою дозу, и сам Потехин.

— А вот и он! — радостно захохотал Потехин, увидав Бегуна. — А меня с зимовья вызвали — говорят, "Буран" твой приехал! А я уже другой купил! На хрена мне два? У меня жопа, конечно, здоровая, но все-таки одна! Ну, здорово! — он обляпил его, гулко хлопнул по спине. — А мы вас было похоронили. Неделю искали, Петрович все кругом облетел, но снег пошел — думали, замело вас. Садись, обмоем твоё воскрешение! За это пить надо, не просыхая, — считай, заново родился...

Елизавета, глядя на Бегуна круглыми глазами, как и вправду на пришельца с того света, подала новые стаканы.

— Нашел-таки свое Белозеро? Левка тут три дня пил, опомниться не мог, рассказывал... А, Еремей! — махнул он тихо вошедшему охотнику. — Так ты, значит, у нас в Белом Озере живешь? Кругом костра хороводишь? Десять лет знаем — хоть в гости бы позвал, девок ваших пощупать...

Бегун быстро глянул на мрачного Еремея.

— Какое Белозеро? — удивился он.

— Как? — опешил Потехин. — Деревня целая, все как ты и рассказывал тогда.

— Это Левка наплел, что ли? — засмеялся Бегун. — Это он к докладу в институте готовится. Деньги-то казенные просадили, отчитываться надо. Неплохо придумал!.. — он толкнул под столом Еремея, тот тоже изобразил подобие улыбки. — Болота, понимаешь, раскисли, вот и пришлось лето у Еремея пересидеть, пока опять станут... Ну, Левка! — покачал он головой. — А где он, кстати?

— Тут утром "Скорая помощь" прилетала. Парня нашего рысь подрала. Вот он его приволок, — кивнул Потехин на засыпающего охотника. — Места живого нет... Улетел с ними в Букачачу.

— Ты не знаешь, оттуда рейсы в Москву есть?

— По четвергам, вроде, пролетом из Хабаровска... Что там у нас сегодня? — глянул Потехин на стенной календарь с бронзовотельными японками. — Среда. Вот завтра и будет.

— А Петрович когда обещался?

— Тоже завтра. Сам жду — патроны привезет... Ох, и рад же я тебя видеть! — снова обнял он Бегуна...

Укладываясь в кровать под раскаты громового потехинского храпа, Бегун вдруг озадаченно глянул на Еремея.

— Погоди... А деньги? У нас же денег нет, даже до этой чертовой Букачачи. А если в Москву лететь?

Еремей спокойно кивнул и вышел. Он вернулся через час с тяжелым мерзлым мешком, припрятанным, очевидно, неподалеку в дупле, и вывалил на кровать гору денег: банковские пачки и просто перехваченные резинкой купюры.

— Откуда? — присвистнул Бегун. — Это что, остатки скопились?.. Да мы с тобой богачи!.. А царских нет? — засмеялся он, обнаружив дореформенные деньги. — Можешь выбросить, они уже лет тридцать не в ходу...

Теперь он понял, почему Еремей так снисходительно смотрел на грабителя-приемщика: и этих малых денег хватало с избытком, приходилось прятать остатки, чтобы не забивать торбу бесполезными бумажками.

"Кукурузник", задрав нос, замер на лыжах у берега. Пригибаясь под воздушными струями, бьющими в лицо ледяной крупой, Бегун втолковывал Еремее:

— Ну зачем тебе лететь? Жди меня здесь! Ты же не знаешь там ничего!

Еремей указал на него и на себя, поднял два пальца и плотно сжал: "будем вместе и не разойдемся ни на шаг". И без слов понятно было, что даже если придется спуститься в ад, он войдет следом.

— Ладно, поехали! — махнул Бегун. — Воздушной болезнью не страдаешь?

Петрович открыл дверь и передал Потехину ящик с патронами.

— Воскрес? — крикнул он Бегуну. — Сейчас вознесется!..

Когда самолет, разбежавшись по льду, поднялся, Еремей изо всех сил вцепился в скамейку, с детским

Оформление С. ГРИГОРЬКИНА

изумлением глядя на верхушки заснеженных сосен и стремительно уходящие вниз избы, на крошечную человеческую фигурку, машущую вслед.

На подлете к городу Петрович связался с аэропортом и показал Бегуну большой палец.

— Успели! — крикнул он. — Я попросил, чтоб вылет задержали. Вон стоит московский, — указал он вниз, на замерший у аэропорта лайнер. — С тебя причитается!

— За мной не станет! — Бегун хлопнул его по плечу. — Спасибо, Петрович! Жди обратным рейсом, с гостинцами!..

"Кукурузник" подрулил на лыжах к самому аэропорту. "Сто пятьдесят четвертый" с ураганным свистом продувал двигатели на рулевой дорожке. Еремей перекрестился, с ужасом глядя на чудовищную железную птицу.

— Вон он! — крикнул Бегун. Рубль с последними пассажирами неторопливо поднялся по трапу и исчез в самолете. — Бежим!

Он не считая просунул деньги в окошечко кассы:

— Два до Москвы!

— Паспорта давайте, — протянула руку кассирша.

Бегун опешил. За полгода он успел забыть, что на свете существуют такие необходимые вещи, как паспорт.

— Понимаете, девушка, — доверительно наклонился он к окошечку. — У нас нет паспортов. Но нам очень нужно улететь этим рейсом...

— Потеряли, что ли?

— Нет. Я костер им разводил, — честно признался Бегун. — А у него, — кивнул он на Еремея, — отроду не было.

— Что вы мне голову морочите! — кассирша бросила обратно деньги.

На счастье, в аэропорт вошел Петрович со вторым пилотом.

— Выручай, Петрович! — кинулся к нему Бегун. — Паспортов нет...

— Сделай, Люда, — кивнул тот кассирше. — Человек только из мертвых воскрес, не успел еще паспортом обзавестись...

— Ох, Петрович, подведешь ты меня под тюрьму... — покачала головой та, но все же выписала билеты.

У контроля их ждала стюардесса.

— Вы из Рысьего? Ну, наконец! Пойдемте, — она первой двинулась к выходу.

Но едва Еремей шагнул под арку металлоискателя, раздался пронзительный звонок. Он замер, испуганно вжав голову в плечи.

— Что у вас в карманах? — спросил милиционер. — Металл есть? Деньги? Нож? Часы?

Еремей провел руками по пустым карманам.

— Это крест! — догадался Бегун. — У него крест на груди!

— Снимите крест и пройдите снова, — велел милиционер. Но Еремей двумя руками вцепился в крест под рубахой.

— Сними! — умолял Бегун. — Пройдешь два шага, вот сюда — получишь обратно!.. Верующий человек, понимаете, — в отчаянии обратился он к милиционеру. — Не может он снять крест!

Милиционер категорически покачал головой.

— Без паспорта, да еще звенит! Может, он гранатами обвешан!

— Ну, знаете! — потеряла терпение стюардесса. — Вы тут разбирайтесь, а мы отправляемся. И так на двадцать минут задержали!

Бегун уныло смотрел, как самолет, оставляя дымный форсажный след, круто уходит в небо.

— Через пять часов Спас будет в Москве, — сказал он Еремею. — А мы, по твоей милости, будем неделю на поезде трястись.

Он взял билеты в спальный вагон — деньги позволяли, а главное, надо было оградить Еремея от любопытства попутчиков. В привокзальном магазине купил городскую одежду себе и Еремею и продукты в дорогу.

В купе он переоделся и разложил перед охотником джинсы, свитер и куртку-пуховик.

— Надевай.

Еремей брезгливо глянул на яркие шмотки и покачал головой.

— Ты что, в шкурах по Москве гулять собираешься? За тобой люди будут толпами ходить и пальцем показывать! Тебя первый же милиционер заберет, потом месяц будут выяснять, кто ты и откуда, почему у тебя паспорта нет, и не увидишь ты больше Спаса! Надо быть незаметным, понимаешь? Чем меньше на нас будут обращать внимания — тем лучше.

Еремей поколебался, нехотя стал переодеваться. Под исподней рубахой ниже креста Бегун увидел тяжелый кожаный кошель.

— А это что?

Еремей достал кошель и высыпал на ладонь патроны.

— Да-а... — протянул Бегун. — Хорошо хоть не обыскали в аэропорту... Красавец, хоть куда! — оценил он джинсового Еремея, застегнул ему молнии и липучки и подтолкнул к зеркалу. — И прическа модная — русский стиль!

Поезд тронулся и застучал колесами по стрелкам.

— Теперь слушай... — Бегун усадил Еремея напротив. — Я уважаю твой обет, но мы с тобой попали в сложную ситуацию. Мне нужно, чтобы ты говорил. Хотя бы иногда. Когда мы вернемся в Белозеро, ты снова будешь молчать, но сейчас мне нужно слышать твой голос. Я не собираюсь с тобой лясы точить, мне нужно, чтобы ты мог спросить что-то или ответить, понимаешь?

Еремей молча смотрел на него.

— Мы едем в Москву, ты не представляешь, что такое Москва! — повысил голос Бегун. — Ты многого не

понимаешь, а я не пойму, чего ты не понимаешь! Если ты хочешь, чтобы мы нашли Спаса и вернулись, ты должен говорить!.. Если бы ты спросил отца Никодима, он сказал бы тебе то же самое!.. Ну, скажи, что ты меня понял!.. Спроси меня что-нибудь!!

— Ты теперь без уменяку будешь так орать? — спокойно спросил Еремей.

Все пять дней пути с утра до ночи Еремей молча сидел у окна, глядя на неведомый мир. Смотрел без любопытства, спокойно, исподлобья, как лазутчик в стане врага. Если бы на его месте оказались Лука или Петр, ни разу в жизни не покидавшие Белозера, все было бы сложнее. Еремей же видел в Рысьем самолет и снегоходы, электрический свет и радио и множество других неизвестных озерчанам вещей. Поражали его только масштабы — Чита и другие большие города, многоэтажные дома, бескрайняя гладь Байкала, а особенно людские толпы, скопление случайных людей в одном месте. Он не сразу осознал, что в их поезде, в этих избах на грохочущих железных колесах, живет в десять раз больше народу, чем во всем Белозере, и все эти люди случайно оказались вместе и вовсе не знают друг друга.

Бегун тоже смотрел на мир за окном и невольно видел его глазами Еремея. Он так же, как и Еремей, забеспокоился, увидав Красноярск, накрытый ядовитой мглой, и сотни труб, исторгающих бурый дым; так же тоскливо проводил взглядом бесконечное кладбище кораблей на берегу Оби, сквозящее ржавыми скелетами; пережил смертный ужас, когда проезжали нефтяные края за Волгой и до горизонта раскинулась мертвая степь, оплетенная щупальцами нефтепроводов, и тысячи качалок размеренно задвигали стальными локтями вверх и вниз, без усталости высасывая сок из земли; так же истово перекрестился за Сызранью, учуяв просочившийся в вагон сатанинский серный запах от перегонных заводов...

Но в отличие от Еремея Бегун понимал, что самое страшное еще впереди — Москва.

Поезд подошел к Казанскому вокзалу рано утром. Он долго тащился по лабиринту подъездных путей мимо закопченных пакгаузов, товарных станций с колченогими козловыми кранами. Здесь еще не было снега — неуютное, безнадежное предзимье, редкие деревья тянули голые, будто обгорелые ветви к низкому небу. Серая вязкая дымка висела над городом, обволакивая шпиль высотки у трех вокзалов.

Бегун и Еремей стояли в тесном тамбуре за спиной мрачной проводницы в черном форменном пальто. Бегун сочувственно глянул на охотника — тот молился, прикрыв глаза, прося Господа дать силы в грядущих испытаниях. Вонючий тряский вагон хоть как-то связывал его с Белозером, теперь ему предстояло сойти прямо в царство Антихриста.

Испытания начались с первого шага. Был час пик, тысячи злых, невыспавшихся серых людей перли с при-

городных электричек плечом к плечу, навстречу с матом ломались носильщики с грохочущими тележками, кто-то лез поперек, волоча отставший чемодан, тысячи ног шаркали по асфальту, над головами гремела в динамиках неразборчивая скороговорка, с площади ревели клаксоны машин.

— Держись крепче! — крикнул Бегун.

Толпа вынесла их на площадь. Здесь опаздывающий на поезд мужик с безумными глазами вклинился между ними и разорвал их руки. Еремея закружило в людском водовороте и выбросило на дорогу. Отъезжающее такси рывнуло на него в упор. Вместо того, чтобы отступить обратно на тротуар, Еремей кинулся дальше, чудом выскочил из-под колес другой машины. Мгновенно образовалась пробка, Еремей в ужас метался между раскалываемых рычащих капотов, потом воздел руки к небу и, крича неслышимую в визге тормозов и реве сигналов молитву, упал на колени на дрожащий асфальт. От светофора пробивался к нему постовой. Бегун, расталкивая людей, лавируя между машин, успел раньше, схватил его за руку и потянул к метро.

Воздух, насыщенный выхлопами, осязаемо струился, перетекал над площадью, колыхал очертания зданий, как миражи. Еремей задышался. Они спустились под землю. Перед эскалатором, глядя в уходящий вниз бесконечный тоннель, он обреченно спросил:

— Я должен сойти туда?

— Только не стой — затопчут! — Бегун втащил его на зыбкие ребристые ступени.

С грохотом вылетел из черного провала поезд. Бегун вдавил Еремея в переполненный вагон и втиснулся следом, выдохнув, прогнувшись, чтобы дверь закрылась сзади.

Замелькали огни в кромешной тьме за окнами. Еремей осторожно оглядывался по сторонам. Мертвые люди окружали его. Они безжизненно колыхались в такт движению, глядя в пространство пустыми плоскими глазами, с расслабленными, ничего не выражающими лицами. Парень и девка застыли, обнявшись, они смотрели друг на друга в упор, но не видели друг друга. Мать сидела с полукроткрытым ртом, как уснувшая рыба, окаменевший младенец у нее на коленях таратил немигающие глаза, выронив пустышку...

Во дворе те же мужики сидели за столом и забивали козла с той же, кажется, костяшки, которой замахнулись полгода назад. "Единичка" так же стояла у подъезда, за лето она покрылась толстым слоем пыли и копоты и превратилась в доску объявлений: "Лялька! Мы ушли в кино!", "Матюха — козел!", "Ельцину — нет!", "Цой жив!". Шины спустили, колеса стояли на ободах и казалось, что машина вросла в асфальт.

Комната была опечатана.

— Быстро у нас из жизни вычеркивают! — Бегун разорвал бумажку с печатью, нашарил на притолоке ключ и открыл дверь.

На полу лежали подсунутые под дверь два тетрадных листа с крупными детскими буквами:

"Папа! Мама говорит, что ты умер, но я знаю, что ты скоро вернешься. Приезжай скорее и забери меня у них! Павел". Адрес. Телефон. "Я жду тебя и всегда первый поднимаю трубку".

"Папа! Где же ты! Они увозят меня 28 октября! Если ты не успеешь, приезжай за мной в Америку". Адрес по-английски: Лос-Анжелес, штат Калифорния...

Бегун глянул на электронные часы-календарь на столе: 27. 10. 9ч. 30 мин. Достал из стола ключи от машины, документы.

— Жди меня здесь, — велел он Еремею. — Никуда не выходи, никому не открывай...

— Я пойду с тобой, — спокойно ответил Еремей.

— Только тебя мне там не хватало! — досадливо сказал Бегун, он сходу включился в бешеный ритм московской жизни, его раздражала обстоятельная медлительность Еремея, как тому докучала суета Бегуна в лесу. — Не надо, чтобы тебя видели, понимаешь? Я вернусь через два часа!

Еремей решительно помотал головой. Понятно было, что спорить бесполезно, он не отпустит Бегуна ни на шаг.

— Черт с тобой, — сдался Бегун. — Только учти: ни одного движения без моей команды. Что бы я ни делал, что бы ни говорил, как бы ни врал — молчи! Здесь я охотник...

У Левы была гульба в разгаре, пьяный галдеж, визжали девки. Бегун звонил минут пять, пока его, наконец, услышали. За дверью раздались нетвердые шаги, Лева, с бритой физиономией, в прихваченной в Белом Озере бисерной коруне набекрень, распахнул дверь. Не успел Бегун сказать слова, как он с радостным воплем кинулся обниматься, мусолить его мокрыми губами:

— Бегун!! Вырвался! Ну, с возвращением! А я уж правда решил, что ты спятил, с концами увяз. Экспедицию хотел собирать, тебя спасать! А я неделю пью, все поверить не могу, что вернулся. На унитаз сажусь — от счастья плачу! — Рубль действительно смахнул пьяную слезу. — Еремей! — захохотал он, увидав охотника. — И ты деру дал! Ну, молодец! Поживешь, как нормальный человек! — он облапил Еремея, дыша горячим перегаром. Тот стоял неподвижно, играя желваками, готовый, кажется, задушить Рубля на месте. Лева, к счастью, был слишком пьян и счастлив, чтобы заподозрить неладное. — А я рассказываю — не верят! Ни одна сволочь не верит! Смеются! Пойдем, — потащил он их в комнату, — подтвердите, что Рубль не врет!

— Погоди, — остановил его Бегун. — Где Спас?

— Вот это правильно, — поднял палец Лева. — Вот теперь я тебя узнаю! Сначала — дело... — покачиваясь, он провел их на кухню, вытащил из морозильника окаменевшую курицу и достал из потрошенного брюха пакет с деньгами. — Ну, ты Царевича знаешь, не мне тебе рассказывать. Доску увидел — чуть с копыт не упал. А как до бабок дело дошло — началась тряхомудия. Полдня торговались. Доска миллион гринов тянет,

а он едва полтинник отслонил. Но и таких бабок больше ни у кого не возьмешь. Ты, может, лучше бы сдал, но кто же знал, что ты так быстро появишься. Это твоя доля. Долги твои Царевич списал, и вот еще десять штук осталось. Посчитай — ни грина твоего не потратил, лежали, тебя дожидались...

Бегун вытащил из пакета пачку смерзшихся долларов. Глянул на молчаливого Еремея.

— Что, продешевил? — виновато спросил Лева.

— Все нормально, — кивнул Бегун. Помолчал, быстро соображая, что делать дальше. Случилось худшее из того, что могло случиться. Он не представлял, как вырвать икону из рук Царевича — с его оловянными солдатиками и квартирой, больше похожей на банковский сейф. — Слушай, Рубль, у тебя на оружейников концы есть? Пушку можешь достать? С глушителем.

— Зачем тебе?

— Надо. Только быстро. И чтобы не старье, не с Крымской войны, понял? Патронов — штук двадцать.

— Знаешь, сколько потянет? — Рубль присвистнул и начертил в воздухе несколько нулей.

Бегун на глаз отделил от пачки четверть и бросил на стол.

— Хватит? Что останется — тебе комиссионные. Вечером заеду, возьму... — он двинулся было к двери, остановился и взял Рубля за плечо. — И вот что, Лева... Ты нас не видел, договорились? И сам сиди тихо.

— А что такое? — насторожился Рубль.

— Белозерцы гонцов послали. Охота на тебя, Лева, — сочувственно сказал Бегун. — Это, Лева, не менты и не чекисты, у них разговор короткий. Помнишь, как они соболя в глаз бьют? Вот так же и тебя завалят. Сидишь ты, пьешь водку — дзынь! Дырочка в окне, а пуля у тебя в черепе, — он постучал Рубля по лбу, снял коруну и отдал Еремею. — Может, завтра, может, через год. Жди... Я ведь предупреждал тебя, Лева, что воровать нехорошо, а из храма — совсем грех. Ярое Око — оно все видит. Так что кончай праздновать, начинай поминки...

Рубль проводил их растерянным взглядом. Вдруг сообразил, что стоит у окна, как на ладони, пригнулся и кинулся задвигать шторы.

— Где Спас? — спросил Еремей, когда они сели в машину.

— Ушел в другие руки, — Бегун завел мотор. — Опоздали, теперь все сложнее будет.

— Ты взял тридцать сребренников? — Еремей покопался в сумку с деньгами.

— Чуток побольше, — усмехнулся Бегун. — За эти бабки полцарства иудейского купить можно... Они нам пригодятся, — уже серьезно сказал он.

Он свернул к старому Арбату и остановился у телефона. Набрал Димин номер — там включился автоответчик, Бегун не дослушал слащавую скороговорку, перезвонил в офис:

— Это фирма "Антиквар"? Дмитрия Алексеевича можно?.. А когда будет?..

Еремей бдительно стоял рядом. Глянул в сторону — и остолбенел: на стеллажах, на приступочке под стеной, прямо на асфальте стояли и лежали иконы, сотни икон всех размеров, от церковных до карманных складней. Святые скорбные лики мелькали за шагающими ногами, светились в витрине антикварной лавки. Пестрая толпа текла мимо, кто-то приценивался, придиричливо царапал ногтем кракелюр, продавцы деловито пересчитывали деньги.

Еремей шагнул ближе, приглядываясь, ища Ярое Око. Вдруг над его плечом протянулась громадная черная пятёрня, схватила Богоматерь. Еремей медленно поднял глаза на угольное лицо негра и с воплем шарахнулся, крестясь, сбив треногу уличного художника.

— Эй, дядя, закурить будет?

Еремей обернулся — две наголо стриженные пацанки в кожаных куртках с цепями и металлическими черепами, с густыми черными тенями вокруг глаз сонно смотрели на него.

— Эй, дядя... Торчишь, что ли? — одна поводила у него перед лицом ладонью. — Врубайся!

Еремей увидал у самых глаз длинные острые кроваво-красные ногти и замер, готовясь принять мученическую смерть.

— Чего пялишься? Понравилась? — другая хлопнула подругу по заду. — Купи, продается!

Девки оживились, радуясь неожиданному развлечению, одна задирала короткую юбку, выставляя тощею бедро, другая тыкала в Еремея "козой".

— Сгиньте, исчадия! — Еремей зажмурился, слабо сопротивляясь. — Господи, Иисусе Христе, помилуй мя...

Бегун вышел из будки, мимоходом развернул обеих за плечи и проводил пинком в зад.

— До ночи не появится, — озабоченно сказал он. — Поехали, у меня свои дела еще есть...

У школьных ворот дорогу им преградил дюжий охранник:

— Ваши пропуска?

— Мне сына повидать.

— Свяжитесь с начальником охраны, — предложил тот, протягивая рацию.

Бегун отошел и свернул в соседний двор. Воровато огляделся и перемахнул через забор. Еремей следовал за ним.

В просторном спортзале старшеклассницы играли в теннис. Еремей глянул на плещущие над загорелыми ногами юбки и торопливо отвернулся.

В школьных коридорах было безлюдно. Бегун приоткрыл одну дверь — оттуда слышалась английская речь, другую, — там бурлили в колбах какие-то реактивы, третью — Еремей заглянул ему через плечо, столкнулся взглядом с пустыми глазницами скелета и кинулся прочь, плюясь через левое плечо.

— Тихо, — цыкнул на него Бегун.

В следующем классе малыши застыли перед компьютерами, полукругом перед учительским столом. Павел

сидел с краю. Бегун пригнулся, чтобы не заметил учитель, скатал бумажный шарик и бросил в сына. Тот обернулся, нахмурившись, — и радостно распахнул глаза. Бегун прижал палец к губам.

Павел глянул на учителя, повернул монитор, чтобы видно было отцу, и крупно написал: "Я знал, что ты придешь!!!" Бегун поманил его к себе.

— Виктор Николаевич, можно в туалет? — спросил Павлик.

— Пять минут до конца урока, Дэвидсон, — ответил учитель.

"Жди меня на крыльце", — написал Павлик.

После звонка он вылетел на крыльцо и повис на шее Бегуна:

— Я тебя так ждал, так ждал! Какая у тебя борода смешная! Где ты был так долго?

— А ты уже Дэвидсон? — усмехнулся Бегун.

— Они забрали меня сразу, как ты уехал. А потом мама сказала, что ты умер, что так и должно было случиться, рано или поздно, и они поменяли мне фамилию, а завтра мы улетаем навсегда. Ты не отдашь меня, правда? Теперь я снова буду Беглов?

— Слушай, Павел, — сказал Бегун, отстранив его. Мимо носилась взад и вперед шумная ребятня, налетая на них. — Я тоже завтра уезжаю, очень далеко. И тоже навсегда. Ты уже взрослый человек, и ты сам должен решить...

— Я с тобой! — замотал головой Павел.

— Там, куда я еду, совсем не так интересно, как в Америке.

— Я с тобой!

— Подожди. Я еду в маленькую деревню, и, может быть, мы никогда уже не вернемся в Москву.

— Куда угодно, только с тобой!

Бегун снова обнял его.

— А вон и мама, — сказал Павлик, глядя ему через плечо. — Пойдем, скажем ей!

У ворот стоял вишневый "мерседес". Лариса шла по дорожке к крыльцу, еще не видя их. Бегун схватил Павлика за руку и кинулся обратно в школьную дверь, по лабиринту коридоров к черному ходу. Еремей бежал за ними.

— А почему через забор? — удивился Павлик.

— Так ближе, — Бегун подсадил его, перелез следом. Едва он спрыгнул на землю, на него навалился охранник, умело выкрутил руку за спину, прижимая к земле.

— Уйди, гад! Это мой папа! — Павел молотил его по спине маленькими кулаками.

Охранник, держа Бегуна одной рукой, поднес к губам рацию.

— Помогите! — крикнул Бегун застывшему в растерянности Еремею. Тот оглянулся — рядом стояли грабли на длинной ручке с двурогой развилкой у гребенки. Еремей наступил ногой на гребенку и оторвал ее, одним взмахом поймал охранника развилкой за горло и завалил навзничь, глубоко вогнав рога в землю. Тот захрипел, разевая рот, выкатив глаза, судорожно пытаясь освободиться.

— Здорово! — крикнул Павел. — Он, гад, всем улыбается, а когда никто не видит, девчонок хватается за что нельзя!

Бегун прыгнул в машину, предусмотрительно оставленную поодаль от ворот.

— Знакомься, Павел! — сказал он, заводя мотор. — Это Еремей. Он сначала покажется тебе странным, но он классный парень!

— Разве мы не поедem домой? — удивленно спросил Павлик, оглядываясь.

Бегун давно уже кружил по переулкам в Центре.

— Домой нам нельзя. Я думаю, твоя мать подняла на ноги всю милицию, — ответил он.

— Я хочу есть, — виновато сказал Павлик. — И пить...

Бегун остановился у шикарного супермаркета.

— Эх, гулять так гулять, — махнул он. — Бери, что хочешь!

Пока они с Павлом набивали всякой всячиной тележку, Еремей неприкаянно бродил между полок, разглядывая яркие этикетки. И вдруг встал, пригнувшись, нос к носу с громадным игрушечным медведем, ожидая, что тот сейчас заревет и поднимется в рост.

— Как настоящий, правда? — сказал Павлик. — Я всю жизнь про такого мечтал. Жалко, дорогой... — он запанибратски хлопнул медведя по башке, тот разинул пасть и грозно рыкнул.

Бегун распечатал пачку долларов и заплатил, взяв сдачу рублями. Нагруженные покупками, они вернулись в машину и принялись распаковывать целлофановые обертки с сочащейся мясным соком ветчиной, сыром и ломтиками хлеба, коробки с шоколадом и печеньем. Еремей глотал голодные слюнки, но ни к чему не притрагивался.

— Здорово! А Джеймс, хоть и богатый, за каждый доллар трясется, — сказал Павлик с набитым ртом. — Считает, кто сколько съел... На, — протянул он Еремею "кока-колу". — Я, вообще-то "севен-ап" больше люблю, но "кока" тоже ничего.

Еремей повертел в руках банку.

— Вот здесь, — Павлик дернул за кольцо, раздался хлопок, поднялось и растаяло облачко, и в банке забурлили пузырьки.

Еремей испуганно выронил банку из рук.

— Что это?

— Кровь невинно убиенных младенцев, — ответил Бегун, отхлебывая из своей. — Знал бы — картошки в мундире тебе купил...

Рано стемнело, над городом вспыхнули разноцветные рекламы, ярко осветились витрины. Мимо промчалась милицейская машина, завывая сиреной и полыхая мигалкой. Еремей смотрел на тысячи окон, горящих в беззвездном небе, на слепящие фары и уползающие вдаль колонны красных стоп-сигналов. Он устал от напряжения, от дымного смрада и рева моторов, от мелькания

лиц и огней, ему легче было отмахать пятеро суток по тайге, от Рысьего в Белозеро, чем прожить день в Москве.

С вокзала Бегун позвонил Грише в Переславль и отдал билеты Павлику.

— Павел, ты остаешься за старшего, — сказал он. — Еремей не знает многих простых вещей. Вы доедете до станции Переславль-Залесский, там вас встретит мой хороший товарищ. Его зовут Гриша, он маленький и с бородой и похож на доброго гнома. Если вдруг вы с ним разминетесь, тебе надо добраться до музея. Вот деньги — возьмишь такси. Со всеми разговаривать будешь ты, Еремей будет глухонемым. Как будто игра такая, понимаешь? Я приеду завтра.

— Еремей, — обратился он к охотнику. — Я думаю, ты сыт Москвой по горло. Это мой город, здесь ты мне не нужен. Ты ведь не взял бы меня на берлогу? А тут страшнее, чем хозяин, тут бешеные волки. Ты мне не сможешь помочь и будешь только мешать. С тобой мой сын. Я отвечаю за Спас, ты отвечаешь за Павла.

Еремей сдался...

Бегун посадил их в поезд. Павлик с радостным нетерпением ждал путешествия. Еремей последний раз глянул сквозь закопченное окно на огни огромного города.

— Я видел град Сатаны, — сказал он.

У Рубля была гробовая тишина. Лева на цыпочках подкрался к двери и долго приглядывался в глазок.

— Не видал? — спросил он, открывая.

— Кого?

— Гонцов. Белозерцев...

— А-а... — не сразу понял Бегун. — Нет. Не добрался еще, наверное.

— А я ждать не буду, — сказал Рубль. — Я отваливаю... Вот, держи, что просил, — он протянул тяжелый сверток. — Вещь не новая, но надежная, как грабли. Патроны свежие... — он закинул на плечо загодя собранную сумку. — А я на дачу к девушке Тамаре... Хрен они меня там найдут!

— Э, погоди... Я у тебя до ночи пересидеть хотел!

— Сиди хоть до Второго Пришествия. Потом захлопнешь, — Рубль исчез. Тут же снова приоткрыл дверь: — И свет погасить не забудь! Чтобы счетчик зря не крутил!..

Оставшись один, Бегун распахнул плотно задернутые шторы, глянул сверху на ночную Москву, россыпь огней в черной космической пустоте. Далеко внизу гудел бессонный проспект.

В комнате был срач, пустые бутылки, пепел на полу. Бегун обнаружил в холодильнике недопитое "мартини", нерешительно качнул в руке и поставил обратно. Сел в кресло, взял сигарету из забытой на столе пачки, понохал, блаженно прикрыв глаза, вспоминая запах та-

бака, и прикурил. Голова с отвычки закружилась, он закашлялся и погасил едва начатую сигарету.

Распеленал сверток и вытащил длинновольный парабеллум. Отдельно лежали глушитель и коробка с патронами. Он вынул пустую обойму, оттянул и бросил затвор — тот неожиданно громко лязгнул в тишине. Бегун врубил телевизор для фона и еще несколько раз щелкнул затвором, потом навернул глушитель и рассеянно глянул в телевизор, покачивая пистолет в руке, привыкая к его тяжести.

На экране демонстранты под красными флагами с безумными, искаженными злобой лицами штурмовали цепь ОМОНа, норовя угодить острым древком между щитом и каской. Те отбивались дубинками. Штурмующая толпа расступилась, и горящий грузовик врезался в цепь, сломал ее. Демонстранты хлынули на прорыв. Ударили водометы, сбивая с ног людей, и уже ОМОНовцы кинулись в атаку, ожесточенно молотя по головам всех без разбору. Двое милиционеров волокли скотканное, как жгут тряпья, тело товарища, во рту у того булькала кровь, выливаясь на щеки. Старик с орденами во всю грудь держался за пробитую голову. ОМОН и демонстранты разошлись, обнажив мокрый асфальт, усеянный камнями, потерянными знаменами и щитами...

То ли грузины, то ли абхазы, пригибаясь за развалинами домов, били длинными очередями из автоматов... Мать, закинув голову, выла в пустое серое небо над убитой девочкой...

Остроносые самолеты то ли в Карабахе, то ли в Сербии утюжили бомбами горное село...

Расколотый танкер уходил под тяжелые волны, исторгая из бездонных трюмов нефть. Растерянные птицы ковыляли по маслянистой гальке, волоча слипшиеся от нефти крылья...

Ревела обезумевшая толпа болельщиков, футболист, забивший гол, исполнял ритуальный танец живота перед трибунами... Кик-боксеры с тупыми расплюснутыми лицами мордовали друг друга руками и ногами... Приземистые машины кувыркались по асфальту, теряя колеса...

Бегун нащупал пульт и нажал другую кнопку. Рэперы в кепках-идиотках, в кедах на три номера больше — жизнерадостное розовое мясо — скакали по сцене под энергичную бессмысленную скороговорку: "Не думай ни о чем, смотри на меня! Делай как я!"

...Важно правильно надеть презерватив — надо зажать резервуар для спермы, чтобы в нем не осталось воздуха... — обаятельный джентльмен в очках и галстук натягивал резинку на пластиковый муляж...

Я выиграю во-о-от такой миллион! я стану вот такой миллионершей!.. — прыщавая девочка, поглядывая мимо камеры на режиссера, улыбалась в объектив будто приклеенной к лицу улыбкой...

Депутат с плебейским некрасивым лицом кричал что-то с трибуны парламента...

Разнесенная взрывом бомбы машина, накрытые оранжевой пленкой трупы, обугленные стены... всегда "Колеса"!.. пользуйтесь тампонами "Тампак"!.. Я вы-

бираю стиль жизни от "Холдинг-центра!"... ни в коем случае не следует пользоваться презервативом повторно!.. "Сникерс" — и вы в порядке!.. горы масляно лоснящихся мускулов, в которых с трудом уже угадывался человек... и снова кровь...

Бегун наугад нажимал кнопки, глядя на обезумевший мир. Потом отключил звук, поднял пистолет и стал тщательно целиться в немых людей на экране, во всех по очереди, плавно переводя темный силуэт прицела, стараясь, чтобы волосок мушки не дрожал в округлой прорези...

Когда он снова глянул в окно, была уже ночь — тяжелая, давящая, зарево огней над проспектом отражалось в низкой пелене то ли облаков, то ли вязкого дыма. Он подвинул к себе телефон и набрал номер. Автоответчик вкрадчивым голосом попросил назваться и непременно оставить информацию, за которую хозяин заранее благодарен... и т. д.

Когда дежурная любезность автоответчика иссякла, он сказал:

— Дима, это Беглов. Возьми трубку.

— Бегун! Какими судьбами? — тотчас послышался пьяньский голос Царевича. — А Рубль рассказывал — ты в монахи постригся, грехи замаливаешь! — он захохотал. — Ну, стервятники, какую доску оторвали! Я глазам не поверил — думаю, сплю и сладкий сон вижу. А говорили — обнищала Россия! Так что мы теперь в полном расчете. Опять рад тебя слышать...

— Это ты про Спаса, что ли? — равнодушно перебил Бегун. Он ловил в прицел ярко накрашенные губы ведущей — та кривлялась, дергалась из стороны в сторону, Бегун терпеливо водил ствол за ней, поймал, наконец, и нажал на спусковой крючок. — Ты, что Рубля не знаешь? Схватил, что под руку попало, и бежать... А вот что я привез!.. У тебя как с сердцем? А то сдохнешь, если увидишь...

— Почему? — Дима явно заволновался, даже протрезвел.

— Посмотри сначала, — усмехнулся Бегун. — Ты такого сюжета еще не видел.

— Сейчас можешь приехать? Машину прислать?

— Сам доберусь. Только, чтобы чужих не было, понял? Никакой твоей шушеры, — Бегун неторопливо направлял патроны в обойму.

— Понял. Жду.

— Валидол готовь, — Бегун бросил трубку и загнал обойму в рукоять.

Дима открыл свои сейфовые запоры на толстой стальной двери. Бегун, не заметив протянутой руки, вошел, заглянул на кухню и в гостиную.

— Никого? — спросил он.

— Да ты что! Бабу из постели выкинул, — засмеялся Дима. — Ну, показывай!

— Не торопись. Увидишь... — Бегун задвинул шторы на окне, выдернул шнур телефона из розетки.

— Да ладно тебе цену набивать, едрена вошь! — не выдержал Царевич. — И так верю, что доска чумовая. Доставай! Только не сразу — краешек сперва засвети и по чуть-чуть вынимай... — он возбуждено потер руки.

Бегун поставил на стол сумку, — Дима впился в нее глазами, — открыл и вытащил пистолет.

— Вот это правильно! — одобрил Дима. — Такие вещи без пушки лучше из дома не выносить... — он снова уставился на сумку.

Бегун вынул из нее деньги и сложил аккуратной стопкой:

— Это моя доля, — пояснил он. — Остальное заберишь у Рубля. А Спас ты мне сейчас вернешь.

Дима недоуменно смотрел на пачку долларов, потом глянул в пустую сумку и, заиграв желваками, поднял глаза на Бегуна.

— Это ты из Сибири такие шутки привез? — зло спросил он. — За такие шутки знаешь, что бывает, Бегун?! — он шагнул к телефону.

Бегун вскинул пистолет. Раздался глухой хлопок, телефон вылетел из-под Диминой руки и раскололся о стену. Автоответчик начал вещать треснувшим голосом, все медленнее растягивая слова, пока не подавился пленкой.

Дима, наконец, понял, что все это серьезно. Он замер, замороженно глядя на черную дыру ствола, в глубине которого притаилась пуля.

— Э-э...эй, Бегун... осторожно... палец убери... — он отступал вбок маленькими шажками, стараясь уйти из-под ствола. Бегун вел пистолет за ним, держа палец на спусковом крючке.

— Или ты отдаешь мне Спас, или я найду его сам, — сказал он. — А ты будешь лежать здесь, вонять за своими замками. Ну?

— Погоди... У меня его нет. Хочешь — общи...

— Где он?

— У одного человека...

— О'кей, — кивнул Бегун. — Значит, едем к человеку.

— Нет... Нет, ты что! — Дима замотал головой, замахал руками, даже улыбнулся растерянно. — Нет! Ты не понимаешь, ты не знаешь, что это за человек... Руби мой хрен на пятаки, делай со мной что хочешь, но к нему я не поеду!

Бегун вдруг увидел, что теперь Дима действительно боится — отчаянно, до дрожи в коленях, до помрачения рассудка, — боится не пистолета, направленного ему в лоб, а этого неизвестного страшного человека, и действительно скорее умрет здесь, но не двинется с места.

Бегун сел в крутящееся кресло посреди комнаты, закинул ногу на ногу. Оглядел богатую Димину коллекцию, прицелился, щуря глаз, в вазочку на полке.

— Ай! — Дима кинулся с протянутыми руками, будто пытаясь поймать на лету, слепить осколки. — Это же Мейссен, идиот! Семнадцатый век! Я две штуки гринов отдал...

— Здесь было семь патронов, — покачивая пистолет в ладони, сказал Бегун. — Осталось пять. Последний

— твой, — он развернулся в другую сторону, целясь в золотую шкатулку с эмалью и камнями. — Фаберже?.. Так мы идем к твоему человеку?

— Ты не понимаешь! Если ты заберешь у него Спаса — ты труп! И я тоже... Ай!.. От него не побегаешь! Он тебя из-под земли достанет! В Сибири, в Америке — везде! Ты трех дней не проживешь. Себя не жалко — пацана своего пожалей!.. Ай!..

— Ты зря меня пугаешь, Дима, — сказал Бегун. — Ты все равно не поймешь, но я все-таки попытаюсь объяснить. Я нашел там то, чего никогда не имел в жизни, а ты и подавно... Свобода! Это удивительное ощущение, Дима, — свобода! — развел он руками. — Ты мне не нужен, и я тебя не боюсь, — он повертелся в кресле, выбирая мишень подороже. — Ни тебя, ни всех вас. Свобода!.. — он выстрелил сквозь стекло в золоченый сервиз. Дверки серванта распахнулись, и груда фарфоровых черепков со звоном повалилась на пол. — Мы уже идем или еще нет?

— Нет.

Дима скис, он уже не дергался на каждый выстрел, стоял, закрывая спиной высокий столик.

— Отойди, — велел Бегун.

— Только не это... — жалко замотал Дима головой.

Бегун вскинул пистолет. Дима отскочил, и Бегун выстрелил в старинную китайскую вазу.

— Последний, — сказал он. Он перехватил плотнее рукоять и начал медленно поднимать ствол...

Дима был уже не в силах выговорить что-либо дрожащими губами, он только вяло поднял ладони, кивнул и поплелся к двери, ступая по разноцветным осколкам.

В гулком подъезде сталинской высотки он нажал кнопку домофона. Бегун держал пистолет у его затылка.

— Кто? — недовольно откликнулся через минуту сонный голос.

— Это я, Дима. Извините, что поздно. Срочный разговор...

— Приходи завтра с утра.

— До завтра не терпит. Надо поговорить, — промямлил Дима.

— Ты один?

Бегун сильнее надавил стволом ему в затылок.

— Один...

Щелкнул замок, и дверь открылась.

— Я тебя предупредил, Бегун, — бесцветно сказал Дима, когда лифт остановился. Он был белый, как смерть. — Ты не жилец.

— Пока что ты под вопросом, — Бегун развернул его и пошел сзади, пригнувшись за его спиной. Дима переступал на прямых ногах, как робот.

Видимо, за ним наблюдали из дверного глазка, потому что не успел Дима поднять руку к звонку, как дверь открылась. Бегун изо всех сил толкнул его в объятия хозяину, ворвался следом в квартиру и захлопнул дверь. И остолбенел на секунду с поднятым наизготовку пистолетом...

— Здравствуйте, Иван Афанасьевич, — сказал он наконец.

— Здорово, Беглов, коли не шутишь, — ответил Пинчер, потирая ушибленную руку. Он был в короткой, под колено, пижаме и шлепанцах на босу ногу, спутанные седые волосы торчали над ушами. — За это придется ответить, Дима, — перевел он взгляд на понурого Царевича.

— А что я могу сделать... — вяло кивнул тот на пистолет в руках Бегуна.

— Значит, надо было умереть, — просто ответил Пинчер.

— Потом разберетесь, — оборвал Бегун. — Где Спас?

— Кто там, Ваня? — послышался женский голос из комнаты.

— Это ко мне гости. Спи! — ответил Пинчер. — Не шуми, — вполголоса сказал он. — Жена месяц после инфаркта... Пойдем, — он повернулся и двинулся по коридору, шаркая шлепанцами.

Все происходило мирно, по-домашнему. Пинчер будто не замечал направленной на него пушки и пальца на спусковом крючке, и вроде бы действительно принимал поздних гостей — не слишком радушно, но в рамках приличия.

— Удивляешь ты меня, Бегун, — вздохнул он на ходу. — Сорок лет нормальным человеком был, и как с цепи сорвался: то контрабанда, теперь разбой... Статья сто сорок шестая, до пятнадцати с конфискацией...

— Иди-иди!

— Вот и старшим стал "тыкать", — сокрушенно покачал головой Пинчер.

К удивлению Бегуна, квартира была обставлена очень небогато, не в пример Диминым хоромам: дубовая мебель пережила, наверное, не одно поколение хозяев и давно требовала реставрации, старый телевизор, никакого антиквара на стенах, только под увеличенными мутноватыми фотографиями Пинчеровых предков висели наградные шашки, выцветшая буденовка, маузер с именной пластиной на деревянной кобуре, ордена.

Пинчер включил свет в кабинете и указал на секретер:

— Здесь твой Спас... У меня там пистолет лежит, так что лучше возьми сам. А то увидишь пушку, будешь нервничать, пришьешь бедного старика, а это уже сто вторая, высшая мера...

Бегун, не выпуская Пинчера и Диму из виду, подошел к секретеру. За дверцей с краю лежал "макаров" в подмышечной кобуре и наручники. Он сунул пистолет в карман, бросил наручники в сумку. Вытащил икону, сдернул с телевизора салфетку и бережно завернул. Он не ожидал, что все завершится так быстро и буднично. Оставалось выбраться из Москвы, но так, чтобы Пинчер и Дима не подняли раньше времени тревогу.

— Одевайся, — кивнув он Пинчеру. — Ксиву свою не забудь...

Проходя мимо комнаты жены, Пинчер прижал палец к губам: "тс-с...", старательно укутал горло шарфом,

надел куртку и осторожно, чтобы не щелкнул замок, прикрыл дверь.

По городу они ехали молча — Дима за рулем, Пинчер рядом с ним, Бегун сзади сжимал в потной ладони рукоять парабеллума.

На кольцевой наперерез им шагнул из темноты ГАИшник со светящимся жезлом и автоматом. Дима задержался, не зная, что делать, глянул в зеркало на Бегуна.

— Остановись, — приказал Пинчер.

Громоздкие фигуры в тяжелых бронжилетах окружили машину.

— Одно слово — и ты труп, — предупредил Бегун.

— Только не нервничай, — не оборачиваясь, сказал Пинчер. — И руку из кармана вынь...

Он протянул в окно удостоверение. ГАИшник осветил фонарем красную книжицу, потом лицо, провел лучом по остальным пассажирам, молча козырнул, и тяжелые фигуры снова исчезли в темноте.

Когда отъехали от города, Бегун велел:

— Стой... Выходите оба.

Он чуть углубился в лес, приглядывая подходящее дерево. Нашел осинку в обхват пальцев и бросил наручники Пинчеру.

— Вот это с удовольствием, — весело сказал тот. Привычным движением заломил Диме руки за спину вокруг ствола и замкнул стальной браслет.

— Что мне, сдохнуть здесь? — жалобно заорал Дима.

— На, — Бегун бросил ему под ноги перочинный нож. — Поработай хоть раз в жизни...

Когда шум мотора затих, Дима покричал на все стороны, прислушиваясь, не ответит ли кто. Ответило только эхо.

Он ногой подвинул к себе нож, неловко присел вдоль ствола на корточки, вслепую открыл за спиной лезвие и начал строгать сырое вязкое дерево, боязливо поглядывая в темную глубину ночного леса...

— Можно? — кивнул Пинчер на пачку сигарет, лежащую перед ним на "торпедке". Не дождавшись ответа, вытащил одну и с удовольствием закурил. — Жена запрягает, так что с собой не ношу...

Бегун молча гнал машину сквозь ночь. Пистолет лежал у него под левой рукой.

— А теперь, когда ты успокоился, — продолжал Пинчер, — я хочу объяснить тебе, парень, во что ты влип... Плохо твое дело, Беглов. Ты, наверное, думаешь: наказал жадного Диму, пугнул нехорошего Пинчука — и Спас твой? Дело-то не во мне. Я что — винтик в машине. Ты не представляешь, под какую машину ты лег. Под паровоз... у которого в коммуне остановка... Я ведь спрашивал, помнишь ли ты Указ от февраля восемнадцатого — о конфискации церковных ценностей? Ты думаешь, на эти деньги закупали хлеб для Поволжья? — усмехнулся Пинчер. — Нет, эти миллионы шли туда, — кивнул он наверх. — И все восемьдесят лет они торговали родной историей. И бу-

дут торговать, кто бы там ни был в Кремле... Я ведь сто раз мог тебя посадить. Но если б мы вас пересадили — некому было бы по деревьям ходить. А то, что мы у вас отнимали, что таможня перехватывала, — все туда же шло, за кордон. Только по другим каналам... Это монополия, Беглов. А знаешь, что бывает с теми, кто на монополию покушается? Слышал, наверное: парнишка-следователь раскрутил дело — о ценностях, которые из Германии в сорок пятом вывезли? На два миллиарда долларов... В Калуге под поезд нечаянно упал. А ведь я его предупреждал: не лезь под паровоз. Не послушался, трое сирот остались... Я ведь так спокойно тебе доску отдал, потому что она через день-два ко мне вернется. Ты с этого мгновения действительно — бегун. А за тобой сто охотников.

— Ты-то что с этого поймел, за безупречную службу? — насмешливо спросил Бегун.

— А я художник. Как и ты, — засмеялся Пинчер. — В каждом деле есть свои художники... Слушай, Беглов. Если мы до утра успеем обратно, я обещаю, что ты останешься жив.

— Нет, Пинчер, — покачал головой Бегун. — Вот здесь авария у вашего паровоза. Этот Спас — мой!

— А ты, оказывается, не художник, — сказал Пинчер. — Ты просто дурак!.. Что ты с ним делать будешь?

— А я его сам на Запад вывезу! Не все же вас кормить!

— Так это ты на Запад гонишь, по Ярославке-то! Солидный крюк... Через Переславль, наверное?

Бегун резко ударил по тормозам, так что машину занесло на сырой предутренней дороге. Глянул на улыбающегося Пинчера.

— Выходи, — он обошел машину и открыл багажник. — Залезай. Купе-люкс, для почетных пассажиров.

— До чего ж трудно с дураками возиться, — с досадой сказал Пинчер. Кряхтя, он залез в тесный багажник "единички". Бегун с силой захлопнул крышку.

На полпути к Переславлю он свернул с трассы на лесную тропу, распоротую кое-где вышедшими из земли корнями. Газанул, так что задние колеса высоко запрыгали по корням, и с мстительным удовольствием прислушался к гулкому грохоту в багажнике.

Когда через пару километров тропа заглохла в густом кустарнике, он остановился, вытащил из багажника помятого Пинчера.

— Иди!

Пинчер двинулся вглубь леса. Бегун, постепенно отставая, пошел следом.

Гулкий утренний лес был по колено залит туманом — казалось, что безлистые деревья повисли в воздухе. Окликали друг друга первые птицы.

— Кстати, — крикнул Бегун. — Я узнал про твоего деда. Сдох, как собака, утонул в болоте. Ни креста, ни могилы!

— Жаль... — сказал Пинчер. Он смотрел под ноги, чтобы не споткнуться. — Значит, судьба такая..

— У вас, пинчеров, у всех судьба такая, — сказал Бегун.

Пинчер обернулся. Бегун, держа пистолет двумя руками, целился в него.

— Иди, я сказал!!

Пинчер с улыбкой покачал головой.

— Нас учили встречать смерть лицом к лицу, с высоко поднятой головой, — насмешливо сказал он.

Над прицельной планкой Бегун видел его спокойное, уставшее от бессонной ночи лицо. Если бы Пинчер двинулся с места, хотя бы шевельнул губами, Бегун надавил бы на спуск, но тот стоял, как изваяние, в сером утреннем свете. Тяжелый парабеллум все шире плавал в руках, пять часов кряду сжимавших руль.

Бегун опустил пистолет, повернулся и пошел к машине.

— Ошибку делаешь, Беглов, — отечески сказал Пинчер. — Не служил ты в ЧК. Железный закон: в спину не стреляют только трупы... Я тебя догоню — не ошибусь. Не обижайся..

Бегун отвинтил ненужный уже глушитель, бросил в сторону и сунул пистолет за пояс. Развернулся, ломая кусты, и поехал к трассе.

Переславль встретил провинциальным покоем и благочинностью. Никто никуда не спешил, не летел, очертя голову: неторопливо ехали машины по узким улицам с пыльной обочиной; неторопливо перебирал копытами битог, влача на телеге сонного возницу и новенькие запчасти для трактора; неторопливо дефилировали под ручку две мордастые молодухи, синхронно поворачивая головы вслед всему проходящему и проезжающему, лузгали семечки, издавывая стрелья их в рот и поплеывая, и шелуха застревала в дорогом ангорском пуху на пышной груди; так же неторопливо, вразвалочку и, кажется, чинно раскланиваясь, шли навстречу молодухам такие же толстобедрые утки; катились мелкие волны по Плещееву озеру, сияли со всех сторон свежей позолотой и ультрамаринном недавно отреставрированные купола монастырей Троицко-Данилова, Горецкого, Никитского — и неторопливо цедил в весеннее небо свои ядовитые испарения химкомбинат.

Музей размещался в городской усадьбе, выстроенной в стиле "и мы не пальцем деланы", то есть провинциального классицизма — с нагромождением пузатых колонн, карнизов и портиков. Гриша жил здесь же, в дворовой пристройке, то ли бывшей конюшне, то ли псарне — но тоже с парой полуколонн вокруг покосившейся двери. Бегун въехал на безлюдный двор и, не глуша движок, выскочил из машины. Тотчас в спину ему раздался окрик:

— Стоять! Руки на капот!

Бегун вздрогнул и замер было на мгновение, опустив ладони на горячий капот. И досадливо сказал, оборачиваясь:

— Я тебе сто раз говорил: никогда не целись в человека. Даже понарошке!

— Ага! Испугался! — радостно засмеялся Павлик. — Гляди, па! — он поднял лук вверх и спустил тугую тетиву. Стрела взмыла высоко в небо. — Это Еремей

сделал. С ним так интересно! Он столько знает — больше всех: как птицы поют, как каждая травка называется...

— Где он? — перебил Бегун.

— В музее. Он Грише помогает.

— Собирайся. Мы уезжаем, — Бегун вошел в открытую заднюю дверь музея.

Был понедельник — выходной день, дежурная бабулька в синем халате вытирала пыль с железной головы тевтонского рыцаря. Свет над экспонатами был выключен, в длинном коридоре светился только интерьер старорусской крестьянской избы: под низкой прокопченной матицей качала резную люльку тряпичная крестьянка в паневе и коруне, хозяин в шитой косоворотке и лаптях починал невод, а между ними сидел Еремей и латал берестяной туес. Увидав Бегуна, он отложил работу и шагнул к нему из древности через веревочную загородку, издали напряженно глядя в глаза, пытаясь понять — да или нет?

Бегун распеленал доску.

Лицо Еремея разгладилось и будто осветилось исходящим от иконы сиянием. Он истово перекрестился, бережно взял Спас и замер, шепча благодарственную молитву.

— Рано радуешься, — сказал Бегун. — Лучше помолись, чтоб живыми остаться. — Он спрятал икону обратно в сумку и протянул Еремею "макаров". — Разберешься, с какой стороны стреляет?

Еремей брезгливо повертел в руках пистолет и вернул.

— А что тебе надо? — раздраженно спросил Бегун. — Пращу? Или это, бронебойное? — кивнул он на двухметровую пищаль.

Еремей снова покачал головой и указал на другую диораму, где охотник в меховом треухе целился в горностая из допотопной берданки.

— Это, — сказал он. Видно было, что он давно и сладострастно присматривался к винтовке.

— Извини, — развел руками Бегун. — Музейный экспонат. Поехали, времени в обрез...

Но навстречу уже спешил за Павликом Переславский.

— Не пуцу! — издали раскинул он руки. — Я о таком помощнике всю жизнь мечтал. Мы с ним в две недели старую Россию реставрируем!

— Слушай... — начал было Бегун.

— И слушать не хочу! — категорически замотал Гриша бородой. — Восемь лет не был — и на тебе! Хоть пару дней. Пацан пусть свежим воздухом подышится...

— Да подожди...

— Ну хоть часок! Часом раньше, часом позже. Музей посмотри, чаю попьем, как люди... — скисая, попросил Гриша.

— Слушай! — Бегун сильно встряхнул его за плечо, отвел в сторону. — Если появятся люди из Конторы — должны появиться, рано или поздно, — скажешь: был, уехал, собирался в Прибалтику — то ли в Литву, то ли в Латвию. Понял?

— Опять? — только и спросил Переславский.

— Извини, что тебя впутал. Еще скажешь... А в общем, больше ничего, — сказал Бегун, глядя на тормозящую у парадных дверей "Волгу"-норушку". — Быстро работают, сволочи! — он кинулся к черному ходу, увлекая за собой Павлика и Еремея.

Трое чекистов, оттеснив дежурную бабульку, вошли в музей. Открытая настежь задняя дверь светилась в конце длинного темного коридора, и силуэты беглецов были у них как на ладони.

— Стоять! — крикнул старший и выстрелил в потолок. Бегун затолкнул Павлика в нишу к петровским кирасирам и веером, не целясь, высадил по чекистам пол-обоймы. Те не ожидали сопротивления, тоже попрыгались у диорамы и открыли огонь изо всех стволов. Пули завизжали, рикошета от стен во все стороны. Одна попала в железную ногу тевтонца, рыцарь рухнул в рост поперек коридора, разваливаясь на части, шлем покатился, грохоча забралом. Рассыпалась стеклянная витрина, пробитый серебряный кубок будто сдуло с подставки, повалились из диорам тряпичные куклы, падали со стен картины.

— Нет! Нет! — Гриша в ужасе заметался перед чекистами, пытаясь остановить разгром. Стрельба на мгновение затихла. Один из чекистов коротким броском пересек коридор, схватил маленького Переславского и подмял под себя в нише напротив, среди первобытных пращуров, добывающих камнями нарисованного на заднике мамонта.

— Я могу взять это? — спросил Еремей. Он стоял рядом с охотником и указывал на вожделенную берданку.

— Давай! Давай! — заорал Бегун. — Делай что-нибудь! — в парабеллуме кончилась обойма, а пинчеровский "макаров", будто отказываясь стрелять по своим, закусил первый же патрон. Он судорожно дергал затвор, ломая ногти пытался выцарапать смятую гильзу.

Еремей забрал винтовку из тряпичных рук, не торопясь проверил целик и мушку, посмотрел, легко ли ходит затвор, дунул в ствол.

Чекисты приближались, перебегая из одной ниши в другую.

— Стреляй! — Бегуна уже колотило от напряжения. Павлик сидел ни жив ни мертв, забившись в угол, зажав уши ладонями.

Еремей достал из-за пазухи мешочек с патронами, первый дослал в ствол, другие зажал по одному между пальцев левой руки.

— Стреляй! — чуть не плакал Бегун.

Еремей притер приклад к плечу, держа ствол под углом вверх, и неожиданно спокойно шагнул из ниши в коридор. Ближний чекист вскинул было пистолет. Еремей выстрелил на мгновение раньше, звонко цокнула пуля по металлу, и пистолет кувыркаясь полетел на пол. Чекист взвыл, схватившись за выбитую кисть.

Неуловимым для глаз движением Еремей одной рукой оттянул затвор, другой положил новый патрон — и второй пистолет оказался на полу.

Бегун подхватил Павлика на руки и, закрывая его

собой, бросился к выходу. Еремей медленно отступал следом, не спуская ствола с крестьянской избы, где заставился третий чекист. Вслепую переступил порог, захлопнул за собой черный ход и отскочил в сторону — тотчас три пули с треском проббили дверь. Еремей на ходу запрыгнул в машину, и "единичка" вылетела со двора перед носом стоящей у парадного подъезда "норушки".

Чекисты, подбирая оружие, кинулись к машине. Мятый, со включенной бородой Гриша выбрался из каменного века и встал посреди коридора, потрясенно оглядывая свой разгромленный музей...

"Единичка" с "норушкой" на хвосте промчались через сонный город, разрывая благодатную тишину визгом шин и ревом моторов. Мелькнул мимо по-прежнему дремлющий в телеге возница, парочка усыпанных шелухой девок застыла посреди дороги, разинув рты, глядя на стремительно приближающиеся машины. Бегун отчаянно давил на сигнал. Девки, наконец, расцепили руки и брызнули в разные стороны.

— А говорил — нельзя целиться в людей. Даже понарошку, — сказал сзади Павлик.

— Смотря в кого, — сквозь зубы ответил Бегун, поглядывая в зеркало на "Волгу", из окна которой показалась рука с пистолетом. — Голову убери! — он бросил машину по всей ширине дороги, не давая прицелиться.

После третьего выстрела пуля прошила "единичку" навывлет: заднее стекло рассыпалось в пыль, на лобовом разползлась паутина трещин.

— Стреляй по колесам! — крикнул Бегун. — Не уйдем!

Еремей вынырнул с винтовкой из-за спинки заднего сиденья, коротко прицелился — и "норушка", чавкая пробитым колесом, слетела с невысокого мостка в ручей, разбросав волной обезумевших от ужаса уток. Над перегретым мотором поднялось облако пара.

— Ушли... — сказал Бегун. Но не успел он облегченно вздохнуть, как наперерез возникла такая же точно черная "Волга". Она перла на таран, Бегун едва проскочил перед черным капотом — "норушка" только сорвала крылом его задний бампер. Развернулась и устремилась в погоню.

На этот раз чекисты не спешили, не лезли под пулю — поотстали и пошли следом, вызывая подмогу. Впереди был прямой, как стрела, ровный асфальт — не оторваться. Бегун на всей скорости свернул на грунтовку в лес. Узкая дорога петляла по лесу, Бегун несся напропалую, бросая руль из стороны в сторону, моля Бога, чтобы не случилось никого навстречу.

Дорога вышла из леса и влилась в немощеную деревенскую улицу, зажатую между глухих заборов. Машины запрыгали на глубоких ухабах, как по волнам, пружиня о землю то передними колесами, то задними. Еремей уперся рукой в потолок, прижимая к себе Павлика. Тяжелая "Волга" несколько раз гулко ударила днищем. Из-под каждых ворот, мимо которых с ревом про-

носились погоня, вылезали собаки, взмахивая лающей сворой мчалась по обе стороны машин, бросаясь под самые колеса. Чекист вылез было в окно с пистолетом, но в лицо ему летели комья грязи, ствол бросало вверх и вниз. Он крепко приложился затылком о боковую стойку и сполз обратно на сиденье.

Бегун свернул — и уткнулся в неторопливо ползущий колесный трактор. Порожний прицеп носило от одного забора до другого. Бегун оглянулся — "Волга" подтянулась вплотную. Он дождался, пока прицеп потянется в сторону, и проскочил вдоль забора.

"Волга", надрывно сигналив сиреной, поплелась за трактором. Тракторист сидел в своем высоком стеклянном скоречнике в обнимку с рыжей девкой и демонстративно клал с прибором на городских пижонов с их черными "Волгами" и сиренами.

Бегун выехал с проселка на трассу и повернул на запад...

У самой трассы, где дорога стала шире, водитель "Волги", наконец, обогнал трактор, дал газу и с ходу вылетел на асфальт. На каждом скате "Волги" было накручено по пуду глины, машину развернуло и понесло прямо под капот КамАЗа, груженного до небес ящиками. КамАЗ завизжал тормозами, тяжелый полуприцеп проволока на заклинивших колесах свернутую под прямым углом кабину, накренился и медленно повалился набок, рассыпая ящики. Сотни бутылок грянули вдребезги об асфальт, а за ними по осколкам и доскам лопнувших ящиков раскатывались новые. Из-под лежащего кузова хлынула по грязной дороге волна дешевого портвейна.

Движение остановилось, по обе стороны грузовика мгновенно образовалась пробка. Кто-то из водителей, стесняясь, первым поднял уцелевшую бутылку, следом торопились другие — брали кто скромно, по паре, кто набивал сумку. Шофер КамАЗа метался взад и вперед с монтировкой, безуспешно пытаясь спасти хоть часть груза. А из деревни уже бежали местные, с ходу вклинивались в толпу. Бредущий с колонки мужик выплеснул воду и подставил ведро под портвейновую реку, текущую в кювет.

Напрасно чекисты расталкивали людей, откатывали брошенные с открытыми дверями машины, старший выстрелил несколько раз в воздух. Никто не обернулся, не было на свете силы, способной оторвать народ от дармовщины...

Бегун гнал по осевой линии. Машины — и попутки, и встречные — сами уступали дорогу, шарахались от покореженной "единички" с пулевыми пробоинами на стеклах. Он достал из "бардачка" карту, разложил на коленях, мельком глянул на нее, пытаясь определить, где находится. Поднял глаза — и едва успел дернуть руль, чтобы не врезаться в затор на дороге. У стеклянного теремка ГАИ разворачивался тяжелый самосвал, перегораживая шоссе, в оставшуюся щель по одной просачивались встречные машины. Из военного автобу-

са выпрыгивали автоматчики в полной экипировке, в броне и шлемах.

Бегун не сбавляя скорости, вылетел на левую, дальнюю от них обочину и помчался по ней, поднимая клубы пыли. ОМОНовцы засуетились, скидывая автоматы с плеча, но "единичка" мелькала за потоком встречных машин, прицелиться наверняка, чтобы не зацепить пальной пулей кого-то, невозможно было. Несколько длинных трассирующих очередей полетели веером по верх крыш.

Бегун вдруг увидел перед собой, на обочине, стоящую на домкрате древнюю "Победу". Горемыка-водила уже снял проколотое колесо и вытаскивал из багажника запаску. Слева был глубокий кювет, справа машины, Бегун, сигнала, несясь прямо на него. Водила заметался взад-вперед с колесом в руках, в последнее мгновение нырнул рыбка в открытый багажник. Бегун проскочил впритирку, выбив крылом домкрат из-под "Победы". Ветеран российских дорог тяжело грохнулся на днище и повалился через крышу в кювет.

Бегун свернул на первый попавшийся проселок и, не жалея машину на ухабах, погнал в сторону от трассы. Но не успел он перевести дух, как над головой раздался гулкий рокот и размашистый свист винтов. Вертолет заходил с виража, накренившись, чтобы прикладистой было целиться торчащему из кабины автоматчику. Первая очередь прошла поперек перед капотом.

Еремей, разинув рот, смотрел на железную птицу, висящую над головой.

— Стреляй! — крикнул Бегун.

Еремей выстрелил раз, другой. Вертолет, как ни в чем не бывало, опять заходил на машину.

— Да не по колесам! — заорал Бегун.

— А куда?

— Видишь, винт наверху? В середину, в эту шишечку...

Вторая очередь с жестяным стуком пробила машину. Пуля, видимо, попала в масляный радиатор, потому что из-под капота повалил едкий дым.

Еремей снова прицелился и выстрелил. Двигатель вертолета вдруг сбился с ритма, заработал рывками, раскручивая кабину. Вертолет накренился и по крутой дуге скользнул вниз, прямо на "единичку". Бегун, вжав голову в плечи, изо всех сил давил на газ, пытаясь уйти из-под настигающей машины, потом врезал по тормозам.

Вертолет, едва не чиркнув его по крыше, ударился колесами о дорогу, подпрыгнул и, рубя винтом тонкий березняк, опрокинулся на спину. Пилот выбрался из кабины и кинулся оттащить от вертолета обмякшего автоматчика.

Когда "единичка", чихая чадающим мотором, уползла за поворот, сзади грохнул взрыв, над лесом взлетел столб огня и обломки лопастей.

Бегун остановил машину на кромке невысокого гли-

нистого обрыва. Река казалась неподвижной, и церквушка на другом берегу отчетливо, до последней черепицы на маковке, прорисована была на серой водной глади.

Когда Еремей и Павлик вышли, он снял машину с ручника и налег плечом на боковую стойку. Машина не двигалась, будто упиралась всеми четырьмя колесами перед ледяной купелью. Потом обреченно тронулась, скатилась с обрыва и поплыла, покачиваясь, медленно разворачиваясь по течению.

— А на чем же мы будем ездить, пап? — спросил изумленный Павлик.

— На лыжах, — сказал Бегун. — Там машина ни к чему.

— Где — там?

Бегун не ответил. "Единичка" накренилась, набирая воду через открытую дверь, и исчезла. Скрутились над ней тугие струи водоворота, с шумом вырвался из кабины последний воздух, и опять церквушка нарисовалась на спокойной глади.

Бегун перекрестился. Поймав удивленный взгляд Еремея, сказал:

— Тебе не понять... Для тебя это — кусок железа, а для меня — как друга похоронить...

Избавившись от приметной своей машины, Бегун почувствовал себя спокойнее. Пусть ЧК перекрывает за-

падную границу, а они тем временем растворятся в огромной безликой толпе пассажиров, кочующих по стране.

Со станции доносилась раскатистая переключка диспетчеров, слышался частый стук колес и свистки тепловозов. Когда желтое здание вокзала засветилось сквозь поредевшие деревья, Бегун остановился.

— Слушай, Еремей... Они ищут меня. Тебя никто не знает. Если со мной что-то случится — вам надо добраться до Сретенска. Запомни, Павел, — Сретенск, это за Байкалом. Географию проходили?

— Нет.

— За что я такие деньги платил?.. Еремей: Сретенск. Сретенье Господне...

— Я запомнил, — спокойно ответил Еремей.

— Там дождетесь самолета до Рысьего. Они перекрыли все дороги на запад, им в голову не придет искать на востоке... Все по-старому: ты глухонемой, ты, Павел, отвечаешь за билеты... Что еще?.. Да, деньги... — Бегун пошарил по карманам, вытащил из сумки охапку долларов. — Черт, одна зелень... Ладно, разменяем... А ружьишко-то придется бросить. Тебя с этой пищалью через пять шагов заметут. Бросай, бросай, не пригодится больше...

Видно было, что расстаться с винтовкой Еремею так же тяжело, как Бегуну с машиной. Он с сожалением погладил вороненый ствол и бросил берданку на палую листву...

Бегун вышел на автобусный круг у станции. Оглянулся по сторонам и сунул в окно киоска зеленый кирпич:

— Поменяешь?

— Ты что? — присвистнул хозяин. — У меня за месяц такой выручки не бывает!

— Давай сколько есть. И водки — двадцать бутылок, — Бегун торопливо глянул на витрину. — "Абсолют", "Смирновскую"... Да всякой помаленьку...

Он набил сумку разнокалиберными бутылками. Разорвал банковскую ленту, начал отсчитывать новенькие негнувшиеся гринь. И в этот момент короткопалая пятерня с обгрызенными ногтями ухватила его за кисть. Здоровенный усатый старшина — видно, гроза и гордость всей округи, только звезды шерифа не хватало на застиранном кителе для полного впечатления, — улыбаясь, кивнул враз потускневшему хозяину:

— Зеленый-то верни. Пригодится для протокола.

Второй мент поигрывал за спиной Бегуна резиновой дубинкой.

Не выпуская его руки, старшина привел Бегуна в станционное отделение — закуток в торце вокзала с застекленным окном во всю стену. Усадил перед собой, достал бланк протокола.

— Да-а... Крепко ты попал, парень, — вздохнул он и взял ручку. — Фамилия?

— Сидоров, — не задумываясь, ответил Бегун. Он был уверен, что какой-то выход найдется: все-таки не чекисты, а свои ребята-менты, которых он за годы ходок по деревням видел-перевидел. А главное — Павлик и Еремей с иконой в безопасности, в худшем случае доберутся и без него.

— Си...до...ров... — начал писать старшина. Дубинка явно была ему больше по руке, чем авторучка, мучительный процесс чистописания отражался на его торпорном лице.

— Понятых бы надо, — сказал второй.

— И понятых пригласим — все по закону... — переглянулся с ним старшина. — Имя-отчество?

— Николай Петрович, — ответил Бегун.

— Ни...ко...лай... Пет...ро...вич... Все оформим как надо... Год рождения?

— Может, договоримся, ребята? — спросил Бегун.

— Ну конечно, договоримся! — старшина с облегчением бросил ручку. — Что ты у людей время отнимаешь, в самом деле! Сидоров!.. Еще Ивановым бы назвался, Иван-Иванычем!

Бегун положил на стол зеленую тысячную пачку:

— В расчете?

— Не-ет, так не договоримся, — обиделся старшина.

— А так? — добавил Бегун еще тысячу.

— Ну-ка, посмотрим, что там еще имеется?.. — старшина придвинул к себе сумку. — О-о!.. — вытащил он парабеллум. — Это дорого стоит... Пушка-то с биографией, небось, а? — подмигнул он.

— Нашел только что.

— Ага, в лесу за путями... — понимающе кивнул старшина. Он выложил еще две пачки: — Это за пушку, — и еще одну: — Это жене на колготки...

— А это — детишкам на леденцы! — Бегун с размаху, как костяшку домино, припечатал к столу еще тысячу и встал.

— Приятно поговорить с умным человеком, — улыбнулся старшина. — А теперь вали отсюда, гнида, чтоб я тебя через пять секунд на станции не видел!

— Счастливо, мужики! — Бегун взял со стола тяжелую сумку и направился к двери.

Под сумкой открылась на столе его фотография с надписью "Розыск!". Старшина уставился на нее, разинув рот.

— Э-э... э-э... — проблеял он, выронил деньги, будто обжегся, и заорал: — Назад!

Второй перехватил Бегуна в дверях и снова усадил на стул, придавив рукой плечо. Они сверили фотографию с оригиналом и растерянно переглянулись:

— Он?

— Он.

— Майору надо звонить... — сказал старшина.

— Чего майору — в Москву звони!

— Может, договоримся, ребята? — спросил Бегун. — Там еще столько же, — кивнул он на сумку.

— Нет, — криво усмехнулся старшина. — С ними не договоришься...

Он набрал номер и встал по стойке "смирно", подняв трубку к уху.

С протяжным гудком налетел, загрохотал мимо станции товарняк, пол заходил под ногами, тонко задребезжал графин на столе. Тотчас раздался звонкий щелчок по стеклу, в окне между прутьями решетки возникла маленькая ровная дырочка, и перебитый пулей шнур сильно хлестнул старшину по щеке. Еще не поняв, в чем дело, он потянулся за дубинкой, но та, как живая, прыгнула со стола. Он метнулся было в сторону — тут же пуля выбила штукатурку на его пути. Еще одна сорвала с него фуражку, следующие пошли одна за другой — ниже, ниже, пока старшина не сел на пол. Выстрелов не было слышно за грохотом колес, только новые пробоины возникали на стекле.

Второй мент замер с поднятыми руками, замороженно глядя в глубину подступающего к самому окну леса. Пули ударили ему в носок сапога, он покорно отступил в угол.

— Ну, так я пошел, ребята? — весело спросил Бегун. — Жалко, что не договорились...

Он сунул деньги и пистолет в сумку и не торопясь вышел.

На горке за станцией лязгала сцепка, истошно выматывая душу, визжали тормозные башмаки под колесами, из хриплых динамиков матерились диспетчеры и составители поездов. Маневровый тепловоз сталкивал цистерны, платформы и вагоны под горку, они катились по лабиринту стрелок, одному Богу известно, как нанося свой состав. Составители в желтых накидках, как матадоры, сновали среди вагонов, проскальзывая между стопудовых стальных кулаков сцепки. Все были заняты делом, на Бегуна здесь никто не обращал внимания. Он

нашел на дальнем пути почтовик, постучал кулаком в железную стену. Из окна выглянула мятая похмельная морда.

— На Восток? — крикнул снизу Бегун.

— Предположим, — нехотя ответила морда.

Бегун, как коробейник, поднял в руках пару "Смирновской":

— До Байкала доедем?

— До Урала не хватит, — лениво откликнулась морда.

— А так? — Бегун открыл сумку.

— Садись, дорогой. До Находки доведу! — расцвела морда в улыбку.

Весело стучали колеса, мелькали в распахнутой двери смазанные скоростью желто-багровые краски осеннего леса. Бегун, Еремей и Павлик стояли в тамбуре, подставив лица свежему ветру, пахнущему дымом и прелым листом.

Когда загудел под колесами мост и загрохотало эхо от скрещенных стальных балок ограждения, Бегун достал парабеллум и отсалютовал, добил обойму в серое небо. Размахнулся и бросил пистолет в Волгу.

"Кукурузник" трещал стареньким мотором, ледяной ветер за влюминатором тонко свистел в растяжках крыльев. Иногда самолет проваливался в воздушную яму и тут же, гулко хлопнув крыльями от перегрузки, задирает нос и карабкался вверх; мотор завывал надсадней, и жестяной корпус дрожал и скрипел всеми швами.

Внизу плыла тайга, сквозь снег темнела сосновая хвоя. Тень самолета скользила по верхушкам, комкалась в оврагах и просеках.

Пассажиры дремали на жестких скамьях вдоль бортов, плечом к плечу, покачиваясь все разом на воздушных ухабах. Рюкзаки и сумки свалены были в хвосте, только Еремей прижимал к груди бесценную поклажу, с растерянной улыбкой смотрел вниз, на знакомые уже места. Павлик спал, свесив голову на грудь. Бегун боролся со сном, тарачил в пространство слипающиеся глаза, то незаметно для себя отключался, то вскидывался на очередном вираже.

Дверь в кабину была открыта. Летчики курили, второй рассказывал что-то, возбужденно размахивая руками, Петрович, спустив резиновые лопухи наушников, посмеивался. Вдруг напрягся, вернул наушники на место, прислушиваясь к радию. Обернулся в салон, пробежал глазами по лицам пассажиров, задержался на Бегуне, глянул на мальчишку и Еремея. Ответил по радию, прикрывая микрофон рукой, хотя за грохотом мотора и так не было слышно ни слова, и автоматически провел ладонью по карману, где, очевидно, лежал пистолет. Через минуту второй спустился в салон по лесенке, прошел в хвост, посуелиться там для виду и вернулся, мимоходом прощупав взглядом всех трюх.

Бегун сидел, прикрыв глаза, наблюдая за ними

сквозь ресницы. Сон как рукой сняло, он лихорадочно соображал, что делать. Значит, их опять засекали. Информация о поимке "особо опасных" уже пошла в Рысий. ЧК в поселке нет, но есть участковый и десяток добровольцев с карабинами в помощь властям.

Петрович краем глаза сторожил каждое его движение. Бегун будто бы дремал, расслабленно покачиваясь в такт с другими пассажирами. Внизу видны были уже крыши поселка, расчищенная от снега полоса на просеке, рядом вездеход и с десяток ярких "Буранов".

Самолет описал широкий вираж и стал снижаться, прицелившись на просеку. Петрович прочно взялся за штурвал, готовясь к посадке. Второй начал отсчет высоты:

— Сорок метров... тридцать... пятнадцать...

Бегун метнулся вперед, одним прыжком вскочил в кабину, обхватил локтем Петровича за горло, пытаясь вытащить у него пистолет из кармана. Тот судорожно дернул штурвал на себя, чтобы не врезаться в землю, и тут же завалил самолет на крыло. Пассажиры левого борта, не успев проснуться и открыть глаза, слетели со скамьи в объятия к правым. Бегун повалился спиной на второго пилота, тот заломил ему сзади руки. Бегун затылком ударил его в лицо, освободился и добавил ребром ладони.

Люди на земле растерянно смотрели на взбесившийся "кукурузник", который выписывал крутые восьмерки над просекой, едва не задевая крыльями за верхушки.

Пассажиры в салоне катались друг через друга вперемишку с рюкзаками и сумками.

Второй пилот безвольно обмяк в кресле, зато Петрович успел вытащить пистолет. Бегун перехватил его за кисть, сжимая изо всех сил, выкручивая пушку из ладони. Положение было неравное, летчику надо было еще управлять самолетом, несущимся над самыми кронами. Он наконец разжал пальцы — и вдруг рванул штурвал на себя. Самолет свечой пошел вверх. Бегун улетел бы в дальний конец салона следом за остальными пассажирами, но в последнее мгновение раскинул руки и повис на локтях, наполовину провалившись в дверной проем.

"Кукурузник" шел вертикально вверх, содрогаясь всем телом от перегрузки, теряя скорость. Почти остановился в воздухе, завис, надсадно завывая мотором, — и Петрович отжал штурвал, выровнял.

Бегун передернул затвор и приставил ствол ему к затылку под форменной черной ушанкой.

— Все, Петрович... — сказал он, переводя дыхание. — Поехали... Без высшего пилотажа... — он махнул наугад, в сторону от поселка.

— Куда? — криво усмехнулся тот. — В Америку? Через полюс ближе всего выйдет...

Бегун оглянулся в салон. Пассажиры поднимались, потирая ушибленные локти и колени, настороженно косились на пистолет. Кто-то лежал на полу, держась руками за голову. Бегун подозревал Еремея.

— Куда садимся?

Тот глянул в фонарь, пытаясь определиться с высоты.

— Верст двадцать по реке. Вон за излучиной, — указал он.

За широкой излучиной Петрович снизился и сделал круг, приглядываясь, где меньше снега. Самолет далеко проскользил на лыжах по льду и по брюхо запахался в сугроб под берегом. Петрович заглушил мотор.

— Взлетишь? — спросил Бегун.

— Я-то взлечу. А ты сядешь, — спокойно ответил тот.

— Это рация? — постучал Бегун по жестяному ящику на стене кабины.

— Это.

Бегун выстрелил в лицевую панель. Стрелки на приборах вздрогнули и упали на ноль.

— Лыжи давай, — велел Бегун.

Они спрыгнули в глубокий снег. Следом Петрович выбросил им две пары лыж из аварийного запаса. Бегун подсадил Павлика себе на закорки.

— Извини, Петрович, — сказал он. — Прощай. Спасибо за все, и не поминай лихом.

— Помяну, не сомневайся.

Они двинулись через реку — впереди Еремей по снежной целине, за ним Бегун с сыном. Когда поднялись на высокий берег, Бегун оглянулся: пассажиры уже махали лопатами, какими-то досками и крышками от железных ящиков — расчищали полосу. Может, к ночи и закончат. На худой конец заночуют в самолете. В любом случае не пропадут.

Как только сосны сомкнулись за спиной, а уши, уставшие от треска мотора, стали различать голоса тайги: тагучий ветер-верховик и острые когти белки, прыснувшей вверх по стволу, и шелест снега, падающего с потревоженной ею ветки, — вся бешеная карусель последних дней начала тускнеть в памяти, будто и не с Бегуном вовсе это было, а то ли в кино когда-то видел, то ли рассказывал кто-то. Течение времени замедлилось до размеренного скрипа лыж по насту.

Еремей уверенно шагал впереди. Павлик с веселым любопытством глазел по сторонам, ему нравилось ехать верхом на отце, трогая обвисшие под тяжестью снега сосновые лапы.

— Скоро придем? — нетерпеливо спросил он.

— Рукой подать, — ответил Бегун. — Дней пять всего.

Еремей петлял, чтобы сбить погоню со следа, обходил открытые места, хороня лыжню под покровом широких ветвей. Но странно — ни разу даже поодаль не послышался гул самолета. Погони не было.

Они вышли к Белозеру не напрямик, а широким кругом. Павлик давно пересел на Еремея, в его заплечную торбу с поклажей. Бегун нес в рюкзаке одну икону и все равно уже едва плелся, далеко отстав от них.

Он за версту узнал в молчаливой зимней тайге родные места, опушку, где Неждана умывалась росой, и, как мальчишка, бросился вперед, обгоняя Еремея. На бегу вытащил из-за спины Спас и держа у груди, как

на крестном ходе, покатился к домам по широкому склону.

— Эге-гей, люди! — ликующе заорал он, задыхаясь. — Встречайте! Ого-го-го!!!

Только эхо ответило ему из глубины леса.

Лыжи разъехались, и Бегун сел в сугроб, растерянно глядя на село, засыпанное поверх окон нетронутым снегом. Следы осмелевшего зверья прострочили снег меж домов и по крышам вокруг давно остывших печных труб. Куница тонкой длинной струйкой вытекла из-под стрехи ближней избы и скользнула к лесу.

Мимо неторопливо прошагал Еремей.

— Эй... — окликнул его Бегун. — Где люди?

Еремей молча подошел к своему дому, опустил торбу на снег. Бегун догнал, схватил его за руку:

— Люди где?!

— Ушли, — спокойно ответил Еремей. — На другой день после нас.

— Почему?

— Кто ж знал, не пожалуют ли еще гости...

Конечно, это было мудро. Бегун и сам понимал, что Белозеро обречено с того мгновения, как Лева рассказал о нем первому же человеку в Москве. Не ждал только, что уйдут без них.

Пока раскапывали двери и разжигали огонь в печи, Бегун молчал, дожидаясь, когда Еремей заговорит сам. Стол с лавками, сундук и голая кровать стояли в чисто прибранном напоследок доме, кое-что из посуды было в печи, на полу лежали плетеные рогожки — видно, путь предстоял неблизкий, брали то, что можно унести. В красном углу осталось светлое пятно из-под снятых икон, над ним кружок копоти от лампы.

Еремей открыл сундук, переоделся в свое. Джинсы, свитер и сапоги бросил в жадно гудящую, истосковавшуюся по огню печь. Достал из подвала солонину, на топил снега и поставил вариться в чугуне. Тепло растекалось по дому, на стенах быстро таял иней. Павлик забрался на печку и уснул, завернувшись в медвежью шкуру.

Еремей сел напротив Бегуна. Между ними стоял на столе — будто третьим в разговоре — Спас, освещенный багровыми бликами из печи.

— Куда ушли? — спросил Бегун.

— Дальше... Там перезимует, если Бог даст. Летом будем строиться... — Еремей тоскливо огляделся в осиротевшем доме. — Землянки теперь будем рыть. И храм под землей... Под землю схоронимся, коли на земле для нас места нет...

— Далеко это?

— Еще дня три будет.

— Когда выходим?

Еремей помолчал.

— Ты уже пришел, — сказал он наконец. Он поднял глаза на Бегуна. — Дальше я пойду один.

Бегун почувствовал, как что-то оборвалось в груди. Он смотрел на Еремея и по спокойному взгляду того понимал, что все давно решено, еще до того, как они вышли отсюда в погоню за Спасом, и говорить что-то, спорить, просить бесполезно.

— Что же мне — обратно? — мотнул он головой. — Как ты думаешь, сколько я там шагов пройти успею?

— Сколько Бог позволит... — ответил Еремей. — Ты не наш. Ты хочешь к нам, но ты отравлен вашим бесовским миром. Душа твоя на середине... Никто тебя не гонит обратно. Живи здесь. Молись. Припасов много по домам брошено. Ружье свое оставлю... А той зимой приду. Проживешь отшельником, отмолишься — пойдешь к нам. Если нет — иди обратно. Ты на середине — и туда, и сюда равно...

— Сына хоть возьми, — после долгого молчания сказал Бегун. — Обвенчаешься с Нежданой — пускай у вас будет, первенцем.

— Его возьму, — кивнул Еремей. — А со свадьбой погудим до той зимы. Там решим...

Больше они не говорили.

Утром Бегун вышел проводить их.

— А ты? — удивился Павлик, увидев, что отец не собирается в дорогу.

— Я догоню, — Бегун только коротко потрепал его по голове и подтолкнул к Еремею, чтобы не выглядело прощанием. Он даже улыбнулся ободряюще, но, наверное, вышло это у него неважно, потому что Павел забеспокоился:

— Я с тобой!

— С тобой мне тяжело будет. Не дойду.

Еремей поднял Павлика за спину и двинулся прочь по целине.

— Слышь, Еремей... — окликнул Бегун.

Тот обернулся.

— Неждана скажи, что...

Еремей покачал головой и указал себе на плотно сжатые губы. И пошел, уже не оглядываясь...

Бегун долго сидел, уперев глаза в темную, изрезанную ножом столешницу. Печка давно прогорела, дом быстро выстывал.

Проваливаясь по пояс в сугроб, он добрался до поповской избы, утоптал снег у двери и выбил из скобы промерзший засов. Здесь было так же голо и чисто. На столе расстелен был платок Нежданы, на нем лежал венок, скрученный красной лентой, из сухих ломких цветов и листьев девясила.

Бегун, наконец, очнулся. Год, на самом деле, это не так уж и долго, если нет времени на уныние, если каждый день полон забот. Он раскопал двери храма, зажег свечу перед слепым иконостасом, помолился за добрый путь Павлу и Еремею.

Потом пошел по избам. Собрал с миру по нитке недостающую посуду, топоры, пилы, одежду, обувь — все, что не сумел бы сделать своими руками, — и снес к Еремею. Припасы перетаскивать не стал, а только провел учет: сколько солонины и копченого мяса, картошки, репы и прочих овощей, мороженой рыбы, кадушек с капустой, грибами, квасом, морошкой и клюквой, сколько муки в подполе у отца Никодима, Луки и других, — и составил реестр на клочке бумаги.

Когда он закончил, глухая ночь была над мертвым селом, без единого живого огонька на много верст вокруг, без тепла, без звука. Медленно плыл в воздухе тяжелый снег. Если затаить дыхание, слышно было только время от времени натужный скрип ветвей, придавленных сугробом.

Бегун зажег лучину, растопил заново печь, зарядил похлебку в чугуне и еще раз изучил свой реестр. Даже если совсем уж не заладится с охотой — на одних припасах можно перезимовать. Можно жить! Грешно падать духом — белозерцам стократ труднее во времянках в зимней тайге!

Он поужинал, пересчитал напоследок оставленные Еремею патроны, добавил восемь пистолетных из обоймы пилотского ТТ. Набрал воздуха, чтобы задуть лучину... и замер, прислушиваясь, чутко поводя головой из стороны в сторону.

Вскоре ему снова почудился чужой звук, а затем явно затарахтел вдали мотор снегохода. Бегун даже засмеялся с досады, качая головой: как же он, человек из реального мира, мог поверить, что ЧК вот так легко отступится, оставит его в покое! Он снарядил заново обойму и с размаху загнал ее в пистолет, прихватил Еремееву винтовку и вышел из дому.

Между сосен мелькали огоньки фар, металась перед ними пятна света. "Бураны" шли широкой цепью — не по следу, а со стороны Рысьего, по зарубкам, — и крайний выходил прямо на Белозеро. За Еремею с Павликом можно не волноваться: до утра Бегун продержится с Божьей помощью, потом, когда убьют, будут отыскивать село в поисках людей — за это время снегопад вконец заровняет лыжню.

Яркий свет приближался. Бегун обстоятельно готовился к обороне, он вытоптал снег за углом избы, проторил в глубоком сугробе дорожку к сараю — на запасную позицию, залег, примерившись как удобней, и положил рядом винтовку. Вытянул перед собой пистолет и опустил глаза, дожидаясь, когда крайний "Буран" отвернет чуть в сторону, когда перестанет слепить фара, чтобы можно было прицельиться.

Правдивое описание почти всей жизни славного короля Уго II-го

Что попроще

Король Уго II в пух и прах проигрался в карты. От огорчения он решил:

— Все, теперь буду играть исключительно в дела государственные. Там всего одна комбинация: король и народ. Никаких тебе тузов, дам и валетов! Не говоря уже о девятках и десятках.

Негодный способ

Как-то к королю Уго II-му обратился иноземный мудрец, который заявил, что знает способ выявить и обезглавить всех мошенников, бездельников и прочих недостойных людшек.

— Я тоже знаю этот способ, — грустно отвечал король Уго II. — Но один король, без подданных, — этого мало для государства.

Два события

На охоте произошло два события. Сначала сломала ногу любимая кобыла короля Уго II-го, а затем свернул шею Первый Министр.

— Интересно, как это все может отразиться на делах государства? — задумался король.

Прошла неделя. В государстве не произошло никаких изменений.

— Странно, — вспоминая события последней охоты, покачал головой Уго II. — Ведь плохое может уравновесить только хорошее.

Достоинство и правила этикета

За трапезой после удачной охоты повздорили два соседа, два короля.

— Я немедленно объявляю вам войну! — запальчиво воскликнул один из государей.

Второй король скорбно умолк, уткнувшись в тарелку.

— Когда я ем, я глух и нем, — торжественно провозгласил церемониймейстер. — Таковы правила придворного этикета.

Первый король задумался, а затем положил себе большой кусок хорошо прожаренной оленьей ноги. Чувство королевского достоинства не позволяло ему дважды повторять сказанное.

Война не состоялась. Одного из королей звали Уго II.

Новости грамматики

Король Уго II пригласил к себе писца и продиктовал указ:

— Объявляю войну! Славную, победоносную, всенародную, сокрушительную, священную, малокровную, но разрушительную!

Писец быстро записывал, качая головой:

— Не наделать бы ошибок в прилагательных...

— Вычеркни те, в которых есть хоть какие-то сомнения, — согласился король.

Писец выполнил приказание. Король Уго II глянул ему через плечо, вздохнул и... передумал объявлять войну..

О вреде денег

Замок короля Уго II-го посетил благочестивый странник. После сытного обеда странник сказал королю:

— Главное зло в мире — это деньги. От денег много вреда!

— Я думал об этом, — согласился Уго II.

— Особенно дурно иметь много денег, — продолжал благочестивый странник. — Лучше уж раздавать деньги нищим.

Король горько улыбнулся.

— Я пробовал поступать так, как ты советуешь, благочестивый странник, — сказал Уго II. — Но деньги — действительно зло. Сначала нищие просто начали пить больше вина, а затем стало больше нищих.

Большой успех

Король Уго II как-то утром распорядился послать войска и поднять весь народ на борьбу с крокодилами.

— Помилуйте, Ваше Величество, — перепугался Первый Министр. — Но во всем вашем королевстве не сыскать и одного единственного крокодила!

— Вот так вот! — довольный, улыбнулся король Уго II. — Мы едва успели начать, а уже имеем такой крупный успех!

Фейерверк

В небе над замком короля Уго II-го появился дракон. — Я приказываю произвести праздничный салют с фейерверком в честь моего лучшего друга! — скомандовал король Уго II.

С третьего залпа в дракона попали.

Название

Король Уго II, узнав о приближении вражеских войск, решил запутать неприятеля и срочно поменял название своей страны, а также ввел новый государственный язык.

Решение оказалось удивительно мудрым. Неприятель вывез запас хлеба и угнал скот, так и не узнав, кого ограбил.

Разумное объяснение

Король Уго II обладал ясным трезвым умом и упражнял рассудок, находя всему точные логические объяснения.

— Государственная стабильность является основой развития наук и просвещения, — часто повторял Уго II. — Скажем, появится в нашей династии Уго Сто Тридцать Седьмой... Это ведь не только суметь досчитать надо, но и написать порядковый номер римскими цифрами!

Государственная тайна

Король Уго II объявил себя властелином мира.

— Прикажете сообщить об этом соседям? — осведомился Первый Министр. — Ваше Величество, я думаю...

— Ни в коем случае! — остановил Первого Министра король Уго II. — Это большая государственная тайна! Об этом будем знать только мы с вами, вы да я! Нам же спокойнее...

Чужое платье

Чтобы лучше знать свой народ, король Уго II надел чужое платье и, преобразившись таким образом до неузнаваемости, отправился странствовать.

— Что ты думаешь о нашем короле... этом, как его... да, Уго II-м? — спросил он как бы между прочим первого встречного крестьянина.

— Он величайший из правителей, Ваше Величество, — не задумываясь, ответил крестьянин.

Заговор

Верные люди донесли королю Уго II-му о заговоре, который готовился в замке против его персоны.

Уго II немедленно тайно вступил в ряды заговорщиков, а позднее возглавил организацию.

— Такие дела нельзя пускать на самотек, — объяснил он свой поступок королеве. — Либо я успею распознать и обезвредить негодяев... Либо стану Уго III-м.

Мало

Король Уго II ехал по своим королевским делам, как вдруг прямо посреди ровного поля перед самой мордой королевского коня возник дракон.

— Защищайся! — громовым голосом объявил дракон. — Я искал тебя, король Уго II, потому что ты, как говорят, своими руками зарубил триста шестьдесят четырех драконов!

— Неужели и этого еще мало? — удивился Уго II, обнажая меч.

Сыновнее чувство

Победоносно закончив войну, король Уго II-й с облегчением произнес:

— Ну вот, все враги перебиты, теперь даже умереть можно спокойно.

— Конечно, папа! — горячо поддержал короля наследник престола.

Взмах меча

Как-то перед воротами замка короля Уго II-го раздался шум.

— Что там такое? — поинтересовался Уго II.

— Дракон, — доложили ему. — Трехглавый.

Король Уго II немедленно вышел на бой с драконом и одним взмахом меча разрубил того на две половинки. Через некоторое время перед воротами замка вновь раздался шум.

— Ну что там еще такое? — поморщился король Уго II.

— Драконы, — доложили ему. — Два полутораголовых.

Известия

Первый Министр пришел к королю Уго II-му с утренним докладом.

— Плохие известия, ваше Величество, — начал он. — Ваша казна пуста.

— Скверно, — нахмурился король. — Необходимо предпринять срочные меры.

— Армия разбежалась, — продолжал Первый Министр.

— Черт побери! — хлопнул себя по коленке Уго II. — Много хуже, чем я мог предположить! Придется всерьез браться за дело!

— На дорогах бесчинствуют разбойники, — потупился Первый Министр.

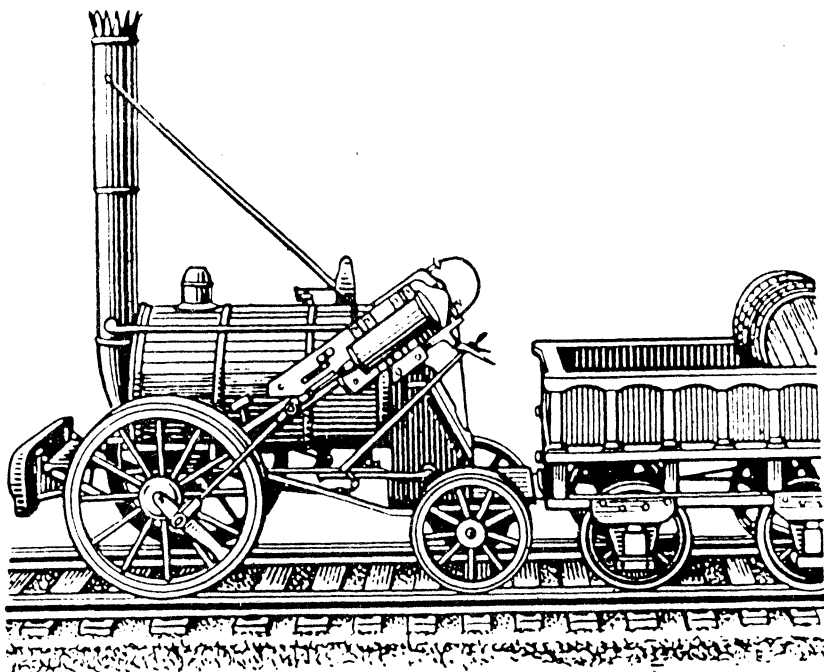
— К бою! — воскликнул король и выхватил меч из ножен. — В гневе я страшен!

— В стране совсем нет хлеба... — закончил Первый Министр.

— Нам не о чем больше беспокоиться, — услышав об этом, с облегчением заметил король Уго II. — Мое государство принадлежит истории.

Александр КОЛЕСОВ

Третий русский паровоз

ского, с которым я был знаком и с которым у меня были дела по составлению плана реконструкции завода". А на обложке есть записи и самого А. В. Всеволожского: "Документы, найденные мною в Пожевском главном архи-

ские Пожевского завода уже имели газовое освещение. Наконец, на заводе под руководством известного в дальнейшем металлурга П. Г. Соболевского впервые в России ставились опыты пудлингового способа получения железа...

Как видим, не случайно коллективу оказалось по плечу постройка одного из первых отечественных паровозов.

Как известно, хозяева Нижнетагильских заводов Демидовы в целом не оказали поддержки инициативе Черепановых по постройке паровозов и устройству железных дорог, а вот пожевские заводладельцы Всеволожские наоборот действовали весьма заинтересованно. Впервые вопрос о прокладке в Пожевском округе рельсовых путей с конной тягой они возбудили еще в 1810 году.

А в 1828-м Всеволод Андреевич Всеволожский заключил контракт с английским механиком П. Э. Тетом, который, помимо прочего, ведал устройством "карет паровых для дилижансов, устраиваемых ныне в Англии, паровых фур для перевозки руды или угля по чугунным дорогам". Петр Эдуардович был вообще-то специалистом квалифицированным, но наладить выпуск паровозов оказалось для него не по плечу. Он создал две действующих модели паровых повозок, а постройка большого паровоза, начатая в 1832 году, шла ни шатко ни валко, и к концу 1835-го оставалась фактически "замороженной" на начальной стадии.

На смену П. Э. Тету прибыл его брат — Эдуард Эдуардович. Новые владельцы завода, братья Всеволожские, не отказались от замыслов умершего к тому времени Всеволода Андреевича. Они решили во что бы то ни стало продемонстрировать паровоз в мае 1839 года на Всероссийской выставке мануфактурных изделий в С.-Петербурге.

Имеющиеся в "деле" чертежи паровоза, несомненно самые, которые были высланы Э. Э. Тету "для руководства". На одном из листов написано: "План механизма сухопутного паровоза, существующего на железной дороге между С.-Петербургском и Царским Селом". Выходит, Всеволожские, не мудрствуя лукаво, взяли всю необходимую документацию с открытой в октябре 1837 года первой в России Царскосельской железной дороги, паровозы для которой были построены

В Российском Государственном историческом архиве в С.-Петербурге хранится одно любопытное "дело". В описи оно обозначено так: "Материалы о постройке на Пожевском заводе Пермской губернии первого русского паровоза (1838—1840 гг.)" /РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 1161/. Пожалуй, у любого человека возникает недоумение, ведь хорошо известно, что первый в России паровоз был построен в Нижнем Тагиле механиками Черепановыми!

Действительно, тут явная неточность: пожевский паровоз был не первым в России, а третьим. Но разве история его создания от этого перестает быть интересной?

К делу приложено письмо наркому пути Л. М. Кагановичу от инженера-мостостроителя Якова Яковлевича Кожевникова. Он пишет: "Эти документы с 3 чертежами я получил в подарок в конце 90-х годов прошлого столетия от последнего, ныне умершего владельца Пожевского завода Александра Всеволодовича Всеволож-

ского, с которым я был знаком и с которым у меня были дела по составлению плана реконструкции завода".

Вплоть до начала 60-х годов "дело" хранилось в канцелярии МПС, потом его передали в архив, где лишь недавно оно обнаружено сотрудницей Свердловского областного краеведческого музея Людмилой Александровной Дашкевич.

Принадлежавший Всеволожским, Пожевский чугунолитейный и механический завод был предпринятым известным. В 1803 году здесь установлен первый паровой двигатель, а с 1809 года началось изготовление уже собственных паровых машин, причем не только "для внутреннего потребления", но и на продажу. Напомним, что Е. А. Черепанов свою первую паровую машину построил лишь в 1820-м. На механической фабрике Пожевского завода в 1817 году сооружены два парохода — первые на Урале и одни из первых в России. В 1816 году за 3 года до появления первых газовых фонарей в С.-Петербурге — мастер-

в Англии и Бельгии. Чертежи этих первых локомотивов считались утраченными. Поэтому обнаруженные в архиве материалы дают представление о конструкции не только пожевского паровоза, но и в целом подвижного состава железной дороги С.-Петербург – Царское Село – Павловск, к сожалению, на чертежах отсутствует наиболее интересный боковой вид локомотива.

Каким же был паровоз Пожевского завода? Он имел три оси – одну ведущую, с колесами большого диаметра, и две поддерживающих – спереди и сзади (тип 1-1-1). К нему был прицеплен двухосный тендер. Котел с наружной деревянной обшивкой имел 144 дымогарных трубы; позади располагалась площадка для машиниста. Между боковыми полотнами деревянной рамы находились два цилиндра паровой машины, приводившие во вращение среднюю колесчатую ось. Общий вес паровоза с тендером достигал 11510 пуда 18,5 фунтов, т. е. 18,86 тонны.

В первой половине прошлого столетия, паровозам присваивались собственные «имена» – как и пароходам. Локомотив Пожевского завода, получил название «Пермяк». По размерам и мощности, он значительно превосходил нижнетагильских предшественников. Первый паровоз Черепановых имел цилиндры вдвое меньшего диаметра, 80 дымогарных труб в котле и вес – всего около 2,4 т. Немногим больше был и второй черепановский локомотив.

Наиболее рациональным было отправить паровоз из Пожвы водным путем, по рекам Каме и Волге. Но, учитывая время начала навигации, он тогда не успевал в С.-Петербург на выставку. Оставался конный обоз, транспортировка в разобранном виде.

Спустя пять недель, 29 марта, обоз прибыл в Москву. Дальше санного пути не было – весна вступила в свои права. Но от Москвы до С.-Петербурга уже более пяти лет действовало первое в России капитальное шоссе. Московские извозчики, обязались доставить паровоз в Питер на 14-е сутки. 718 км за две недели – это много или мало? По меркам прошлого века для тяжелого конного обоза – почти на пределе возможного.

О необычном экспонате на выставке сразу заговорили. Газета «Северная Пчела» в те дни писала: «Взоры наши не могут насы-

титься видом превосходного паровоза с завода гг. Всеволожских... Чувство наше воспаляется и мысль рвется на простор при виде полезнейшего из всех изобретений человеческого ума! Архимед хотел сдвинуть с места земной шар, если б ему только дали точку опоры. Вот эта точка – паровоз!»

Экспертная комиссия выставки признала паровоз Пожевского завода «устройством и отделкою соответствующим новейшим улучшениям по сей части».

Император Николай I утвердил представление Министра финансов о награждении Э. Э. Тета золотой медалью с надписью «За полезное» – для ношения на шее на Владимирской ленте. Этой награды механик Пожевского завода был удостоен за «отличную доброту и отделку изделий», представленных на Мануфактурную выставку, и в особенности – паровоза, считавшегося первым в России.

Что же предполагали делать Всеволожские со своим паровозом после закрытия выставки? В донесении заводского правления соседнего с Пожвой Чермозского завода своему владельцу встречается намек на то, что локомотив предназначался для Царкосельской ж.д. Кстати, весной следующего, 1840 года в С.-Петербург из Пожвы были отправлены новый паровозный котел, 2 колеса и 2 цилиндра – очевидно, взамен тех частей и узлов, которые оказались непригодными для работы. Паровоз предполагалось довести до рабочего состояния непосредственно в С.-Петербурге. Известно, что в конце того же, 1840 года император изъявил желание первым проехать на русском паровозе, что, естественно, могло быть осуществлено только на линии Царкосельской железной дороги.

В Пожву было немедленно направлено предписание Главного управления округа: «...в случае несчастия участь ответственного будет ужасна, а потому и объявить всем должностным и рабочим, чтобы предупредили, нет ли еще скрытого злоумышления, ибо жизнь отвечает...»

Пожевчане очень обиделись на подобные подозрения. В написанной ими бумаге подробно изложено, с какой тщательностью выполнялись все работы по постройке паровоза в доменном, кричном, котельном, кузнечном и слесарном отделениях; как строго

выбраковывались все негодные детали. Как бы там ни было, а опасения горнозаводского начальства сослужили для истории хорошую службу: в документе зафиксированы имена и фамилии 59 работников Пожевского завода, непосредственно трудившихся над изготовлением паровоза. 11 из этих 59 работников подписались и за себя, и за своих товарищей, очевидно, неграмотных... В списке есть имена довольно известных мастеров, например, механика А.П. Кочегина, который устроил в 1830 году башенные часы на столичном Спасо-Преображенском соборе.

Однако «Пермяк» на Царкосельскую ж.д. не попал. Возвращенный на Урал паровоз использовался на производстве в качестве стационарного локомотива. Его отправили на Александровский завод и приспособили в механических мастерских для привода в действие слесарных станков. Здесь он успешно работал в течение многих лет, выгодно отличаясь от других паровых двигателей своей мощностью и экономичностью.

От старому Пожевского завода к настоящему времени почти ничего не осталось. Заводская территория затоплена водохранилищем Камской ГЭС. Такая же судьба постигла и некоторые другие уральские заводы – Добрянский, Чермозский, Майкорский, – уникальные с точки зрения своей историко-технической ценности. Тем более важно сохранить ту часть наследия горнозаводского Урала, которой суждено было дойти до наших дней и которая завтра тоже может оказаться утраченной.

И еще вот над чем заставляют задуматься архивные документы – существовавшая у нас в стране «канонизация» отдельных талантливых мастеровых людей одновременно сопровождалась забвением имен многих других, заслуги которых перед Отечеством были не меньше. Вот почему полезно приоткрыть забытую страницу уральской истории.

Екатеринбург

На рисунке: паровоз, построенный на английском заводе Гакворта. Такой вид имел и пожевский «Пермяк».

Виктор ХОХЛАЧЕВ

МАТЭ — ПАРАГВАЙСКИЙ ЧАЙ

Так случилось, что второй (парагвайский) чай Европа открыла для себя раньше, чем первый (китайский). Испанские конкистадоры, проникшие в середине XVI века на юг Западного континента, не раз были свидетелями того, как племя гуарани встречало гостей каким-то неведомым зельем.

Его никогда не пили стоя. Церемония распития напоминала раскуривание "трубки мира" на советах индейских вождей: все рассаживались по старшинству вокруг огня и всякий разговор на это время прекращался. Полную чашу со вставленной в нее тонкой соломинкой передавали по кругу. Каждый по очереди медленно, примерно в течение минуты — дольше считалось неприличным — потягивал горячую жидкость и затем широким жестом вежливости передавал соседу. Чаепитие иногда продолжалось целый день: одну и ту же порцию в чаше можно было разбавлять горячей водой до десяти раз, причем самые лучшие настои получались на пятый и шестой разы.

Специальная чаша, в которую насыпали порошок и вливали горячую воду, оказалась изготовленной из плода лагенарии — небольшой толстостенной тыквы. Их этих тыковок, предварительно высушенных, удалялась сердцевина, а наружная поверхность зарисовывалась. Считалось, что никакая другая посуда для приготовления такого напитка не пригодна: жидкость быстро чернеет. А пористая тыква придавала настою неповторимый вкусовой оттенок. Заимствованное из языка кечуа название сосуда — "матэ" — было со временем перенесено и на сам напиток. Слово "мате" (старинное написание — "матэ") вошло в мировой лексикон как синоним понятия "парагвайский чай".

О самом же втором чае, то есть о растении, из которого получают необычный напиток, европейцы поначалу имели весьма смутное представление. Они решили, что порошок в чашке — из высушенной и перемолотой травы. И поэтому в первых литературных упоминаниях о напитке полное название было: "йерба-мате". Лишь позже стало известно, что "чай" этот не "травяной", а "древесный".

Среди многих дикорастущих растений, издревле используемых аборигенами Нового Света, были и вечнозеленые деревья и кустарники из рода падубов с беловатой гладкой корой и светлоокрашенной твердой древесиной. Из глянцевого темно-зеленого убранства этих деревьев — эндемиков коренное население, проживавшее на берегах рек Парагвай, Парана и Уругвай, и готовило свой обжигающий тонизирующий напиток, неведомый в Восточном полушарии.

Примерно раз в три года туземцы собирали листья, называемые ими "каа", вместе с молодыми побегами и сушили их на медленном огне, а затем чуть-чуть опаливали, до тех пор, пока кожа не начинала лопаться. Хорошо просушенную массу растирали в порошок, который хранили в бычьих пузырях. Чай из этого порошка был в большом ходу у индейцев кечуа. С верховий Параны его поставляли в Анды. Одни из первых этот древний обычай переняли аргентинские пастухи гаучо.

О том, что парагвайский чай — не разновидность восточного, а нечто самостоятельное, установили иезуиты. Поначалу пьющих мате преследовали. Древний обычай местных племен искореняли как "дьявольский предрассудок", внедренный "по сговору с сатаной и его явному наущению".

Но, захватив в свои руки торговлю порошком, давшим популярный напиток и немалые доходы, коммерсанты в рясах в корне изменили свое отношение к "чертову зелью".

Отцы-миссионеры быстро смекнули, что если для приготовления мате использовать не только листья, но и черешки, цветоножки и молодые верхушки веток, то в казну монашеского ордена может хлынуть поистине золотой поток. Дерево-дикорос, высотой от 4 до 16 метров, с раскидистой кроной и крупными блестящими зазубренными листьями, начали одомашнивать, разводить в садах. Подневольные краснокожие вели обработку плантаций парагвайского падуба, сбор, сапекирование (опаливание) и обмолот его хрустящей листвы. Для сорта "каа-мери" удаляли из листьев все средние жилки. Удачно сбываемый оливково-зеленый порошок стал главным предметом вывоза в Парагвайском иезуитском государстве.

Потом плантации прибрал к рукам мадридский двор. Он монополизировал производство "иезуитского чая". Технология культивирования и переработки была сделана секретом высочайшей фирмы.

Разгадать тайну мадридского двора удалось лишь в период освобождения от испанского колониального господства. В 1823 году правительство Объединенных провинций Ла-Платы (будущей "Серебряной" Федеративной Республики — Аргентины) поручило известному французскому ботанику Энэ Бонплану важную государственную миссию — доставить саженцы парагвайского падуба. Он отобрал желанные образцы местных растений, но вывезти их не смог. Бонплан был задержан и еще долгое время не мог выехать из страны, которая вскоре вновь сделала порошок мате главным предметом экспорта.

В начале столетия парагвайский чай пытались внедрить на русский стол. Подвижник российского субтропического растениеводства агроном И. Н. Клинген призывал даже к акклиматизации его в Закавказье, наряду с китайским чаем. Накануне первой мировой войны в Москве был открыт специализированный магазин, но москвичи, привыкшие к душистым сортам традиционного азиатского чая, покупали американский весьма неохотно.

В самом деле, первая проба мате кое у кого может вызвать разочарование. Но уже на следующий день при одном лишь воспоминании о нем появляется желание повторить чашечку. Не отсюда ли идет аргентинская примета: если его попробуешь, обязательно вернешься в дом, где тебя им угощали. Любопытное свидетельство, относящееся к 1889—1892 годам, оставил русский путешественник А. С. Ионин:

"Не знаю, как сказать, вкусно мате или нет? Оно похоже вкусом на крепкий чай без сахара, но немножко более горько, терпко, вяжуще, немного отзывается также запахом пареных листьев; но, путешествуя по степи, я скоро не только к нему привык, но даже пристрастился. Усталый после долгой езды на неудобных лавках дребезжащего дилижанса, после бессонной холодной ночи, я в первый раз с наслаждением потянул из трубочки эту горячую жидкость и с нетерпением ждал, когда трубочка подойдет ко мне в другой раз. Я сразу почувствовал себя бодрее, и этого было довольно".

Считается, что мате гораздо питательнее, чем чай и

кофе, и действует на организм более укрепляющим способом. Он способен не только освежать, но и укреплять при усталости, восстанавливать упавшие силы. Исследования медиков подтвердили, что физиологическое воздействие парагвайского чая на человека более благотворно, чем китайского: мате улучшает работу желудка и сердца, расширяет кровеносные сосуды, укрепляет память и всю симпатическую систему, прогоняет бессонницу и ободряет сонливых. Аргентинские гаучо, употребляющие в пищу исключительно мясо и мате, никогда не страдают авитаминозом.

Ботаники называют его илекс парагуайензис, индейцы гуарани-каа, экспортеры — йерба, остальные — мате, или йерба-мате, но все единодушно в том, что это — зеленое золото, самое ценное с экономической точки зрения растение в лесах Восточного Парагвая, Южной Бразилии и Северной Аргентины.

Сегодня этот представитель семейства падутовых в диком виде встречается редко: он почти истреблен. Сырье для популярного и поныне латиноамериканского напитка дают йербали — участки площадью 100–150 гектаров, с правильными рядами высаженных небольших деревьев. На плантациях деревья живут до 20 лет, достигая полной продуктивности к 10 годам. Пока они уступают "дикарям", сбор с которых обычно производили до 50 лет. К тому же дикое дерево не подвержено заболеваниям и не нуждаются в опрыскивании от вредителей.

Основная же продукция поступает с плантаций граничащих с Парагваем районов Бразилии и Аргентины. Сбор и переработка выращиваемого здесь парагвайского чая составляет главное занятие населения лесистого плато вдоль реки Параны. Из листа здесь готовят кирпичный чай, содержание кофеина в котором можно доводить до пяти процентов.

Южноамериканская чайная страда происходит с мая по сентябрь–октябрь. В это время мужское население окрестных деревень уходит в леса. Наиболее высококачественное сырье получают в июле–августе. Срывается при этом 70–80 процентов листвы. Первую жатву обычно проводят по достижении растением трехлетнего возраста. Наибольшего же развития деревья достигают к тридцати годам. Каждое дерево дает 3,5–5 килограммов сухих листьев.

Цикл переработки урожая состоит из последовательно сменяющих одна другую операций. Сначала ветки и листья ломают и измельчают, затем опаливают, сушат и толкут. После вылеживания массу размалывают, взвешивают и упаковывают для продажи.

За последние десятилетия в традиционной многовековой технологии переработки листа произошли некоторые изменения. Сапекирование теперь чаще производят не на огне, а на пару.

Несколько преобразился и чайный стол почитателей мате. На смену бутылочной тывке предков — "кукас" — пришли сосуды из коровьего рога и глины, кокосового ореха и дерева, фарфора и фаянса, пластмассы и железа, серебра и даже золота, с узким отверстием наверху и нередко на особой подставке. Особым разнообразием отличаются серебряные "чашки" — с орнаментом в виде лебедя, страуса-нанду и креольской гитары, с колокольчиком (для вызова служанки) или с подставкой в виде колокольчика, с музыкальной шкатулкой, играющей мелодии вальса, польки и популярной, например, в Аргентине, милонги.

Появился специальный металлический сосуд с носиком и ручкой — для нагревания воды. По сходству с головой индюшки его называют павой.

Пьют теперь не через камышовую тростинку и даже не через медную, а чаще через серебряную трубочку — бомбилью, с мелкой сеточкой на лопатообразном конце. Это — чтобы порошок, который, как и прежде, остается плавать на поверхности, не попадал в рот.

Итак, на дно "тывочки" насыпается порошок и наливается несколько капель холодной воды. Затем все заливается водой, доведенной до точки закипания. Дело в том, что крутой кипяток извлекает из порошка сразу все вкусовые ароматические и питательные элементы. А "заваренный" горячей водой чай можно пить неспешно, постепенно, смакуя: после двух-трех глотков добавляют воду из павы — и чай настаивается снова.

В одном из музеев Буэнос-Айреса действуют специальные курсы, на которых школьники обучают "теории и практике" мате. Существует особый "язык мате", с помощью которого беззвучно общаются влюбленные. Например, если девушка подает юноше пенный и душистый мате, то это значит, что она признается в любви. Причем насколько горяч напиток, настолько горяча и ее страсть. Но если мате кипит — это клокочет ее ненависть. Холодный же напиток выражает полное безразличие, а то и презрение хозяйки к гостю. В этом "языке" используются и всевозможные добавки-символы. Если чай слишком сладкий, девушка тем самым говорит: "Пора бы тебе поговорить с моими родителями". Апельсин к чаю означает: "Приходи ко мне", корица — "Я думаю о тебе", патока — "Мне неприятно, что ты такой грустный"...

Кстати, о добавках. Мате — более горький и терпкий, чем привычный нам чай. Поэтому без сахара его пьют только настоящие мужчины — гаучо, скотоводы аргентинских, уругвайских, бразильских и парагвайских пампасов.

Более всего — до 50 килограммов зеленого порошка в год — пропускают через свои чашки чилийцы. В целом же в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае, Чили и Боливии, где мате успешно вытесняет спиртные напитки, его потребляют 30 миллионов человек. По почину парагвайцев он стал с XVII века таким же национальным напитком латиноамериканцев, как, скажем, у англичан и японцев чай. В Южной Америке говорят, что креол терпит хорошее расположение духа, даже заболевает, если в течение целого дня ему не удастся сделать несколько глотков любимого мате. А еще о нем говорят: мате сближает и объединяет людей.

Латиноамериканцы всегда предпочитали свой, доморощенный чай пришедшему из-за Тихого океана. Теперь же, вдохновленные лестными оценками современной медицины, они намерены расширить производство мате с тем, чтобы увеличить не только его потребление в собственных странах, но и экспорт за границу. Западный йерба-мате как бы бросает вызов нынешнему чемпиону чайного стола — восточному бай-хоа. Каковы же его шансы на успех?

Объективности ради отметим, что культивирование мате имеет ряд экономических преимуществ. Сбор листа и технология его переработки в сравнении с аналогичными операциями в классическом чаеводстве и чайной промышленности отличаются большей производительностью, меньшей трудоемкостью и обходятся дешевле. При более высокой продуктивности эта культура легче поддается механизации.

Скажем больше: парагвайский чай намерен дать бой не только китайскому чаю, но и кофе. Оказалось, что напиток, приготовленный из семян парагвайского падуба, вполне может состязаться с традиционным, завариваемым из бобов кофейного дерева.

Монеты, прожившие трудную жизнь

История не всегда — давно прошедшие времена, а часто — дни недавнего прошлого. Среди многих дорогих реликвий — монеты периода Великой Отечественной войны. Потускневшие, потерянные, с царапинами и щербинами, они прожили трудную жизнь. Их держали руки погибших и живых героев войны,

руки людей, неделями не отходивших от станков, людей, кормивших хлебом страну, их держали руки совсем юных вдов и рано постаревших матерей... Сейчас эти металлические кружочки имеют не только историческую, но и познавательную ценность.

К периоду войны относятся 25 монет, многие из которых стали редкими и представляют дорогую находку для собирателя.

Прочерки в таблице показывают, что в тот год монеты не чеканились. Монета в рамке — редкая; монеты подчеркнутые тоже встречаются не часто.

Рассматриваемые монеты имеют рисунок оборотной стороны, впервые отпеча-

ченный в 1935 году, а рисунок лицевой стороны был отчеканен в 1926 году и оставался неизменным до 1961 года. Их характерные особенности видны на монетах 1941 года, приведенные на фото 1. Монеты 1942 и 1944 годов имеют несколько вариантов чеканки.

Советские монеты всегда исполнялись в красивом и чистом металле и отличались четкостью чеканки. Но в годы войны это сделать было труднее, и даже невооруженным глазом видно, что качество металла и чеканки ухудшилось. Особенно заметно на оборотной стороне 3 копеек 1943 года — в исполнении нижней части самой цифры 3; на лицевой и оборотной стороне 1 копейки 1945 года, где чеканка расплывчата. Видны изъяны и в заусенцах на буртике большинства никелевых монет тех лет.

Интерес к бывшим советским монетам очень велик среди собирателей и за рубежом. Хорошо изданный и иллюстрированный "Каталог современных монет мира", вышедший в США в 1962 году, уделяет немало места и монетам военного периода. Но, к сожалению, содержит ошибки. Например, указаны в нем 3 копейки с 1937 года по 1946 годы, но известно, что в 1942 и 1944 годах эти монеты не чеканились. Эта же ошибка повторяется с 1 копеей того периода. Некоторые оценочные характеристики неверны: в частности, 10 копеек 1942 года являются безусловно редкими. Так же редко можно встретить 10 копеек 1944 года, 15 копеек 1942 и 1944 годов и 3 копейки 1945 года. Кстати, и все остальные монеты после денежной реформы 1961 года встречаются все реже и реже.

Этот интересный раздел еще ждет своих собирателей и исследователей.

А. ПРОСТОКИШИН

Год выпуска	бронзовые				никелевые			
	1 коп	2 коп	3 коп	5 коп	10 коп	15 коп	20 коп	
1941	1 коп	2 коп	3 коп	5 коп	10 коп	15 коп	20 коп	
1942	—	—	—	—	10 коп	15 коп	20 коп	
1943	—	3 коп	5 коп	—	10 коп	15 коп	20 коп	
1944	—	—	—	—	10 коп	15 коп	20 коп	
1945	1 коп	2 коп	3 коп	5 коп	10 коп	15 коп	20 коп	

Казак заплатил чеченцу...

В Чечено-Ингушетии, возле селения Майртуп, местные школьники обнаружили эту монету. В гербе — изображение Георгия Победоносца, надпись — две копейки, сделана из меди. По бокам от двуглавого орла ясно видны буквы "ЕМ".

Это знак Екатеринбургского монетного двора. Год выпуска монеты — 1771-й — время правления Екатерины II. И еще в девяти семьях северной Чечни обнаружены российские медные монеты XVIII века.

Десять монеток — это много или мало? Достаточно, чтобы доказать: двести лет тому назад из древнего чеченского села был перекинут торговый мостик к казачьим станицам. Чеченские бурки, башлыки, арбы, колеса, мотыги, серпы, ножи пользовались большим спросом у русских. Какой-нибудь казак сделал покупку, а, может, купец выгодно приобрел строевой лес, которым славились тянувшиеся к югу Черные горы... Может, обронил покупатель две копейки, совершая сделку или отправляясь обратно домой. Может, в каком-то поколении дед-чеченец сохранил ее для внука... Так и прижились здесь на века старые русские монетки.

Б. АХМАДОВ

Символ с изначальным значением

Свастика — один из ранних орнаментальных мотивов в искусстве древних культур Европы и Азии, и даже Африки и Америки. Ее изображения были помещены на древнегреческих и сицилийских монетах античного периода. Изначально свастика символизирует солнце, благоденствие, плодородие. Любопытно, что и наши, отечественные деньги не обошлись без нее: свастика изображена на рисунке государственных кредитных билетов, выпущенных в 1918 году по клише, оставшемуся от Временного правительства. Они были в обращении вплоть до денежной реформы 1922 года.

Чего не бывает!

Необычные металлические деньги хранятся в одном из музеев Буэнос-Айреса: золотые и серебряные монеты, имевшие хождение в стране в 1867 году, имеют форму... пуговиц. Их можно было пришить на куртку или внутрь кармана — так накрепко, что невозможно потянуть.

Столь же удивительные денежки

можно увидеть в музейных хранилищах Вены — медные монеты, которые ковались в австрийском селе Фронлайтен в 1719 году и имели четырехугольную форму. Интересно, были у австрийцев от угловатых монет дыры в карманах, или нет?..

Бумажные... копейки

В октябре 1915 года в России на утверждение сената был представлен проект министра финансов: "...Ввиду стеснения населения от возрастающей недостачи разменной серебряной и медной монеты и невозможности для Монетного двора немедленно изготовить ее в достаточном количестве, мною будет сделано распоряжение выпустить в обращение вместо разменных денег почтовые марки образца юбилейных к трехсотлетию дома Романовых достоинством в 1, 2, 3, 10, 15 и 20 копеек с надписью на обороте: "Имеет хождение наравне с серебряной и медной монетой".

Проект распоряжения был утвержден, и в России появились отпечатанные на картоне марки-деньги. Вряд ли они могли решить проблему финансовых трудностей в отсталой России, находившейся уже на грани первой мировой войны: ввиду примитивности изготовления бумажных "копеек" вслед за правительственными моментально появились фальшивые марки-дублиеры...

П. МАШИН

Короли запутались...

Однажды Игорь Константинович Вяхирев из Львова покупал в троллейбусе проездные билеты, и глянув внимательно на сдачу, чуть не вслух воскликнул: "Вот повезло — так повезло!.." На монете в 50 копеек не было надписи... Небольшая партия монет достоинством в 50 копеек была выпущена без надписи: все остальные надписаны, а эти — нет. Сейчас они все хранятся в коллекциях нумизматов.

Собирать свою коллекцию Вяхирев начал еще школьником. В ней — почти

полное собрание советских металлических денег. И не только.

Есть в ней один любопытный раздел — монеты польско-литовского королевства периода Ренессанса. Собрать все образцы того периода невозможно: в XVI—XVII веках на территории королевства сразу несколько монетных дворов чеканили медные и серебряные тройки и шостаки, среди которых было много идентичных, и еще в те времена в обороте ходили золотые монеты — например, талер с изображением Зигмунта III Вазы, цена которых всегда была высока. Кстати, у тройка с изображением Зигмунта III Вазы, который имеется в коллекции Игоря Константиновича Вяхирева, любопытная история...

Имя династии Вазы — хотя и объясняли фигурой вазы, помещенной в родовом гербе фамилии — происходит от названия родового имени "Ваза".. Все Вазы по характеру воинственны, мужественны, властолюбивы.

В 1587 году на польский трон вззошел двадцатилетний шведский королевич Зигмунт III — сын Катажины Ягеллонской и Яна III.

Олькусский монетный двор, чеканя золотой талер с изображением средневекового короля, использовал уникальный, ранее не известный портрет короля Зигмунта, или как его называют в энциклопедиях, Зигмунта Старого — отца Катажины Ягеллонской. Портрет был написан, когда ему исполнился 21 год — тот же возраст, когда заступил на трон его внук.

Этот портрет был повторен и рижскими чеканщиками на тройке, посвященном молодому Зигмунту III Вазе — польскому королю правлением которого и закончилась династия Вазы.

В. АВДЕЕВ

Алексей ЛОБАШЕВ
Виктор РУДЕНКО

КОРЕЯ: ЮТ-НОРИ И ДРУГИЕ

Этой статьей открывается серия материалов об играх разных народов. Поскольку игр существует великое множество, авторы, отказавшись от описания подвижных и спортивных сосредоточат свое внимание на описании правил наиболее интересных настольных игр и так называемых игр на досках, в которых используется специальное поле (доска) для игры. Авторы будут благодарны за информацию о правилах народных игр, известных читателям.

Для начала хотелось бы познакомить с некоторыми простыми, но занимательными играми. К их числу несомненно относится корейская игра под названием "ют-нори", что в переводе означает "игра ют". В англоязычной литературе это название чаще дается в другой транскрипции — "нют". (Еще одно встречающееся в книгах название игры — нют-нол-ки.)

В Корее ют-нори считается традиционной новогодней игрой. Играют в нее примерно с середины последнего месяца уходящего года до середины первого месяца года наступающего. Годы в Корее, как и во многих других странах Азии, с давних времен исчислялись по лунному календарю, согласно которому старый год оканчивается в январе-феврале месяце. Впрочем, первоначально игра ют, как и некоторые другие, была связана не столько с празднованием Нового года, сколько с окончанием к этому времени сельскохозяйственных работ и появлением свободного времени у людей низших классов, среди которых она была особенно распространена в прошлом веке.

В корейской книге о народных играх, изданной в семидесятых годах в Пхеньяне, приводятся некоторые исторические сведения, относящиеся к происхождению игры ют-нори. До IV века на Корейском полуострове было три различных государства. В юго-восточной части — Силла, в юго-западной — Пекче, в северной — Кугуре. Кроме того, на примыкающей к Корее части территории нынешних китайских провинций проживали племена Пуйе. Именно от них и пришла игра — после того, как Пуйе были завоеваны Кугуре. Названия самой игры и различных бросков палочек, в ней используемых, не корейского происхождения. К сожалению, в книге не говорится об источнике этих данных. Каких-либо доказательств древности этой игры в книгах европейских и американских авторов тоже не встречается. Сообщается лишь, что были найдены записи, в которых упоминается о подобной игре, существовавшей в Корее уже в 3 веке.

В настоящее время игра ют-нори популярна как в

Южной, так и в Северной Корее и широко известна среди корейцев, проживающих на территории Китая (чего, к сожалению, нельзя сказать о живущих в нашей стране). В нее играют и в городах, и в деревнях чаще всего в семье или с друзьями. В сельской местности даже устраиваются соревнования, длящиеся по нескольку дней, на которые соседние деревни направляют свои команды. Команды состоят из лучших игроков — взрослых мужчин. Выигршем является крупный приз, к примеру, корова. Кстати говоря, игра ют в прежние времена считалась азартной. В конце прошлого — начале нынешнего века в нее играли на деньги даже в игорных домах. В последнее время обычно играют на сладости — конфеты, бататы (сладкий картофель). Дети иногда играют с "наказанием" для проигравшего или проигравшей команды — это шлепки с размаху двумя пальцами по руке противника (у нас дети называют это "игрой на горячие"), количество которых определяется по предварительной договоренности.

Для игры необходимо игровое поле, специальные палочки, используемые вместо игральные костей, и фишки для каждого игрока.

Игровое поле бывает двух видов — круглое и квадратное (см. рисунок 1 а, б). Как правило, если хотят изготовить поле для игры сами, а не покупают готовое, то рисуют именно квадратное поле, поскольку его проще изобразить. Однако в прошлом веке играли на круглых полях, которые были начерчены на бумаге или прямо на земле. В последнем случае место изображенных на рисунке кружков занимали углубления (лунки). Для удобства описания правил игры мы используем буквенное обозначение некоторых кружков (А, Б, В, Г, Д). В действительности это не делается, хотя помеченные нами кружки действительно имеют большой размер, чем остальные. Нередко на кружках А—Г были написаны китайские иероглифы. Иногда иероглифы были написаны вообще на всех кружках игрового поля.

В качестве игральные костей, чаще называемых у нас игральными кубиками, корейцы, как и многие другие народы, использовали четыре специальные палочки, называемые пам-ют. В прошлом веке в городах чаще всего применялись короткие палочки — длиной около 2,5 см, — в деревнях длинные — длиной до 20 см (см. рисунок 2 а, б). Для их изготовления по возможности ровную круглую палочку диаметром от 8 до 30 мм расщепляли на две половины. Плоская сторона палочек оставалась белой, а закругленная чернилась, что можно сделать, к примеру, углем. Чтобы избежать жульничества при бросках коротких палочек часто применялось специальное кольцо из соломы, через которое их надо было бросать, диаметром около 5 см, прикрепленное на палку длиной 30—40 см, втыкаемую рядом с игровым полем в землю. Короткие палочки бросали из горсти, длинные для броска складывали в руке определенным образом: на две палочки, расположенные рядом плоской стороной вверх,

помещались крестом плоскими сторонами вниз две другие, которые игрок придерживал сверху большим пальцем. В настоящее время используются длинные палочки для игры, вид которых претерпел некоторые изменения — они стали сужаться к концам с обеих сторон, закругленная сторона обычно украшается выжженным рисунком цветов, драконов или просто геометрических фигур.

Каждое из 5 возможных положений палочек после броска имеет свое название:

"мо" — 4 черных (закругленных) стороны вверх,
— 5 очков;

"ют" — 4 белых (плоских) стороны вверх,
— 4 очка;

"коль" — 3 белых стороны вверх, — 3 очка;

"ке" — 2 белых стороны вверх, — 2 очка;

"то" — 1 белая сторона вверх, — 1 очко.

При игре с короткими палочками, если одна или несколько из них встает на торец, они считаются упавшими черной стороной вверх.

В соответствии с полученным количеством очков игроки передвигают свои фишки, называемые "ма" (лошади) по кружкам игрового поля. Определенной формы фишек для игры в ют не существует, так как в прежние времена фишки игроков отличались друг от друга не цветом, а внешним видом. Например, один из игроков использовал камешки, другой веточки, третий бумажки. Сейчас в самодельных комплектах нередко передвигают по полю спички (один игрок целые, другой обгоревшие или обломанные).

В игре могут участвовать 2, 3, 4 и более человек. Если играют вдвоем, втроем или вчетвером каждый за себя, у каждого игрока по 4 фишки. Однако, в самом распространенном варианте 4 игрока делятся на две команды и имеют по 2 фишки каждый. Очень редко играют восьмером, разделившись на две команды по 4 человека. В этом случае у каждого игрока по 1 фишке. При командной игре игроки команд располагаются вокруг поля через одного (таким образом, при игре вчетвером партнеры сидят напротив друг друга).

Команды, как правило, образуются по соглашению между игроками. Кроме того, до игры оговаривается приз для выигравшего или наказание для проигравшего, а также количество партий, которое надо сыграть для определения победителя. Начинает игру любой игрок или команда по договоренности. Чтобы избежать споров, можно использовать жребий либо поступить следующим образом: перед началом игры каждый игрок по очереди бросает палочки и получивший наибольшее количество очков начинает играть первым, получивший следующее большое количество очков садится справа от него (так как игра ведется против часовой стрелки) и будет играть следующим. Так же определяется очередность остальных игроков. Игроки, получившие равное количество очков, бросают палочки до тех пор, пока не получат различные

показания, что и решит вопрос, кто из них будет играть раньше. При применении этого способа команды образуются случайным образом из игроков, сидящих напротив.

Игрок, начинающий игру, бросает палочки и ходит. Если он получил 4 или 5 очков, это дает ему право на дополнительный бросок, который совершается до передвижения фишек по игровому полю. Например, игрок получил 4, затем еще 4, затем 1. После этого он может передвинуть по полю одну или несколько своих фишек соответственно на 4, 4 и 1 кружок в любом порядке — не обязательно в той последовательности, в которой они выпадали. Эта серия бросков и перемещений составляет ход игрока.

Первоначально все фишки находятся у игроков, а не стоят на поле. Игроки передвигают их по окружности от кружка, следующего за кружком А против часовой стрелки, в направлении к кружку В, затем В, Г, и А. Если фишка игрока попадает на кружок В или В, это дает возможность сократить путь. При попадании на кружок В, фишку передвигают по диаметру круга в направлении В—Г и уже оттуда к А. Однако, если при этом фишка остановится на центральном кружке Д, ее путь становится еще короче — фишку передвигают в направлении Д—А. При попадании на кружок В, фишка направляется по другому диаметру в направлении В—А. Фишки, приведенные к цели, то есть попавшие после обхода окружности на кружок А или перешедшие за него (точное попадание не обязательно), снимаются с поля. Игрок или команда, которым удалось раньше противников снять с поля все свои фишки, выигрывают игру.

При командной игре любой игрок в свою очередь может передвигать по полю фишки партнера вместо своих или вместе со своими, если это позволяют сделать выпавшие очки. Например, если выпало 5 очков, а затем 1 очко, игрок может передвинуть одну или две своих фишки, или передвинуть одну свою фишку и фишку партнера, или передвинуть одну или две фишки партнера. При остановке фишки игрока на кружке, занятом другой своей фишкой или фишкой партнера, эти две фишки двигают вместе — из лошадок как бы образуется "упряжка". К этой упряжке можно присоединить таким же образом и новые фишки, что дает значительное преимущество в скорости передвижения по полю. Вся упряжка одновременно передвигается на количество кружков, соответствующее выпавшим очкам, поэтому особенно выгодно попытаться создать упряжку на кружке В. Правила игры не позволяют игроку разбить образованную им упряжку на части, то есть отделить от нее одну или несколько фишек.

При остановке фишки игрока на кружке, занятом фишкой противника, последняя считается пойманной и должна начинать весь путь сначала. Недостаток упряжек заключается в следующем: из скольких бы фишек они

не состояли, все эти фишки можно поймать одновременно одиночной фишкой или упряжкой противника. Пойманная упряжка снимается с доски и распадается на составляющие ее фишки, которые возвращаются в игру уже по отдельности. Поимка фишки или упряжки противника дает игроку право на дополнительный ход.

Вот и все основные правила ют-нори. Осталось только нарисовать поле и изготовить палочки для игры. Впрочем, последнее вовсе не обязательно. Вместо палочек можно с успехом использовать и другой ма-

териал, например, пуговицы, но не обычные, с дырочками, а специальные, с ушками, которые часто используются в женской одежде (особенно на пальто) и являются обязательными атрибутом форменной одежды военных. В этом случае выпавшими белой стороной будут считаться пуговицы, лежащие ушком кверху. Применять обычный игральный кубик, не учитывая броски, дающие 6 очков, тоже можно, но не рекомендуется, поскольку вероятность выпадения любого количества очков на нем одинакова, тогда как при использовании палочек 4 или 5 очков выпадают значительно реже, чем 1, 2 или 3.

Наш рассказ об игре ют был бы неполным без упоминания нескольких простых игр различного типа с палочками, используемыми для ют-нори. В Северной Корее в провинции Чагандо играли в сун-карак-копки и сан-каджи-таги, в провинции Хамген-пукто — в кунг-таги и че-пан-нори. В Южной Корее в провинции Чхун-чхон-намдо была распространена игра джа-се-пат-ки.

В игру сун-карак-копки могут играть два и более игрока, используя 4 палочки пам-ют. Эта игра по своему типу соответствует играм в кости и ведется на небольшие ставки. Начинает любой игрок, бросая палочки как было описано выше. Названия бросков те же самые, что и в ют-нори, выпавшие очки особого значения в этой иг-

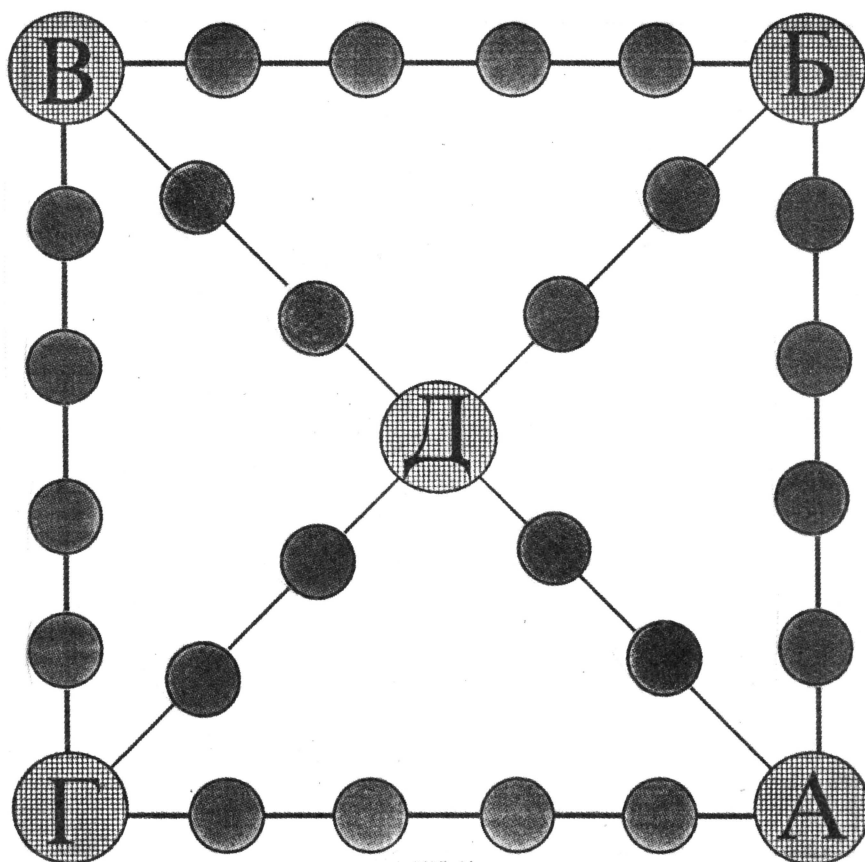

РИС. 1А

большой палец — броску "мо" (5 очков). Выигрывает тот, кто первым разожмет все пальцы.

Надеемся, что приведенные описания дали читателям возможность что-то почерпнуть для себя из неисчерпаемой сокровищницы народных игр. Ну, а если кто-то решит еще и сыграть в ют-нори или в другую игру, желаем ему удачно провести время, и чтобы все броски его были "мо"!

В ближайших номерах журнала вы познакомитесь с древнеатцтекской игрой патолли и другими древними и современными играми.

Авторы выражают сердечную признательность Сим Гю Чонгу (Южная Корея, город Сеул), благодаря которому внесены существенные изменения и дополнения в изложение правил игры ют-нори по сравнению с традиционно приводимыми в западно-европейской и американской литературе правилами, основанными на описаниях конца прошлого века, а также благодарят заведующую библиотекой ИФиП УрО РАН Людмилу Михайловну Семиглазову за неоценимую помощь в получении книг из крупнейших библиотек страны и, наконец, Маргариту Феофиловну Соболеву и вновь Сим Гю Чонга за переводы с корейского языка.

ре не имеют, учитывается лишь вид броска. Вместе с тем, если читателям не захочется специально запоминать названия, можно именовать броски и по количеству выпавших очков. Первоначально все игроки держат пальцы левой руки сжатыми в кулак. Бросив палочки правой рукой, игрок называет бросок и разгибает один из пальцев левой руки. При этом мизинец соответствует броску "то" (1 очко), безымянный палец — броску "ке" (2 очка), средний палец — броску "коль" (3 очка), указательный палец — броску "ют" (4 очка),

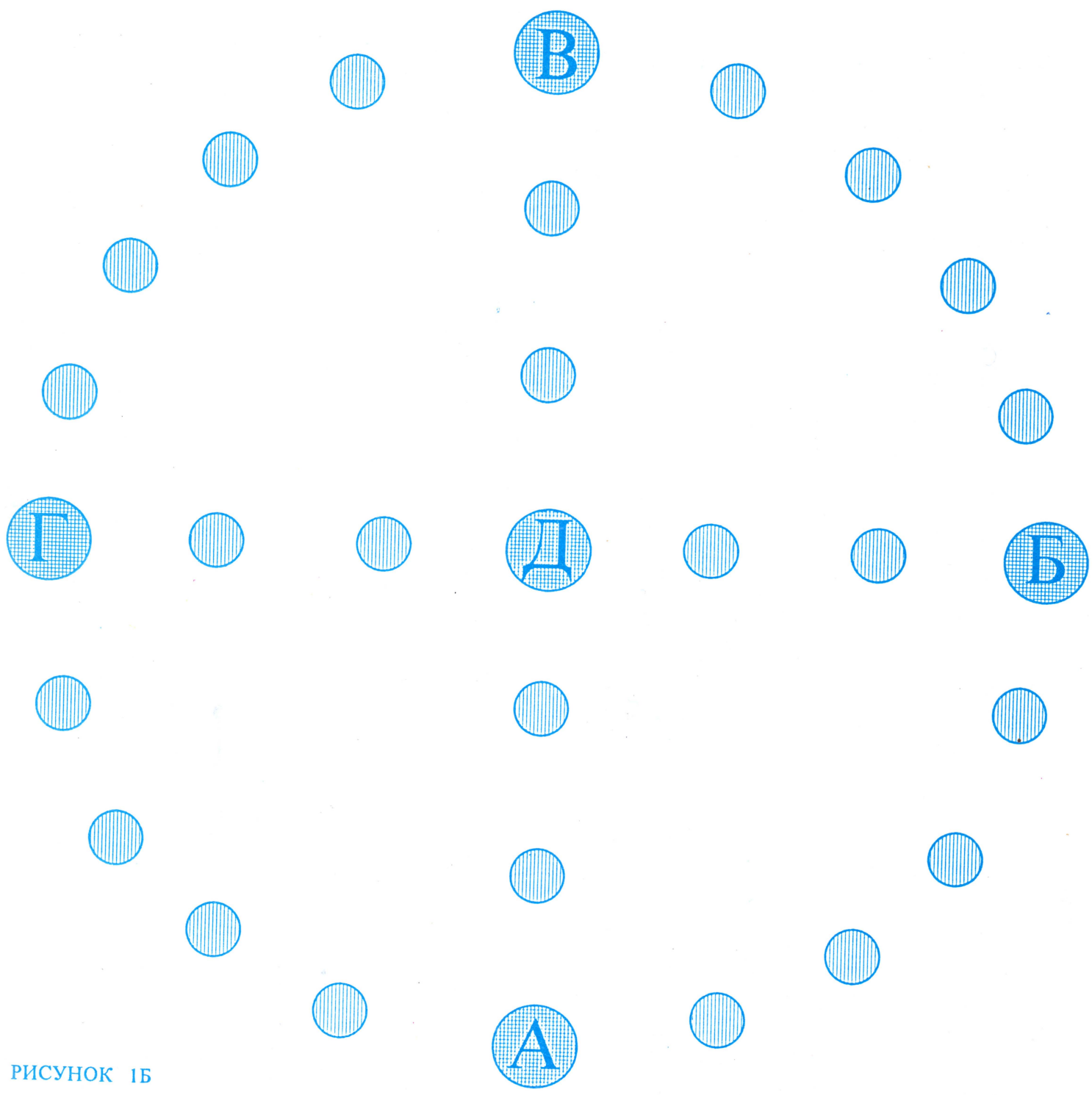

РИСУНОК 1Б

РИС. 2Б

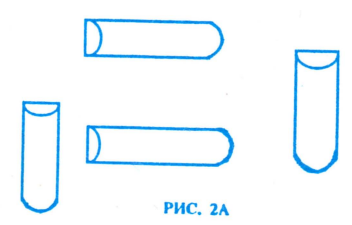
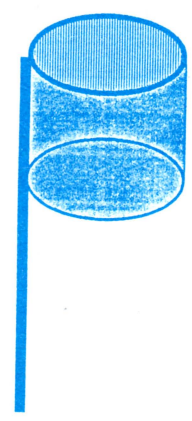

РИС. 2А

В третьем номере "Уральского следопыта" мы начинаем публикацию второй части романа Владислава Крапивина "Бронзовый мальчик".
Новая рубрика "Женщины Древней Руси" открывается очерком Ю. Горбунова "Легенда о княгине Ольге".
Вы сможете ознакомиться также со статьей-исследованием социологов С. Мошкина и В. Руденко "Екатеринбургер-93" продолжением цикла о подростках Ю. Шинкаренко "Дубовые дощечки", подборками краеведческих и других материалов под нашими постоянными рубриками "Страна топонимия", "Мир на ладони", "Заочный КЛФ".

Напоминаем, что если вы не успели оформить подписку, то сможете получить любой номер "УС", переслав на адрес редакции денежный перевод, в который входит стоимость журнала плюс расходы на пересылку (их можно узнать в почтовом отделении).

Цена первого номера – 400 руб., второго и третьего – 450 руб.

Наш адрес: 620219, Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67

Расылка производится в течение 10 дней с момента получения перевода.

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
URALS TRACKER

ИНДЕКС 73413, ISSN 0134-241X.
УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, №2, 1994, с. 1-80.